

Хамид
Гулям

**СТЕШНЫЕ
ФИАЛКИ**

Авторизованный перевод
ДМ. ХОЛЕНДРО

Глава первая

САД РАХИМА-БОБО

Ну и жара! Небо как вымытое и начисто вытертое стекло. Ни облачка — ни вблизи, ни вдали, как будто их и не было никогда над головой, все облака сгорели дотла, легко, как пух. И ничем не прикрытое солнце безудержно посылает на землю не лучи, а огненный дождь.

Весь мир перед ним нараспашку.

А оно и радо! Оно щедро льет свой огонь на крыши, на стены, на деревья, на асфальт, на траву, на людей, не заботясь о том, что может сжечь все подряд как уже сожгло облака. И так с утра...

Деревья замерли неподвижно и стоят, роняя жалкие клочки тени на раскаленную землю. А люди переходят неторопливыми шагами от одной тени к другой и останавливаются, чтобы постоять в укрытии хотя бы минуту. Тень — остановка, тень — остановка, словно люди не идут, а едут по каким-то незримым дорогам, протянутым вкривь и вкось... Так они и движутся — не прямо, а вкривь и вкось, и со стороны можно легко подумать, что они, бедняги, не совсем трезвые. Поятся в тени, держась рукой за горячий ствол тополька, и бредут дальше, качаясь чуть-чуть и высматривая новую тень... Жарко!

Воздух горячо разливается по телу, но, странно, не жжет, а только сушит и вызывает жажду, пить хочется на каждом углу. Хорошо, что климат здесь сухой, добавить в этот воздух, в это пламя немного влаги, немного испарений — и совсем нечем будет дышать.

Люди с надеждой ждут, что, может быть, завтра солнце сжалится над ними, поостынет. Ничего подобного! Назавтра оно еще свирепей, оно не хочет утихомириваться, палит неистощимо и люто, и люди сдаются, стараются убежать из города, оставляя свои благоустроенные, удобно обставленные квартиры, спешат поближе к горам, к речкам, в прохладу которых можно окунуться, а потом посидеть под склонившейся к воде ивой. На траве, сохранившей здесь, у воды, зеленый цвет... И никуда не ехать, не идти... Зачем эти улицы, закопанные в асфальт, эти дома, сложенные из камня, лезущего в знойное небо, эти горячие железные корсбики, называемые автобусами? Зачем?

Солнце палит так, похоже, лишь для того, чтобы напомнить людям, что они — дети природы, и выгнать их из города.

Хорошо, если у близких или друзей где-нибудь на берегу реки, под защитой горной гряды, с которой стекает ночная свежесть, есть сад. Тогда — в сады, в сады! Автобусы в эти знойные дни тянутся к кишлакам вереницами, а завоз хлеба в сельские лавки увеличивается в несколько раз.

Если проехать по ташкентской дороге километров семнадцать в сторону Карасу — Черной речки, то попадешь в зеленый кишлак Кибрай. А если от центра его повернуть в левую сторону по узкой асфальтовой полоске, похожей на ручей, то скоро окажешься на берегу самой Черной речки. Какая же это благодать — и дышать ею, и смотреть на нее. Сейчас, когда солнце так немилосердно, в горах обильно тают снега, и Черная речка течет плавно, величаво, полноводная и темная до дна! Она оправдывает свое название темной глубиной этих вод. А может быть, вода темна просто оттого, что на берегах реки, с обеих сторон, плотными стенами сомкнулись столетние ивы. Они прячут в свою тень не только людей, но и саму реку, и она благодарно омывает их толстые, местами обнажившиеся корни.

Под такими ивами, в гуще их, не сразу заметишь чигирь, колесо с черпалками, которое вращается так же бессонно, как бессонно течет река, наполняя черпалки водой и отдавая эту воду саду, подступающему вплотную к реке... Вода постепенно поднимается на крутой берег и выливается в канаву, в арык, чтобы

послушно побежать по нему в сад, под яблони и персики, инжир и гранаты, посаженные и взлелеянные руками старика Рахима-бобо. Вместе с водой под деревьями разливаются журчанье и шорохи, звуки бессмертной жизни... Дед Рахим не только посадил когда-то слабые, не толще бельевой веревки, саженцы этих крепких, разросшихся ныне деревьев, но и соорудил чигирь, и выкопал арыки.. И вода торопится по ним в сад, как внучка, соскучившаяся по деду.

Сравнение, пришедшее на ум, понравилось молодому человеку, который полулежал на веранде, на растеленных одеялах, обмахивался платком и любовался этим небольшим садом. Темные глаза его скользили по верхушкам деревьев... Он разглядывал уже сочные плоды дальних слив и удивлялся. Да, сад был небольшой, но чего только не росло здесь! Деревья — это половина сада, а вторую его половину занял виноградник. Так и протянулись до самой реки: справа — деревья, слева — лозы. А перед верандой был еще маленький цветник.

Сам кишлачный житель, молодой человек без труда представил себе, сколько сил и стараний потребовал от деда каждый росток. И с тем большим уважением он размышлял о старике, с которым его свела, можно сказать, случайность. Он, бригадир-хлопковод, заочник сельскохозяйственного института, приехал в столицу из своего андижанского колхоза на защиту диплома. Через несколько дней — прощай, институт, прощай, учеба! И защита уже состоялась, диплом осталось только получить. Как все скоро, однако! Недаром еще его дед внушал — хочешь успеть, помни, время не ждет, время — единственное, что не останавливается никогда... И вот защита позади, время и это отсчитало... А ведь как волновался, когда приехал. А тут еще жара, удручающе несносная в городе. И он предложил своему нозому знакомому, тоже, видно, заочнику, с которым разговаривал в коридоре института, тоже хлопководу-бригадиру, только не из андижанских долин, а из предгорий Хаваса, объединиться и поселиться за городом. Рано вставать им — не привыкать, потолкаться полчаса, часок в автобусе — не страшно, молодые, зато — свежий воздух. Свежий воздух — свежая голова. Свежая голова — ясные мысли...

Так они и оказались в саду Рахима-бобо.

Принятый за заочника, каких много собиралось в стенах ташкентских институтов в эти летние дни, новый знакомый, как выяснилось, приехал защищать не диплом, а кандидатскую диссертацию. И ни словом не обмолвился об этом, пока длился их разговор. Подумалось тогда — высокомерный или скромный, почему промолчал о своей диссертации? А потом как-то само собой забылось, словно рукой махнул... Неважно! Встретились, проживут недолго под сенью деревьев древнего Рахима-бобо и разъедутся, расстанутся... Может быть, навсегда. Земля большая. Скоро, и правда, разъедутся... Время не останавливается, торопит... Скоро!

А пока он лежит на веранде домика Рахима-бобо и смотрит, как колышется лоза — где-то там, в винограднике, возится старик, подвязывает побеги, клонящиеся до земли под тяжестью черных или янтарных, пронизанных солнцем гроздей, его не видно отсюда, он совсем маленький, этот старик, виноградная листва легко прячет его с головой...

Да ведь, как говорится, мал да удал! Вон какой сад развел на клочке земли не больше поясного платка! И если бы один этот сад!

В эти самые дни неугомонный старичок-бодрячок, ковыряющийся в саду, справил свое восьмидесятилетие. Неожиданные его квартиранты-постояльцы попали с корабля на бал, очутились в центре пира. Конечно, они уже наслышались, как много у старика детей, внуков, правнуков. Но и предполагать не могли, что все возьмут и соберутся на стариковский день рождения. Приехали, однако, собрались! Не семья, а целый кишлак. Ну и ну! Один сын — директор совхоза, второй — завод, еще один — врач, пять дочек — учительницы... Уже и внуки есть с высшим образованием, ответственные специалисты. И, значит, на ответственной работе. И не только с образованием, но и с орденами. Глаза вылупишь!

Да и сам тщедушный старичок не такой уж тихий жучок, доживающий отпущенные ему дни под веточками своего сада и без конца ковыряющийся то в земле, то в навозе... Нет, было время, он работал председателем Кибрайского сельсовета, первым председателем первого сельсовета в Кибрае! Здесь организовал он пер-

вое товарищество бедных крестьян... Давно это было, полвека тому назад! Но ведь время не останавливается, время бежит, несется...

А старик еще жив! И слава его жива! В день рождения Рахима-бобо на всех дорогах к Кибраю с утра прибавилось легковых машин. Они везли на праздник не только детей и внуков, но и друзей деда, старых большевиков, бывших и нынешних председателей колхозов, агрономов, поливальщиков, а то и ученых... Вот тебе и старик!.. Говорили, говорили о нем, поднимая чарки, а всего и не сказали, поди!

Ну что ж! Тут есть чему поучиться.

Вот окончен институт, диплом, как говорится, в кармане, что дальше? Вернуться в свой колхоз и снова стать если и не передовым, то видным бригадиром, каких много? Затеряться в их числе, в их растущих списках? Ждать на совещаниях районного актива, когда назовут и твою фамилию? Ну нет... Это — за спиной... Пройденный этап. Пройдено — прожито. А дальше?

Если признаться, еще в годы учебы думалось всерьез и об этом «дальше». И все чаще возникал в мыслях Мирзачуль. Просторы, которые не оглядишь... Даже мысленно! Мирзачуль, Голодная степь... На многие сотни километров, из края в край, протянулась она, здесь, со стороны Ташкента, уже прикрытая садами и зеленым разливом хлопковых полей... Еще неглубоко, как в пору половодья реки прикрывают водой свои берега... Но вода возвращается, а зелень садов и полей, проникающая в Мирзачуль, не отступает, наоборот, движется все глубже, тесня верблюжью колючку, густую и сиреневую в буйные дни цветенья и серую, ломкую, прозрачную, все остальное время... Мирзачуль... Когда-то верблюжья колючка была единственным украшением этой земли. Немеряной, неоглядной, бесплодной... Недаром ее называли Голодной степью.

Однако Голодная степь, преображаясь, назвала уже десятки своих героев. Их портреты в праздничные утра несут над колоннами демонстрантов в кишлаках и столице, печатают в газетах. Их имена и в будни звучат по радио. А лацканы их пиджаков, конечно, уже успели отяжелеть от правительственных наград, а то и светятся золотом звезд. По заслугам! Работа у них не из простых и легких...

Поэтому и он не готовится к легкой жизни, когда думает о просторах Мирзачуля. О тех его далях, откуда еще не ушла пустыня со своими шакалами и пыльными бурями, с насковоз как в аду, пропеченной землей, лежащей вроде бы бездыханно, но там, в глубине, затаившей тоскливое ожидание жизни. Ведь земля, как женщина, должна рожать.

Жизнь проникала в степь вместе с водой, без воды она была немислима, вода ее приносила. Вода — жизнь! Это так. Но как сделать, чтобы вода не загубила, а заставила рожать пустынные земли? Да-да, не загубила! Немало случаев известно, когда драгоценная вода, от которой ждали сказочных чудес, превращала землю Мирзачуля в болота. И все. Никаких чудес, если не принимать и этого за своеобразное чудо: вместо пыли — самое настоящее болото с лягушками и комарами. Мирзачульская пыль оказалась небывало плодородной землей, веками копившей материнские силы... Нерастраченные, рвущиеся на волю... Но как их подкинуть человеку?

Он этому учился.

Он понял, как трудно управлять землей. Все играет здесь свою роль, все играет на невидимых струнах будущего успеха — вода, погода, ветер... О! Это не самые послушные музыканты! Но он найдет с ними общий язык, научится управлять этим сложнейшим современным оркестром.

Бригадиру с дипломом открывалось многое, если выразить свое согласие поехать в Мирзачуль. Не согласие, а желание! Почти наверняка можно сразу стать директором нового совхоза. Новые совхозы на просторах Голодной степи возникали группами, как грибы на зеленой лужайке после дождя. И сейчас, конечно, есть такие, ждущие, условно говоря, хозяина, образованного специалиста, и он придет и скажет: «Я возьмусь» Год-два упорной работы, и о нем услышат родной кишлак, знакомые и незнакомые... Да что там! Вся страна. Если уж дерзать, так дерзать! Он может сказать не только: «Я возьмусь!» Он может сказать: «Я готов!» А еще лучше: «Я могу!»

И завидная слава Рахима-бобо не сумеет соперничать с его невольной славой, как этот крохотный, по существу, сад с просторами Мирзачуля, полными и

солнца, и ветра, и пыли... С просторами, в покорение которых он вложит и свою жизнь...

А из сада Рахима-бобо он увезет не только такие-то сорта плодовых деревьев для своих пустынных садов, но и его внучку Дилдор. Они познакомились здесь на дне рождения ее деда, вот на этой веранде. Он только повязал новый галстук, почистил и пригладил отвороты пиджака и последний раз глянул в зеркало перед тем, как выйти из дома и направиться к столу, накрытому в саду и уже окруженному гостями. А она вышла из другой двери с подносом, на котором горой возвышались желтые груши, закрывая ее лицо, потому что она держала свою ношу высоко...

— Вам помочь? — спросил он.

Прежде чем ответить, она отвела поднос, и он, не очень молодой человек, потому что годы, ушедшие на учебу, не вернешь, ничто подлинное без жертв не бывает, он остолбенел и протянутые руки сами собой опустились. Ее улыбка не была такой, как у всех, она была особенной, ее тонкие, не выщипанные, а от природы тонкие брови приподнялись, ее блестящие глаза смотрели на него с любопытством, искренним и по-детски открытым... Это открытое любопытство сразу было замечено им, едва он пришел в себя. Она не ответила, а только покачала головой и пошла по дорожке сада быстро и как-то стыдливо.

А он догнал и спросил:

— Простите, как вас зовут?

— Дилдор.

— Вы — внучка Рахима-бобо?

— Да.

Он, как полагается вежливому и воспитанному человеку, назвал себя и добавил:

— Я живу у вашего дедушки.

Тогда она еще раз посмотрела на него открытым и долгим взглядом. В глазах ее было написано: я знаю, что мой добрый дед пустил к себе квартирантов, но не ждала, что один из них так... так... ну, как бы это сказать точнее и честнее, что было написано в ее глазах... так привлекателен!

— Добрый и замечательный у вас дедушка! — сказал он еще до того, как начались застольные речи и он узнал, что дед у нее действительно замечательный.

Она еще раз взглянула на него так, что стало ясно: она очень любила деда. Но не только это. Стало вот что ясно ему, будущему директору нового мирзачульского совхоза, при взгляде Дилдор: это его судьба. Через день он поехал в Ташкент, будто бы по институтским делам, хотя никаких дел на этот раз не было, нашел ее, еще через несколько дней они сидели на воздушной веранде какого-то кафе, как в люльке дирижабля, среди чинар большого ташкентского сквера и рассказывали друг другу о себе, и он услышал, что Дилдор только что закончила медицинский институт и ждет своего назначения, а еще спустя два-три дня другие слова зазвучали сами собой, другие речи... Время, торопливое время, на этот раз помогло, работало на него... Он ведь должен был вот-вот уехать, и Дилдор это знала... Может быть, они сказали все друг другу скорее, чем полагается по старым канонам... А может быть, и нет... Разве у любви есть каноны?

Теперь, так или иначе, он знает, что увезет Дилдор отсюда. С собой. Куда бы то ни было! О Мирзачуле еще надо подумать... Заманчиво, но — Дилдор... И, может быть, ее родственники, которые скоро станут и его родственниками, подскажут что-то еще.. А может быть, лучше годик подождать с предложением, со свадьбой, опериться в новом качестве, окрепнуть, осмотреться?.. Кто знает! Пока слава его не загрела, не заиграла на литаврах, кто знает, отдадут ли именитые родственники свою Дилдор колхозному бригадиру, хотя бы и с дипломом? Не спеши, не рой копытом землю!

— Ахмаджан! — раздалось из гущи виноградных лоз.

— Ляббай! — ответил он. — Слушаю! — И приподнялся на локте.

Дед выбрался на тропу и заковылял к веранде. В руках, как ребенка, Рахим-бобо нес тяжелую гроздь чораса. Фиолетово-черные ягоды сдавились, так их было много, и каждая ягода, без преувеличения, не меньше сливы. Ягодам было тесно. Такую гроздочку одной рукой не удержишь!

— Угощайтесь! — Дед положил гроздь перед Ахмаджаном, на поднос, где стоял остывший чайник, сам опустился напротив и вытер лоб концом большого цветного платка. — Фу-у-у...

Ахмаджан поблагодарил и стал отщипывать ягоды.

— Ну, как?— спросил дед, отдышавшись.

— Вкусно.

— Да нет, я о другом,— засмеялся дед.— Ученье закончили, диплом, сколько ни волновались и какая жара ни стояла на дворе, защитили благополучно...

— Другого выхода у нас не было!— улыбнулся Ахмаджан.

— Назавтра все кажется легче,— сказал старик,— а учителя-то, наверно, строго спрашивали?

— Да нет!— ответил Ахмаджан, подчиняясь своему прекрасному настроению.— Как узнали, что моя бригада собирает по сорок центнеров хлопка с гектара, сразу выдали диплом! Повезло!

— Да-да,— закивал Рахим-бобо, теребя кончик бороды,— когда повезет, сразу все двери открываются, и большие, и маленькие. Теперь можно называть вас муллой, ученым человеком...

— Ха-ха!— подвигал плечами Ахмаджан, будто на него надели парадный пиджак.— Как-то непривычно!

— Ну, а дальше, мулла?— спросил дед.— Какие планы?

И показалось, что дед неспроста интересуется, выпытывает что-то. Может быть, Дилдор поделилась с ним?

Дед налил в пиалушку холодного зеленого чая, с удовольствием сделал глоток.

— Не обессудьте, что спрашиваю... Вернетесь в свой кишлак, будете выращивать хлопок?

— Матери наши страдали на хлопковых полях,— уклончиво ответил Ахмаджан.

Старик задумался, брови сошлись, прикрыл глаза.

— Мы тоже начинали с хлопка... Великая это, как сейчас говорят, культура, великое дело... Сколько жизней ему отдано! Да и я когда-то был хлопководом... Но расширялся город, шел к нам, приближался, требовал все больше овощей и фруктов... Занялись мы и животноводством, потому что город повторял каждый день: мяса, мяса! Но, если правду сказать, сынок, тоскую о хлопке! Это как хорошая песня... Прицепится и все звучит, звучит... Пахта! Хлопок! Правда, и песен про хлопок много сложено... Но еще не все спеты! А?

— Не все! — подтвердил Ахмаджан, удивляясь живости старика.

А тот не умолкал, то серьезным становясь, то веселым:

— Если б вдруг смилостивилась природа да скинула половину, да нет, хотя бы лет двадцать пять, укатил бы я в Мирзачуль, на целину... От одних этих мыслей можно помолодеть! Растил бы хлопок, а рядом — сады. Людям и то, и то нужно... Посмотрите, Ахмаджан, на этот инжир или персик, — он показал на разные плоды, лежащие около пузатого чайника, — красивые, правда? Аппетитные! Вот бы в пустыне посадить по тысяче корней инжира и персика! Хорошо!

— Я на хлопковом поле родился, думаю о хлопке.

— Хорошо! — повторил старик. — Вот ваш андижанец Мамаджан Дададжанов поехал в Мирзачуль, на голые земли, и слава о нем понеслась далеко! Разве плохо?

— Да, конечно... Кто не знает о Мамаджане? А ведь три-четыре года тому назад слыхом о нем не слыхали. Уехал в Мирзачуль и стал знаменитым директором совхоза.

— Поезжайте в степь, дружище, — советовал дед, — не проиграете!

— Может быть, — ответил Ахмаджан. — Может быть, поеду...

— Он еще колеблется, дуралей! — воскликнул дед. — Посмотрите на нашего Азизбая! Два года тому назад уехал в Мирзачуль из своего Фируза, где был бригадиром, как вы. А сейчас, говорит, ему совхоз предлагают. Назначат директором! Ах, как интересно! Как интересно жить и работать там, где нога человека еще не ступала! Кстати, где наш Азизбай?

Легко сближался с людьми старик! Вот уже и Азиза, второго своего постояльца, называл «наш».

— Не знаю, — сказал Ахмаджан. — По-моему, вот-вот должен появиться... Чего вы на меня так смотрите, дедушка?

— Смотрю и радуюсь, — сказал старик, — удивляюсь! Ты окончил институт. Он стал кандидатом наук. Два бригадира! Колхозники! Есть чему удивиться и порадоваться!

Ахмаджан засмеялся.

— Да, конечно! Я бы на его месте зарезал барана покрупнее и угостил друзей... Вот мне после диплома пришлось сорок человек в ресторан приглашать! Чуть знакомый, уже зову. Счастье, знаете, в таких случаях не очень разборчиво... А он... Э!

— Что — он? — дед повернул голову, приблизил ухо.

— Сразу после защиты пошел к своему руководителю доводить спор до конца! Есть же люди, которые готовы покупать скандалы за деньги!

— А на чем они разошлись, чего не поделили?

— Да ну! Спорят, какие междурядья выгодней на хлопковых полях, узкие или широкие, что привлекательнее — больше кустов на гектаре или сплошная машинная обработка... А может быть, и то и то. Но если довести количество кустов хлопчатника на одном гектаре, скажем, до двухсот тысяч, тогда всю нашу технику надо переделывать...

— Ну что ж, — задумчиво сказал старик, покачал головой, — если в науке Азизбая есть зерно, можно переделать всю технику. Государство наше мощное!

— Не спорю, — сказал Ахмаджан, — и все же идеи его лишь на бумаге осуществимы! Возьмите для примера наш кишлак. Все поля вокруг — кривые-косые. Да еще окружены тутовником. После ровнять, перекраивать, деревья корчевать... Нет, дедушка, это утопия!

— Поэтому я и советую тебе — езжай на целину! — дружески подхватил старик и похлопал собеседника по коленке. — А вот и наш Азизбай! Легок на помине!

С тяжелой сумкой в руках в ворота входил Азиз. Пот с его круглого лица лился градом, ботинки в пыли — очевидно, шагал пешком. Словно для таких вот чудаков у деда прямо на калитке висела щетка. Азиз снял ее с гвоздика, помакал в арык и, присев у воды, начал приводить себя в порядок. Пока чистился, уронил в арык щетку. Вскочил, хотел остановить ее носком ботинка, и тут же расшнурованный ботинок упал с ноги. Пришлось и то и то ловить в быстрой воде, встав на колени и замочив руку по локоть.

Все-таки странный он был какой-то, этот новоиспеченный кандидат наук, неловкий, неповоротливый. Видно, догадался, что за ним следят с веранды, и обернулся, улыбаясь до ушей. Капли воды или пота, заст-

рванные в рябинках его лица, блестели. Потом надел мокрый ботинок и подошел к веранде, вытираясь рукавом рубашки, пока дед не подал ему полотенце.

— Здравствуйте, — поклонился Азиз деду, а Ахмаджану кивнул головой.

Ахмаджан тряхнул в ответ шапкой черных волос.

— Как себя чувствуешь, дружище? — весело спросил Азиз.

Вот еще что было в нем удивительным или... глупым, не обижался кандидат. Упади он сам в арык или в пыль, ударься, ну, как говорится, разрази его гром, он всегда оставался веселым.

— Отлично! — ответил в тон ему Ахмаджан. — Кажется, дальнюю дорогу одолевать пришлось?

— Да, автобус шел только до какого-то дома отдыха, примерно на полпути... Пришлось шагать.

— Ого!

— Чепуха! Подумаешь! — Азиз положил на пол набитую сумку. — Плов хочу сварить, не возражаете?

— А чего нам возражать? — усмехнулся Рахим-бобо. — Давно известно — если уж умереть, так лучше всего от плова!

Азиз рассмеялся на весь сад и стал доставать из сумки свои припасы.

— Морковь резаную купил. Давай, Ахмаджан, режь мясо и сало. Смотри, какая баранина!

В самом деле, кусок был заманчивый, дразнил аппетит одним своим видом этот кусок с комочками жира. И рис Азиз купил отменный, для плова лучше не бывает, припсднял целлофановый пакет и показал:

— Цемного девзры!

— Раскошелились сегодня? — намекая на то, что банкет так и не состоялся, осторожно спросил Ахмаджан.

Азиз улыбнулся, кивнул, не понимая намека, слишком тонкого, как видно, для него, а Рахим-бобо, затыкая за пояс полы халата, сказал:

— Зато дрова некупленные, свои! — и пошел к дворовому очагу, за которым высилась гора сухих коряг.

Скоро там затюкал топорик.

Азиз неловко оглядывался на старика, топтался, и Ахмаджан выручил его, предложив:

— Да ты сядь, отдохни, кандидат! Покури!— Он протянул ему сигареты.

— Спасибо,— поблагодарил Азиз, усевшись.— Курить не буду, хотя надо бы подымить, посоветоваться... Есть разговор...

— Валяй,— сказал Ахмаджан, подобрав под себя ноги и усаживаясь напротив кандидата поудобнее.— Советоваться можно без дыма... Жара такая, что лишний раз спичку зажигать ни к чему. Какой разговор?

Азиз сел, опять улыбаясь до ушей.

— Жениться решил,— наконец сказал он.

— Ну да?!

Азиз приложил растопыренную ладонь к груди.

— Пусть аллах покарает меня, если это неправда! Решил жениться! Что скажешь?

— Давно пора!

С лица Азиза вдруг слетела веселость, густые брови нависли над мелковатыми, глубоко посаженными глазами.

— Давно, давно...— Он о чем-то задумался.— Тридцать первый...

— Юноша!— ободрил его Ахмаджан.

— А?— Азиз встряхнулся и заулыбался.— Сейчас сделаем плов, подкреплюсь и поеду в город на переговоры без долгих дум и колебаний...

— А кто ваша избранница, если не секрет, Азизака?

— Я матери обещал, что привезу из Ташкента невесту,— вместо ответа сказал Азиз.— Мать потому и диссертацию мне помогала писать, ночами чай греть вставала... Ведь работать ночами приходилось, днем — в поле... Ха-ха! Ох, мать ждет не дождется...

— Так кто ж она, та счастливица, которую выбрало ваше сердце?— в шутливо-напыщенной манере повторил свой вопрос Ахмаджан.

— Ты запомнил внучку старика Рахима-бобо?— спросил Азиз.

Ахмаджан опешил, поперхнулся.

— Ра... ра... Рахима-бобо? Какую внучку? Не запомнил.

— Ну да!— весело потрянул своей круглой, как арбуз, головой кандидат.— Такая красавица, что, навер-

но, второй такой нет в Ташкенте! Маме она понравится. Дилдор!

— Ди... Дилдор? — снова поперхнулся Ахмаджан.

— Учтивая, воспитанная, внимательная, — перечислял Азиз. — Понравится!

А в голове Ахмаджана, как внезапно налетевший смерч, кружились воспаленные мысли: «Он уже о матери только и беспокоится... Понравится, понравится... Значит, они договорились? Уже договорились! А я? Дилдор предала меня!»

— Неужели ты не заметил ее? — спрашивал Азиз.

— Да вроде нет... Как-то не обратил внимания...

— В желтом атласном платье... такой прекрасной расцветки... национальной... Мамин вкус!

— Не обратил, — сказал Ахмаджан, насильно улыбаясь. — Я больше других разглядывал... в современном стиле...

А сам все думал: «Неужели? Неужели это возможно? Нет! — И спрашивал себя: — А почему нет? Азиз — кандидат наук. Завидный жених! Есть чем соблазниться даже такой красивой девушке... Сегодня все — рационалисты. Девушки — в первую очередь...»

Он думал, и резал мясо, и спрашивал:

— Вы часто встречались?

— Да нет, — перебирая кончиком ножа морковь и вынимая из нее соринки, отвечал Азиз. — Сегодня у нас первая встреча...

— Первая?

— А что? — Морковь была нарезана на тонкие, как соломинки, ломтики, они налипли на ладонь, Азиз отряхнул их и посмотрел на Ахмаджана. — Что ты засиял, как прожектор?

— Я? Мне-то — не все равно, что ли?

А внутри все ликовало и смеялось: «Первая встреча у этого недотепы!» И сразу кольнуло подозрение: «Он меня разыгрывает, обманывает!»

— Первая встреча и — предложение! — развел он руками.

— Ах, — сказал Азиз непривычно грустно, — чего тянуть, надо ехать домой! Времени нет! Да и ухаживать я не умею. Да и...

Он замолчал, и Ахмаджан спросил:

— Что?..

— Несерьезно все это... долгие ухаживания, клятвы, ожидания... Копейки все это не стоит! Блажь пустая!

— А любовь? Есть же такое примитивное чувство, как любовь!

— Может быть,— сказал Азиз, вставая и поднимая поднос с мясом и другими припасами.— Веришь — верь, твое дело... А я не верю... Я хочу серьезно поговорить с Дилдор, она тоже не девочка... И потом... у нее умные глаза!— по своему обыкновению весело закончил Азиз и пошел, вытянув вперед руки с подносом, но через пять-шесть шагов остановился и повернулся:— Было время, родители женили молодых... Освобождали их от хлопот, а часто и от ошибок. По дли-и-инному опыту жизни знали — поживут, познакомятся, привыкнут и полюбят... Еще как!— Он почесал голову, сдвинув на лоб тубетейку и, чуть не уронив поднос с одной руки, шагнул, и снова встал, и оглянулся, словно почувствовал удивленный взгляд Ахмаджана затылком.— Уставился! Чего? Корона у меня на голове засверкала? Или крылья выросли на плечах? А?

Посмеиваясь чересчур громко, Азиз удалился и принялся кашеварить с дедом, а совсем сбитый с толку Ахмаджан никак не мог прийти в себя. Станный — мало сказать об этом кандидате. Престанный молодой человек! И вдруг это слово остановило ход мысли. Такой ли уж молодой? И такой ли завидный жених? Низковатый, на голову ниже его, Ахмаджана. Рябоватый, не скажешь — рябой, но все же несколько ямочек разбросано по большим щекам... Ухаживал, должно быть, и все даром... А теперь — кандидат, не пристало бегать на свидания, несерьезно! Вот и решил... поговорить с красавицей Дилдор!

В одиночестве, на веранде, Ахмаджан рассмеялся вслух, представив себе, как может выглядеть это признание и предложение. Посмеялся и успокоился. И подумал о себе... Также не школьник. Три года служил в еоенно-морском флоте. Черноморском... Ходил по одесским бульварам, шелестя ленточками бескозырки на южном ветру... Потом три года руководил и, надо сказать, неплохо руководил колхозной бригадой. И хотя он джигит еще в самом расцвете сил, не следует откладывать то, что преподносит судьба... Не через год и не через месяц, а завтра, сегодня, сейчас надо засылать

сватов к родителям Дилдор... Да-да, завтра, нет, сегодня он пойдет на почту и даст телеграмму отцу и дяде, чтобы не мешкали, приезжали... Не пойдет, а побежит.

Он сходил в сад за помидорами, краснеющими на грядках под яблонями, взял две-три головки лука покрупнее, вымыл все, приготовил салат. А скоро и плов, дразнящий запахами, которых ни с чем не спутаешь, поспел, и Азиз принес его гору на ярком керамическом блюде. Ну и плов смастерил старик! Плов — всегда разный, всю свою сердечность, все человеколюбие вкладывает в него мастер. Да-да, не только от мяса, риса, моркови зависит вкус этой еды. Тот, кто стоит у котла, вкладывает в него и свое настроение, свою душу.

Ахмаджан было совсем повеселел, да за едой любопытный старик возьми и спроси вдруг Азиза:

— Ну, так сколько кустов хлопка будете сажать на гектаре?

— У нас земли много, вся ровная, чистая,— сказал Азиз с улыбкой на покрытых жиром губах,— и я буду сажать как можно больше!

— Рискнете?— спросил старик.— Что задумались?

— Стоит призадуматься,— вставил Ахмаджан, чтобы поучаствовать в их беседе.

— Стоит, стоит,— согласился Азиз и приподнял вытянутый палец,— но... не забывая при этом старого предостережения: пока думающий человек дошел до дома, рискующий человек дошел до свадьбы!— Он сыто вытер губы и поднялся.— Чай не буду пить. Извините. Мне в город пора... Дела!

— С друзьями попрощаться?— спросил старик.— Какие дела?

— Всякие... разные.

— На обратный автобус не опоздайте... А то придется опять пешком идти.

— Ладно, дедушка.

— По-моему, последний в полночь уходит...

— Вот я и спешу!

— Удачи!

— Спасибо, дедушка!

И ушел этот увалень и недотепа Азиз, как будто его и не было, а бедный Ахмаджан остался терзаться. Подозрения снова пронзали его, беспокойство охватывало все сильнее...

Между тем в природе, наперекор его состоянию, разливался вечерний покой. Солнце втянуло в себя все свои огненные жала, и унялась, растаяла жара. Еще немного, и по закатному небосводу солнце опустилось за ивы и улеглось где-то там, не очень далеко, но и не очень близко, на отдых. До утра...

А вот он, Ахмаджан, уснет ли до утра?.. Похоже, нет... Хоть сейчас срывайся и мчись в Ташкент за Азизом, бегом по длинной улице с новыми домами — только деревья остались на ней после того памятного землетрясения, а все дома заново поднялись под самое небо, выше прежних... Нет, между ними, гигантами во много этажей, за белым каменным забором прячется домик, уцелевший в те грозные дни, когда стихия бушевала... И там обитает семья Дилдор. Вышибай — для быстроты — калитку плечом, хватай Дилдор за руки, кричи ее отцу-инженеру и матери-учительнице: «Не отдавайте дочь этому кандидату!»

Но он не срывался. Прислонившись к столбу, он стоял в углу веранды, за спиной старика, и смотрел, как по экрану телевизора порхают гибкие руки танцовщиц, как переливаются их цветастые платья, должно быть, такие же, как то, в котором Дилдор появилась здесь первый раз... Девушки на экране улыбались... А как знать, может, у какой-нибудь из них сейчас на душе кошки скребут... Мало ли какие сюрпризы неожиданно преподносит жизнь!

Вот так и ты, Ахмаджан. Стой, шути со стариком, спрашивай его о чем-нибудь необязательном и улыбайся. Все люди — артисты.

— Скоро ко мне приедут отец и дядя, — вдруг сказал он старику, — дня через три...

— Очень хорошо! — воскликнул старик, отвернувшись от телевизора. — Наверное, хотят узнать, как ты учебу кончил?

— Да, наверно...

— Пусть заходят! Познакомимся, побеседуем... Хорошо, когда в домелюдно, шумно... Это я люблю!

А пока стало совсем тихо, смолкла музыка на маленьком голубом экране, и слышалось, как шуршит, поскрипывая мокрой осью, неумолчный старый чигирь и редкие капли из его черпалок срываются в воду...

Глава вторая

Ф И А Л К А

В эти вечерние часы автобусы шли к городу почти пустые. Кто стремился в театр или на другое представление, уехал раньше, сейчас они, счастливые, замерли в полной обещаний, волшебной тишине полутемных залов...

А здесь, за окнами автобуса, было уже совсем темно.

Азиз сидел у открытого окна и думал, что на следующей остановке надо сойти и вернуться в Кибрай к деду, послушать, как скрипит чигирь в темноте, подышать прохладой и лечь спать на веранде, где, должно быть, уже давно спит Ахмаджан... Азиз позавидовал парню, жившему, как ему думалось, без тревог и волнений...

Пока он завидовал беззаботному Ахмаджану, автобус тронулся дальше со следующей остановки... Ну, ладно, можно прокатить еще перегон, ничего не случится, пока он один... С некоторых пор Азиз любил быть один. О, если бы ученые подсчитали, сколько сил сохраняет одиночество! Никто не отвлекает, не мешает... Ничего лишнего! Ни поступков, ни даже слов!

Пока он размышлял о пользе одиночества, еще одна остановка осталась позади.

А когда автобус снова остановился, он вспомнил, что не может спрыгнуть, вернуться, потому что его ждет Дилдор. Он ведь предупредил ее, что придет. Он ведь договорился с ней! Еще вчера он целый час ждал ее в аллее около медицинского института, хотел уже было уходить, но тут она появилась, дождался! И сказал... что сказал? Что у него есть к ней серьезный разговор.

— Ну, ладно, — не думая, ответила Дилдор, — приходите ко мне домой!

— Когда?

— Завтра вечером.

И почти побежала от него, размахивая портфелем, она спешила. А он опомнился и в нарушение всех правил пересек газон наискось, чтобы снова вырасти перед девушкой в конце другой аллеи. Она удивилась и даже оглянулась, чтобы убедиться, он ли это? Он, он... Глаза

ее наполнились блескучими каплями смеха, заиграли. А он слегка, очень вежливо, хоть и скованно поклонился и сказал:

— Я не знаю вашего адреса.

Дилдор рассмеялась вслух, назвала улицу, номер дома и побежала, посоветовав на ходу:

— Запишите, а то забудете и все спутаете!

Такой, гаверное, у него был растерянный вид...

Он, и правда, записал ее адрес и вот теперь ехал.

Так что же он скажет ей? Что скажет ей этот серьезный человек, кандидат наук, выдающийся ухажер? Чего доброго, она его за полоумного примет...

Ну, сначала он расскажет ей о себе. Анкету заполнит. Она простая, эта анкета... Таких немало.

Он ползал, когда отец ушел на фронт... Ушел, чтобы не вернуться. До сих пор кажется, что он жив, хотя никак не удается вспомнить его живого. Фотографий нет. Есть только рассказы друзей-односельчан о колхозном трактористе, ставшем танкистом... И все. Есть еще у матери «черное письмо», как их тогда называли женщины... Вот и все про отца.

Нет, не все! Есть еще неостывающая любовь матери к его отцу, которого он не помнит. Молодая вдова не стала устраивать свою судьбу, искать себе другого спутника в жизни, другой опоры. Она растила единственного сына, оставшегося ей в память и в дар от любимого, работала дояркой на колхозной ферме. Так она и состарилась, на этих тропах — от дома к ферме и к школе, куда ее вызывали, если честно говорить, довольно часто, потому что сын Азиз, этот самый дорогой дар жизни, был сеоенравным и напористым мальчуганом, не прсцал обидчиков и имел, в наследство от отца, крепкую руку...

Ну, вот мать Нигор... Тетушка Нигор, как ее зовут все в родном Фирузе.

Ах, какой это прекрасный кишлак! Вы никогда в нем не были, уважаемая Дилдор? Жаль!

Он расположен в горах, среди камней, из-под которых бьют мощные ключи. Дворов там немного, сотня или чуть больше. А деревьев — не меньше тысячи! И все дома навсегда утонули глубоко в зелени. Чинары и тополя рослые, высокие, но все равно не могут они перерасти горы. Горы выше. А выше всех поднимается

та вершина, на которой сохранились грозные стены древней крепости. Они так высоко стоят, что когда смотришь на них, тубетейка с головы падает.

Конечно, их Фируз на отшибе от больших дорог, но все же нельзя сказать, что он затерялся. Иначе зачем бы здесь с давних пор гнездилась крепость? Через Фируз ведет на перевал ущельный путь в Шахристан. Его богатые пастбища раскинулись там, на другой стороне тех же гор...

Вот вам все о Фирузе...

Нет, не все! Если бы можно было донести до вас глоток его воздуха! Нет на всем белом свете ничего легче, свежее и ароматнее, потому что это воздух поднебесья. Люди Фируза, птицы Фируза...

Однако анкета... Образование — десятилетка, сначала — десятилетка... Учась в школе, он одновременно обучился в колхозной мастерской водить трактор и комбайн. И, еще не получив аттестата, пахал землю и убирал хлеб. А потом — армия. А после службы в той же труженице полей, бессмертной пехоте, вернулся в свой Фируз, куда еще? Стал бригадиром и в тот же год поступил на заочное отделение сельхозинститута... А сейчас... Ну, это известно.

В Фируз он вернулся не только потому, что там жила мама, и воздух был самым лучшим и ласковым в мире, и древняя крепость стерегла все богатства жизни... Там, в Фирузе, его ждала девушка, которую звали...

Но о ней не надо ни думать, ни вспоминать, ни рассказывать...

Автобус снова остановился, это была уже городская остановка, уличные огни давно окружили земной корабль, плывущий по асфальту на колесах... Огней стало больше, машин больше, только Азиз ничего этого не замечал. Теперь заметил...

Он сошел и сразу очутился в толпе около сатуратора, шипевшего газированной водой. Очень кстати, потому что в городе духота еще не прошла, здесь было совсем не так, как в саду Рахима-бобо, на берегу Черной речки. Особенно после плова хотелось пить. И Азиз протянул продавщице мелочь и взял один стакан, потом еще один... Отошел на шаг и пил не спеша...

— Молодой человек!

— Дядя! Быстрей, а!

— Эй, оглох, что ли!

Продавщица шипела:

— Возьмут чистую, а стаканы держат по полчаса!

Кто-то подергал его за рукав, и он опомнился.

— Извините.

И пошел под деревьями вдоль тротуара, не спрашивая даже, какая это улица.

Ее звали Нафиса, эту девушку...

Вот самый тяжелый недостаток у одиночества! Вспоминаешь, думаешь, думаешь...

Волосы темные, а глаза синие... Необычно, но в горах это бывает... Тонконогая, шаловливая девочка, которая прибегала к сразу становившемуся суровым мальчику Азизу делать уроки и которой он объяснял арифметические правила... Правила были простейшие, но она не хотела понимать, она звала шепотом, приклоняясь к самому уху и обдавая его дыханием, чтобы тетушка Нигор не слышала:

— Пошли лучше шелковицу есть? Ой, я знаю дерево, где такие вкусные ягоды! А крупные!— Она показывала полпальца.— Только высоко, никто не может залезть, а ты залезаешь!

— Рвите снизу,— мрачно говорил он, потому что считал ненужным уступать девочке.

— Снизу мы уже давно все съели! Еще незрелые были ягоды, а мы уже...

И странно, тетрадки с недописанными цифрами оставались на столе, а он сидел на дереве. Сидел, как птица, на самой опасной ветке и собирал ягоды в свой носовой платок, за который мама потом ругала...

Нафиса первая, еще совсем маленькой девочкой, с фиолетовыми от сока спелых ягод шелковицы губами прошептала ему на ухо:

— Азиз! Что я придумала-а! Давай вырастем и будем жить вместе!

А он усмехнулся так искренне, как, наверно, еще не усмекался до сих пор, и ответил:

— Очень надо!

Она училась на два класса ниже, но к его возвращению из армии уже окончила школу. Легкомысленная девочка, похоже, притворялась в детстве, потому

что школу кончила с отличием и была оставлена преподавательницей в младших классах. В институт поступать не стала, чтобы не уезжать из Фируза.

— Тебя ждала, — сказал товарищ Азизу.

Он тоже торопился к ней.

Когда он приехал, мать в первый же день призналась, что уже говорила с Мехри, матерью Нафисы. Мехри рада. Мехри несказанно рада, что Азиз хочет взять ее Нафису в жены. Все должно бы случиться так, как нафантазировала себе маленькая Нафиса, девочка с фиолетовыми от шелковицы губами. Оставалось только улыбаться ее предвидению и чувствовать, как счастье проникает в душу, будто свет. Близкое счастье освещало всю будущую дорогу.

Дом по традиции наполнялся в тот вечер людьми. Приходили соседи, приходили знакомые с дальних улочек Фируза поздравить тетушку Нигор с возвращением ее сына. Поздравляли самого Азиза с тем, что он снова в стенах родного дома. А он, еще не снявший гимнастерки и гвардейского значка, разговаривал с ними о колхозных заботах и все высматривал среди них крупного мужчину, заведующего фермой Азама, которого так и звали в кишлаке Азам-ферма. Эта кличка утвердилась за ним давно и очень к нему шла, потому что сам он напоминал племенного быка.

Тетушка Мехри была уже тут, принесла какие-то подарки, а вот Азам-ферма опаздывал. Лучшие кишлачные мастера по приготовлению плова расправились уже с одной из двух овец матери, и пловом запахло далеко окрест, но Азам-ферма все не появлялся. Это было совсем странно, потому что запах плова мог поднять Ферму на ноги среди ночи и заставить протопать не один километр. А тут — рядом, дорогу перейти...

Но он так и не пришел. Когда гости, желая счастья, расходились со двора, мать тихонько спросила Мехри, где же ее муж, и та, потупившись, ответила, что он уехал в райцентр. Азиз услышал ее ответ, и волнение отхлынуло, освободило грудь, задышалось свободней...

Назавтра он увидел Нафису.

Боже, почему это и сейчас волнует, ведь уже годы прошли с тех пор, а не дни... Он затоптался под уличной ташкентской чинарой, нашел в кармане сигарету и закурил, остановив какого-то мальчишку, чтобы поп-

росить у него огонька. Спички он оставил возле очага Рахима-бобо, когда разжигал там сегодня стариковские полешки...

Он знал, что Нафиса красива, помнил ее, мог бы нарисовать, если бы владел карандашом или кистью, на армейской службе все время рисовал ее в мыслях, потому что ведь каждый, даже никогда не державший карандаша, в мыслях все равно сам себе художник... Лучший художник!

Но оказалось, что он рисовал плохо, неточно и не смело.

Нафиса изменилась, стала совсем непохожа на прежнюю. Она так похорошела, что он испугался, когда увидел ее. Можно было испугаться и потерять дар речи! Перед ним стояла девушка, тонкая и высокая (как она вытянулась!), какими бывают только девушки гор, с Памира. Темные косы спускались чуть ли не до земли (представляете себе, какие это косы, если Нафиса так вытянулась!), а большие глаза смотрели в упор и были такие синие-синие, как небо Фируза, да и то не всегда.

Он, кажется, не дышал. Наконец сердце его учащенно забилось. Кровь прихлынула к голове и помогла ему сообразить, что это ведь его она ждала и ждала там, где всегда, под вековым карагачем на берегу реки, у тропы, ведущей к древней крепости...

Здесь они встречались до его отъезда в армию, здесь сказали друг другу первые свои слова об этой самой, воспетой поэтами любви, с таким душевным трепетом и жаром сказали, как будто до них никто не ронял этих слов в бездонный воздух ни разу. Во все века! Он не назначал ей свидания, но она пришла сюда, под этот карагач. И он пришел сюда. Значит, все было — лучше и не надо, все само собой текло к счастью, как река к морю.

Весь вечер они бродили по горным тропам, вокруг крепости, и о чем только не говорили! И о его армейских друзьях, и о старшине, который не скупился на наряды вне очереди, воспитывая солдат, хороший был старшина, очень добрый, не жалел нарядов, и о городах, которые зажигают свои огни вдали от Фируза, и о мальчишках с девчонками, которые заняли старые школьные парты... Об этом рассказала ему Нафиса.

Только на пути назад, у того самого карагача, Азиз сказал ей, робея, как будто впервые в жизни встретил ее:

— Мать хотела бы одну девушку видеть своей невесткой...

— Какую девушку? — шутливо спросила Нафиса.

— Кажется, вас.

— Кажется! Вы сомневаетесь вроде бы? Как ее зовут, эту девушку?

— Кажется, Нафиса.

В глубине ветвистого карагача, в ворохах листвы, утонул ее звонкий смех.

— Это желание матери?

— Да.

— А ваше желание?

— Как? — не понял он. — Желание матери — мое желание. Обычай!

— А вы сами лично желаете этого?

— Лично? — переспросил он и тоже засмеялся. — Ты что меня спрашиваешь, глупенькая? Как будто сама не знаешь, что я за тебя умереть готов. Все знаешь, давно знаешь... Слов таких нет, чтобы сказать, как... как...

— Знаю, — прошептала она.

— Зачем же повторять?

— А что делать? — спросила она все так же шутливо.

— Что? — повторил он драчливо.

— Ты знаешь кишлачные законы. Их никто не отменил. Посылай сватов к папе!

Он уже возглавлял бригаду в колхозном поле, да и знакомых в Фирузе столько, что сватов на десять свадеб хватило бы... Выбрал стариков подушевнее, послал к Азаму, волновался, конечно, так уж устроен человек, что не может не волноваться в подобные часы... Но все же не ждал того, что случилось.

Старики вернулись с отказом. С пустыми руками!

Он побежал к матери, и мать успокоила его.

— У кого дочь такая красавица, тот может и покетничать! — сказала мать, не принимая отказа Азама-фермы всерьез.

Уж она-то знала его, всю жизнь проработала на ферме под его рукой. Чванливый человек, горделивый, любит, чтобы его просили два и три раза.

Недолго думая, Азиз снарядил сватов во второй раз. Но и вторично сваты вернулись ни с чем. Нет, нет! Хуже! Если бы ни с чем! Азам опять отказал.

Весь Фируз уже считал Азиза и Нафису женихом и невестой, а они опять тайно встретились на берегу реки, возле своего карагача, что называется, под покровом темноты.

— Как все это понимать? — спросил Азиз.

Нафиса, как индуска, держала ладони сложенными перед грудью, так что кончики длинных пальцев чуть-чуть касались подбородка. Она немножко развела их:

— Воля отца!

Его взбесила и эта поза, показавшаяся ему покорной, и слова. Он схватил ее за руки, притянул к себе, спросил:

— А ты, ты?!

— А ты? — спросила и она.

— Нет, — крикнул он, не давая ей уйти от ответа, — мне интересно тебя услышать! Тебя!

— Меня?

— Да.

Она посмотрела на него молча, вырвала руки и убежала.

Несколько дней он помаялся, думая и о том, и об этом, но ничего придумать не мог... Ничего! Ничего не оставалось, как послать сватов третий раз. Да, да, третий раз они пошли от дома Азиза к дому Азама, к дому Нафисы... Седобородые аксакалы...

И пришли аксакалы с новой вестью: Азам-ферма отдает дочь за сына своего друга из Шахристана. Жених заведует сельпо, много денег скопил на свадьбу и на подарки и столько овец пришлет, что нам и не снилось! Большая якобы свадьба ожидается.

Будто бы новыми глазами посмотрел Азиз утром на дом Азама за арыком, через дорогу, и на свой домик. Дом Азама был высок, под стать его обитателям, крупному, подобно быку, хозяину и Нафисе, растущей как тополек. Вокруг дома — широкий, просторный двор, есть куда принять жениховских овец, да и было где своих держать. А домик, в котором скоротала свой век его мать и где он сам вырос и дорос до этих позорных дней? Неказистый, всего из двух маленьких комнатушек, еще недавно по дворушке две овечки бегали, а те-

перь одна... Огорсдик... Он впервые заметил, что к его домику годились в соседи только уменьшительные слова...

Ну ладно... Обидно стало... Мать доказывала, внушала, что ни отец, ни она никогда не думали о богатствах, уверенные, что человек добывает счастье в деятельности на благо себе и людям, в труде, словом. Не стоило доказывать, мама, он и сам так думал... За другое обидно стало: человек — это вообще... А люди, если конкретно взять их, каждого в отдельности, они разные... Ну, Азам-ферма всегда беспокоился о выгоде, о том, чтобы с пользой делать свои дела, не терять случая... А Нафиса? Неужели и она? Неужели и ее прельстили богатые подарки жениха из Шахристана, ковцы, ковры... что там еще? Когда он думал об этом, в глазах темнело... И думать не хотелось. Товарищ, тот самый, что говорил ему, будто Нафиса не поступила в институт, потому что ждала его, Азиза, теперь рассказал:

— Она каждый день выглядывает из-за дувала в сторону твоего домика... По нескольку раз...

— Ей легко выглядывать из-за забора... Она высокая.

— Я говорю, на твою калитку глядит и глядит...

— На дорогу она глядит! — рассердился Азиз. — Ждет овец жениховских!

— Ты что, Азиз, с ума сошел? — спросил товарищ.

— Сошел! Три раза посылал сватов! А теперь я в своем уме... Больше уговаривать не буду! Ни отца, ни ее!

— А что ж ты будешь делать? — спросил товарищ с сочувствием.

— Работать.

И правда, как он работал в те дни! Ни себе, ни другим не давал передышки. Домой приходил редко. Даже на ночь оставался в поле, и шипан — полевой стан — сделался его домом. Верно говорят, что работа лечит... Может быть, и не лечит, потому что и сейчас он трясется, как в лихорадке, вспоминая те дни, но уставал он совершенно невообразимо, последние капли сил вкладывал в работу и засыпал, падая, как подрубленное дерево.

А рядом шла другая жизнь: присылались подарки, резался скот, шились свадебные наряды...

За день до свадьбы Нафисы Азиз уехал с матерью в Мирзачуль. Перекочевал. Из отцовского, из дедовского Фируза. Навсегда.

А Нафиса уехала в Шахристан. Другой человек целовал ее лицо, синеглазое, золотистое, будто бы вымытое в солнечных лучах. Другому человеку родила она сына... Вот вам любовь. Поэты пишут это слово с большой буквы. Любовь! Кто и что может доказать теперь ему, Азизу, про любовь? Есть она на свете, нет, пусть об этом гадают те, кому больше нечего делать. Он-то знает!

С этими мыслями Азиз приблизился к дому Дилдор, бросил окурок и тяжело вздохнул. Поставил точку.

Сейчас он войдет и без всяких церемоний, не откладывая дела в долгий ящик, скажет ей:

— Нафиса!..

Тьфу ты! Какая Нафиса! Дилдор...

Дилдор... Она совсем другая... Современная, городская, интеллигентная девушка... Она понимает, что богатство не в овцах, а в другом... Например... Ну ладно, она сама понимает... Воспитана она вполне разумно... Выросла в хорошо обеспеченной семье, а не обленилась, все время сама работает, не знает, что такое отдых. Да-да! Еще тогда, у деда на Черной речке, поговорив с ней немного, он узнал, что, кроме учебы, на Дилдор забота о младших братишках, потому что и отец, и мать целый день на службе... А как она хлопотала вокруг праздничного стола деда? Все любовались. То-то!

Такие девушки, именно такие создают семейный уют, надежный очаг. Мама настаивала... А она знает! Она мечтала о такой всю жизнь...

Азиз заметил, что уже давно стоит перед калиткой в белом каменном заборе и не решается нажать на красную кнопку электрического звонка. Поднять руку и надавить! Живо! Раз! Он с силой придавил кнопку, кажется, чересчур долго держал, придумывая первую фразу, пока в глубине двора не раздался звонкий голос, будто перепелка залилась:

— Входите, там открыто! Пожалуйста!

Азиз осторожно приоткрыл калитку и вошел во двор. Дорожка из кирпича вела через сад к веранде, над которой сверкали электрические лампочки... Сад в городе! Это уж Рахим-бобо постарался. Ну, не сад, а

садик... Столбы веранды украшала резьба. Голубая, как самаркандские изразцы. Это сразу бросалось в глаза. Точно так же разрисованы дверцы... Ну, хватит разглядывать самодеятельное искусство! Не за этим, кажется, ты пришел сюда! Поклянись, что ты не будешь тратить слов даром. Ища глазами Дилдор и заранее улыбаясь, Азиз мысленно сказал себе: «Клянись!»

Но тут же подумал с мальчишеским испугом: «А вдруг она не одна? Родители, братишки... Конечно же!» Они как-то выпали из мира, который он создавал до сих пор в своем воображении, а теперь нашлись, и он почему-то не огорчился, даже обрадовался им. Стало проще и легче... А где же молодая хозяйка?

Под яблоней у маленького фонтанчика, с книгой в руках, видно, только сейчас поднявшись из плетеного кресла, укрытого низкими ветками, стояла Дилдор. Она всматривалась в идущего по дорожке человека и шагнула ему навстречу:

— Добрый вечер, Азиз-ака. Без труда нашли нас? Заходите!

Только сейчас он понял, что еще не сказал ни слова, и проронил:

— Добрый вечер...

И раскланялся, как болванчик, не зная, подавать ли ей руку, потому что она держала толстую книгу, и, опомнившись, мысленно назвал себя недотепой, потому что ведь девушке не подают руки первым, даже если у нее руки свободны. Размышляя таким образом, он довольно глупо спросил:

— Кажется, дома никого нет?

— Да, взяли мальчишек и уехали в Кибрай, к деду. Все хотят провести субботу и воскресенье у него в саду.

— Отлично! — Азиз снял тюрбетейку и пригладил волосы. — А вы остались в городе, вместо того, чтобы поехать к реке?

— Да, у меня свои дела.

— Надеюсь, не я тому причиной, что вы остались?

— Нет-нет! Что вы!

Азиз подумал: вот сейчас ответить бы ей «Жаль!», посмеяться и сразу перевести разговор на то, ради чего он приехал, но вместо этого изрек:

— Ну, хорошо... А то уж я испугался.

— Не пугайтесь!— улыбнулась она.— О боже! Я даже не пригласила вас сесть. Сюда, пожалуйста!

Она вывела его на подобие тесного лужка с двумя мягкими креслами у низкого столика, на котором лежало еще несколько книг. Он наклонился и стал рассматривать их. Все были медицинские...

— Садитесь!— услышал он за плечами голос Дилдор и стал двигать кресло, а она, громко вскрикнув, предупредила: — Осторожней!

Он вздрогнул, выпрямился и оглянулся.

— Там фиалки!— сказала она.

— Фиалки?

— Здесь фиалки растут,— объяснила она мягко.— Я сама их развожу, сама за ними ухаживаю...

— Хлопотно,— пробормотал он, не найдя ничего другого.

— Хлопотно, но интересно... Я их люблю. А цветут они почти все двенадцать месяцев! Это мое хобби!

Он смотрел на нее молча. Щеки ее разрумянились, глаза сверкали.

— Вы не туда смотрите! Вон где они!

— Кто?

— Фиалки!

Наверно, ему надо было сказать: «Вы сама, как фиалка!» Но он повернулся и стал смотреть туда, куда она показала. Фиалки были розовые, фиолетовые, белоголубые... Они покрыли клочок земли узорами ковра...

— Красиво,— сказал он, а надо было вот как сказать: «Вы сама — фиалка!» Нет, не так... «Вы лучше фиалки...»

Неожиданно Азиз рассердился на себя, как, кажется, не сердился еще никогда в жизни. Не будет он говорить ничего этого! Ничего подобного! Не будет! Не будет хотя бы потому, что не умеет. Он — простой человек, от земли, от воды... И слова у него простые, как земля и вода. Его руки привыкли к колосу, к коробочке хлопка... Институтские аудитории не оторвали его от земли, и книги не отучили его рук от шершавости ее комьев, от тепла и чистоты хлебных зерен...

— Держите!

Он поднял голову. Дилдор протягивала ему пучок голубых фиалок.

— Спасибо.

Он взял фиалки обеими руками и приблизил к лицу. Они сразу напомнили ему альпийские луга за древней крепостью... Они напомнили ему детство и бабочек, порхающих над горными лугами... Они напомнили ему глаза Нафисы... И странно, вернув в этот знакомый мир, они принесли ему спокойствие...

— Я тоже люблю фиалки, — с благодарностью сказал он Дилдор.

— Тогда обещайте мне разводить их всюду, где будете работать. Вы где живете?

— В Мирзачуле.

— О-о! Та земля не для фиалок! — вырвалось у нее, она хотела извиниться, а он засмеялся:

— Почему? В Мирзачуле всему хватает места. Степь большая...

— Было бы место тут, — она постучала себя пальцем по груди.

— Вы очень тонкий человек, — сказал Азиз, продолжая вдыхать аромат фиалок, оказавшихся в его грубом кулаке. — И совсем не та вы, какой казались мне еще час назад...

— Какой же? — заинтересовалась она, убрав со стола книги, заменив их чайником с пшлушками и усевшись в кресло рядышком.

— Ну, мне казалось, вы типичная горожанка... которая с утра носится по улицам... по коридорам института... с сумкой на плече. Бывает, она все время делает два дела... Едет в переполненном автобусе, держась за дверцы, и успевает, между прочим, заметить интересные афиши... Читает книгу, присев на десять минут на бульваре, и в то же время разговаривает с соседом по скамейке...

— Все это я делаю! — засмеялась Дилдор.

— Но и вот... — Он приподнял фиалки. — Вы... — Он замолчал, и она предложила:

— Ладно... Пейте чай и давайте, если не возражаете, перейдем к серьезному разговору.

— Какому?

— Вашему, Азиз-ака! С чем вы пришли?

— Знаете, — сказал он, — в кишлаке Фируз, где я вырос, справляют праздник весны. Веселятся, песни поют... Весь кишлак выбирается в горы. На пикник! — улыбнулся он. — Женщины варят белый суп в котлах...

Мужчины пьют кумыс... Целые бурдюки выпивают... Девушки танцуют... А вокруг расстилаются поляны фиалок... Разных, разных... Ох, какой это праздник — навруз! Не забыть!

— Да и вы, оказывается, не такой, как я себе представляла! — воскликнула Дилдор. — Мне казалось, вы суховатый деловой человек. А вы — лирик!

— Это потому, что я держу ваши фиалки в руке. Они напомнили мне...

— Что?

— Все!

— Опять мы отвлеклись, — сказала Дилдор, отпила чуть-чуть чая из пиалы и поставила ее на стол, приготовившись слушать.

— Нет, мы не отвлеклись, — опустил голову и перебирая фиалки в руке, прибавил он. — Это как раз то, о чем я хотел говорить с вами... Дилдор!

— А?

— Я хотел вам сказать...

Ну, вмешалась бы она, поторопила, помогла... Нет, сидела, терпеливо ждала, а он мог век молчать, точно у него язык отсох...

— Я хотел спросить...

Но он так долго не спрашивал, что она, в конце концов, пожалела его и сказала:

— Я понимаю.

И тогда он все же испуганно договорил:

— Не могли бы мы с вами видеться, встречаться... Хоть изредка!

Она молчала.

— Вы видите, я не искусник говорить речи... — продолжал он. — Вот фиалки... — Он снова приподнял невнятный и все сильнее пахнущий букетик. — Я держу их, гляжу на них и думаю: а вдруг... когда-нибудь... а вдруг вы сами захотите посадить их в Мирзачуле... стать цветочницей в моем саду... Смешно? Я сказал что-то ужасное?

— Нет, Азиз-ака, — ответила она. — Вы хорошо говорите, но... моя душа в другом саду...

— Простите, — сказал он, — я ведь только так... подумал... Просто подумал...

— А мои думы... о другом цветнике! Это правда...

— Простите, — повторил он и встал.

Вот как все быстро кончилось!.. Она даже не проводила его до калитки... И хорошо... Но почему же так горько на душе, если все хорошо? Почему?

Город жил как всегда... Катили автобусы, блестя огнями... Зеленые глаза такси по-кошачьи мелькали то тут, то там... И шли люди, люди, люди... Сколько людей! И все счастливые... Все люди, казалось ему, счастливы... Один он не знал, что это такое — быть счастливым. Почему?

Может быть, потому, что он так и не сказал Дилдор, что она сама и есть фиалка. А ведь собирался сказать. Размазня!

Он заметил, что все еще держит букетик фиалок в руке, хотел смять и выбросить, но не смог. Они-то при чем, фиалки?

Глава третья

МОЛОДОЖЕНЫ

Если бы Ахмаджана спросили сейчас, а где его дом, что можно назвать его домом, он непроизвольно усмехнулся бы, высоко и нервно подбросив плечи: не знаю! Но вдруг, едва сев в машину, чтобы ехать на хлопкопункт, он понял, что знает. Давно знает, да не хочет признаваться. Сам от себя скрывает! Есть приятное сооружение в кишлаке, которое обычно называется домом, и там длинными осенними вечерами ждет его молодая жена, любимая, о которой он помнит, чем бы ни занимался, но это так — условный дом, декорация для спектакля о воплощенной мечте, о счастье, да, пустая декорация, а настоящий его дом вот — поле.

Поле было зеленым, когда он вернулся в кишлак и привез с собою Дилдор, по нему ходили машины и люди, очищая от сорняков, от всякой зелени, кроме пышной зелени хлопковых кустов, потом между рядков потекла вода, за которой следили дни и ночи, чтобы ее было дано земле сколько нужно, ни больше ни меньше, и в нужный срок: не полей вовремя — и прекратится рост симполий, плодовых веток, несущих драгоценные

коробочки с белым, как молоко, содержимым, хлопковым волокном, а чтобы эти коробочки собрать машинами, над полем полетели самолеты, растягивая за собой бесконечные хвосты едкой пыли, едких туманов, после которых кусты послушно сбрасывали убитую, безжизненную листву. И слышался клич — заводи моторы! Если, конечно, машины отремонтированы, смазаны и водители их готовы к тому, чтобы спать как можно меньше или совсем не спать.

Хлопковая страда! Она похожа на сражение — с сотнями тысяч этих оголенных кустов, с непогодой, потому что хлопок созревает поздней осенью, а поздняя осень всегда щедра на сюрпризы — и дождь может быть, и снег, с потерями урожая...

Крупные сражения поднимают армии.

На уборку хлопка встает народ — от мала до велика.

Там, где прошли хлопкоуборочные машины, женщины и мужчины собирают упавшие дольки... Взрослые трудятся, а дети им помогают. Старики-добровольцы и среди них немало таких, что разменяли восьмой десяток, делят между собой дорогу, по которой тянутся автомашины и ведомые тракторами тележные поезда с «белым золотом», ходят следом и подбирают все, что упало при транспортировке. Не один километр оставляют они за спиной каждый день!

Движение транспорта продолжается и тогда, когда наступает темнота. С двумя, тремя, а то и четырьмя прицепами проходят грузовики. Везут хлопок на приемные пункты.

Там тоже люди не знают сна, работают, беспокоятся...

Да и как не беспокоиться им, если столько сил отдаю хлопку весной и летом? Столько души! «Хлопок как ребенок, — говорят люди, — только не кричит!» Теперь он вырос, и надо достойно проводить его в дальний путь... На фабрики, к ткацким станкам...

А тут звонят с хлопкопункта и говорят, что придиричивый заведующий оценил сегодняшние двадцать тележек волокна как хлопок второго сорта! За влажность скинул... А влажность нормальная, ну, средняя... Придется поспорить с ним... А главное, придется промчаться по кишлаку, даже не заглянув домой. И, кто знает,

на сколько он сегодня вернется позже, чем обещал Дилдор. На час, два? Заведующий хлопкопунктом знает!

Как ни странно, на гузаре, в центре кишлака, людно и светло. Все электрические лампочки в чайхане лучатся... Шум — как на стадионе, всплески и взрывы восклицаний. Даже из кабины грузовика слышно. Что такое? А ничего! Хоккей смотрят. Мелькает совсем крошечный издали экран телевизора. Хоккей вошел в моду, и будто бы это уже не колхозная чайхана, а куточек спортивного зала в Лужниках. Здесь так же азартно и требовательно кричат:

— Шайбу! Шайбу!

— Полупанов! Давай, давай! Полупа-а-анов!

И седые старики, забыв о чае, спорят, кто забил гол — Михайлов или Викулов, до того, как их успокоит диктор. А иногда и после информации диктора, считая, что он перепутал, что он, конечно, не прав.

Для него же, бригадира Ахмаджана, сейчас важно доказать, что не прав заведующий хлопкопунктом... Будь его воля, он всех погнал бы от телевизора по домам, спать. О хлопке надо думать, а тут — хоккей! Но что толку? Телевизоры есть и дома... Все у людей есть — жилище, телевизоры, ковры, автомашины возле домов и стиральные машины в домах... Даже время у людей есть! Только у него нет времени — хоть часик посидеть с женой, не думая о хлопке.

— Съездили бы на этот пункт утречком, товарищ бригадир! — сказал, точно читая его мысли, водитель.

Парень помоложе Ахмаджана, не очень разговорчивый, не любивший, как видно, жаловаться и не умеющий еще ворчать, он тем не менее давно уже ехал с недовольным лицом. Дулся, что Ахмаджан подхватил его и заставил мчаться на хлопкопункт, фарами высвечивая прямую, но узкую дорогу... Возможно, дома ждала его мать. А возможно, и девушка. Не дома, а где-нибудь... А он еще держится крупными своими ручищами за рулевую баранку...

— Когда утречком? — стараясь сохранять спокойствие, мирно усмехнулся Ахмаджан. — С пяти утра я в поле.

— А я где? И я там же, — сказал водитель. — Только чуть-чуть раньше встаю... Вы ведь уже докладываете

те председателю, если к пяти нет машин... Записываете...

— Ничего! — засмеялся Ахмаджан. — Она подождет.

— Кто?

— Девушка!

— Я спать хочу, — мрачно сказал водитель. — Сейчас бы так придавил! — И он остервенело тряхнул кулаком, будто придавить хотел Ахмаджана. — А гам весело!

— Не очень, — резко оборвал его Ахмаджан. — Я бы тоже прежде всего выспался... За все эти дни, недели, месяцы... Но — хлопок! Служба такая. Судьба!

— Купили бы себе мотоцикл!

— Разговорчики, как говорили у нас на флоте, — еще раз оборвал его Ахмаджан. — Не нравится мне это!

Водитель покряхтел, но замолчал, прикусил губу, Наверное, проклинал его, Ахмаджана. Что поделаешь! Если хочешь быть хорошим начальником, не надо бояться недовольства подчиненных. Это он уже успел понять... А мотоцикл? Действительно, неплохо бы иметь свой транспорт, свои колеса. Но что же — ему на мотоцикле ездить, когда все подростки в кишлаке гоняют на мотоциклах? Еще чего доброго Дилдор сяди сажать? Нет уж... Он копил на автомобиль, на красивые, яркого, голубого или красного цвета «Жигули»... Чтобы все видели! Издали!

А пока можно и грузовик подхватить. Он же не по своей нужде гонит среди ночи, не по капризу... Зло берет! Ох, сорвет он зло на этом заведующем хлопкоупаком! Заставит все снова проверить, работать лаборантов! Хоть до завтра пусть сидят на своих местах... А завтра? А завтра еще что-нибудь... Сегодня — влажность, завтра — поломается хлопкоуборочная машина, послезавтра заболит «чайханщик» на полевом стане, а попробуй хоть час поработать в поле, над которым пыль стелется, как туман, без глотка чая... Внутри все пересыхает так же, как на губах... А после, через два дня... А после еще что-нибудь! Каждый день — что-нибудь непредвиденное!

Будни, будни! Нет им ни конца ни края, тянутся бесконечной чередой, не могут остановиться, как не

может остановиться река. Не скучно ей течь и течь мимо тех же берегов, тех же кустиков, тех же камней? Взяла бы и повернула и понеслась в незнакомые места! Нет, нельзя, сама она ничего не может сделать. Пока люди не перекроют вечный путь, не поставят плотину, не повернут ее могучие воды в новое русло. .

Хорошо тем людям! Вдруг прорвало плотину, безудержный поток ринулся в неурочный час по незапланированным маршрутам, снося незавершенные постройки, опрокидывая технику, угрожая жизни! Опасно! Только героизм может спасти дело. И люди идут на героические подвиги, иначе... Беда, происшествие, конечно но зато всё видно — кто на что способен. А тут жди, жди, жди... Жди, когда о тебе скажут хоть слово... День гохож на день, иногда, как две капли воды... А мелкие неприятности тоже похожи друг на друга, как эти самые капли, только их больше, чем две. . Нет им числа!

Будни, будни...

Давно уже написал Ахмаджан заявление в райком о своей готовности поехать в Мирзачуль. Ни звука в ответ... Может быть, уже не нужно образованных специалистов степным просторам? Вряд ли. А ни звука... И родственники жены молчат, как будто так и надо, чтобы он, Ахмаджан, сидел в кишлаке, командуя хлопковой бригадой. Не мычат, не телятся влиятельные родственники, на которых тоже была какая-то надежда...

А время идет... Потому что время — единственное, что не останавливается, как внушал еще дед. Вот уже четвертый месяц они с Дилдор живут в кишлаке...

Да, стояла середина лета, самые жаркие его дни пылали над землей, когда в Ташкент приехали отец и дядя... Вначале они заехали в Кибрай и остановились в саду Рахима-бобо, чтобы склонить старика на свою сторону. Для этого не потребовалось ни настойчивости отца, ни хитрости дяди, потому что едва дед убедился, выслушав ночной рассказ Ахмаджана, что они с Дилдор любят друг друга, что все это серьезно, он сам сел наутро в автобус и повез гостей в дом сына. Там встретила их Дилдор... Все ахали, охали, но уговор быстро состоялся...

Через две недели сыграли свадьбу, светлую, весе-

люю, потому что все видели, как радуются друг другу молодые, как они счастливы, а что еще надо людям для веселья? Их называли голубками, молодых...

Давно уже голубки не воркуют... Вместе они почти не бывают, а врозь не воркуется!

Пойми, мой читатель, как им трудно, ты ведь веришь, что они любят друг друга, и это действительно так, а жизнь не складывается почему-то... С тоской думал об этом Ахмаджан. С испугом думала об этом и Дилдор, сидя на веранде той пристройки, о которой позаботились для молодых родители Ахмаджана... Давно уже погас свет слева от калитки, в комнатах, где устроились на отдых старики и дети... А она сидит, положив перед собой тетрадь ежедневного учета больных, рецептные бланки, истории болезни... и еще какие-то больничные бумаги. Все равно, она сейчас их не читает, и мы не будем заглядывать в них...

Она сидит на веранде за столом одна.

Вот уж не думала не гадала, когда выходила замуж за джигита, посланного ей невесть откуда, по любви, нечаянной, но долгожданной, потому что нет на земле девушки, которая не ждала бы своей любви раньше, чем встанет на высокий каблук, вот уж и представить не могла себе в ту пору, что будет так сидеть одна-одиношенька среди ночи! Далекый кишлак — это не смущало ее, муж — специалист сельского хозяйства, ну, и что же, ей, коренной горожанке, это тоже нравилось, все — необычно, не как у других, по-своему! Неожиданно...

Но вот откуда подкралась главная неожиданность, вот где стерегла ее... Долгие ночи, переключка кишлачных собак, гулкое небо помогает каждому звуку, и даже самый далекий лай бьет в уши... А ты одна, какой уж месяц — одна... Он приходит усталый, валится в постель и даже говорить не хочет... Мало сказать — усталый, измотанный до предела. Или не о чем говорить с ней — у него свои интересы, в которых, как ему кажется, она не разбирается... Наверно, так, ничего другого ей не приходит в голову...

Старики учат: образуется... Терпеть надо... Сколько? С первых дней? А жить когда? В старости, когда научишься терпеть?

Лучше думать о своей работе...

С утра она принимала больных... Довольно много народу было у нее сегодня... Дни стали холодными, на рассвете появляется иней... А люди еще не спешат кутаться в теплые одежды... И печек не топят в домах... Из-за этого — простуда за простудой...

С утра в ее кабинете кашляли стар и мал. Затем, едва успев выпить стакан чая, она поехала с медсестрой на санитарной машине проведать больных на дому. И таких хватало, что лежали дома с высокой температурой. Полсумки антибиотиков оставила сестра на прикроватных столиках или стульях... Один юноша, которого она на несколько дней освободила от работы, вздохнул и не то что сказал, а просто крикнул, сипло, правда, потому что был здорово простужен:

— Вот несчастье!

Она улыбнулась, чтобы успокоить его, и невольно спросила:

— А что такое счастье, по-вашему?

Он подумал, сердито насупившись, о чем-то своем, потом посмотрел на нее и тоже улыбнулся, и смущенно и хрипло буркнул:

— Не знаю.

Подошла его мать, грозя пальцем, вступила в беседу.

— Я ему твержу, что счастье начинается со здоровья, а он не согласен. Он рвется на свой комбайн, хлопок, хлопок! Все его мысли там! Доктор! Испугайте его, а то ведь он вскочит и убежит, словно без него с хлопком не справятся! Как будто с ума сошел!

— Ну, наверно, хорошо, что он так думает, — сказала Дилдор. — Но если встанете не долечившись, еще серьезней простудитесь, а значит, снова можете слечь, и кто знает, сколько проваляетесь!

— А могу и не слечь! — воскликнул юноша.

В поле, в поле! Эта одержимость делала его чем-то похожим на Ахмаджана, и она успокоилась немного в том незнакомом доме и даже сейчас, вспоминая этого больного, почувствовала себя спокойнее. Да, оказывается, в кишлаке не только Ахмаджан бредит хлопком.

Вот сейчас он вернется, надо встретить его так, как будто ничего не происходит, все прекрасно, поласковее встретить и даже повеселее... А как ждут жены рыба-

ков, которые больше бывают в море, чем на суше? А моряков дальнего плавания? А космонавтов? Дилдор не смогла придумать, кого еще взять в пример, встала и вышла со двора. Будет стоять здесь, у калитки, и встречать мужа. Не космонавта, не моряка, а хлопкороба! Он ей дороже всех героев!

Через пять минут она почувствовала, что ее пробирает знобящая дрожь, как будто на улице было холоднее, чем во дворе. Вода в арыке покрылась тонкой корочкой льда... Она попробовала хрупкую эту корочку носком туфли, легко сломала и поежилась. И почему-то опять подумалось, что надо быть терпимой к Ахмаджану. Вот так, как эту корочку, можно сломать и жизнь, и любовь, которая бывает, наверно, еще более хрупкой, если неосторожно наступить на нее ногой... Сломать свое счастье.

А что такое, действительно, счастье? Вот юноша сегодня не смог или не захотел ответить, сказал, что не знает. Может быть, еще не думал об этом всерьез, не подытожил. Общими словами ответить легко, но счастье, наверно, у каждого свое. Счастье — это исполнение желаний, можно сказать. Но ведь желание — это не абстрактное что-то, нет! Желание — это человек. Значит, сколько людей, столько и понятий о счастье? Выходит, так. Измерить границы счастья невозможно. Безнадежное дело! И ответ на вопрос — а что такое счастье? — можно выбрать из бесконечного ряда, от самого простого до великого. Кто-то считает счастьем тихую и мирную жизнь в своем доме, кто-то самоотверженность и героизм на еще необжитых просторах где-нибудь в Арктике или Антарктике. Или в Мирзачуле! В Голодной степи! Недаром Ахмаджан туда тянется... Он рассказывал, что уже послал заявление. Ну что ж... И она готова ехать с ним туда. Куда угодно! Благо, что врачи везде нужны...

И, может быть, там, в Мирзачуле, он станет больше принадлежать себе, а значит, и ей. Может быть, станет хозяином своего времени... Скорей бы поехать туда! С этой минуты, подумалось ей, она тоже будет мечтать о Мирзачуле.

И хватит терзаться, копить морщины на лбу! Хватит! Хотела стать врачом? Стала. Это счастье. Хотела мужем иметь скромного, честного, трудолюбивого пар-

ня? Это желание тоже сбылось. Вот уже живет в его доме, в его кишлаке. Работает в поликлинике. И дома и на работе ее уважают... А счастья нет. Почему? Бродя того юноши с замотанным горлом, она должна прохрипеть: не знаю...

Она, и правда, не знала. Только поняла, что счастье — не наряд на плечах, не браслет на руке, его порою и не видно, похоже, счастье, оно — в душе!

Дедушка, милый дедушка, как тебя не хватает! Ты бы сейчас сказал, что делать... А что ты мне сказал, когда поздравлял еще раз, там, в своем саду, в самом конце свадьбы?

Дед Рахим-бобо посидел с ней рядышком, порадовался, что свадьба вышла такая красивая и веселая, и сказал... Тогда она не очень прислушалась к его словам, а сейчас вспомнила, как будто они снова прозвучали:

— Ну вот... Хорошая вышла свадьба... Остальное в твоих руках, внучка. Борись сама!

С кем бороться, дедушка? Почему — бороться?

Она не успела ответить себе на эти не такие уж пустые теперь вопросы, как в доме зазвонил телефон, и она бросилась к калитке, перепрыгнув через арык. Резкий телефонный звонок в ночи прозвучал как сигнал тревоги. Кто мог так поздно звонить? В сознании Дилдор мелькнуло: сам Ахмаджан или что-то с ним? Но оказалось, это звонили из дома председателя. Рыдающий голос его жены забился в трубке:

— Дорогая... Доктор-апа! С председателем плохо... Совсем плохо! За вами послали машину! Приезжайте, пожалуйста! Просим. Я и дети... Ждем!

— Не волнуйтесь! — ответила Дилдор. — Я мигом.

И вот уже она ехала в длинной «Волге» по темным улицам кишлака. Такая тут жизнь, дорогие ташкентские подружки! Только что ругала мужа, что он задержался где-то... Дела! А уже и сама спешила сквозь ночь... Дела!

Конечно, не всегда так бывает. Даже великорослый детина — шофер, открыв перед ней дверцу автомобиля, когда она, на ходу застегивая теплую кофту, выбежала на улицу, сказал:

— Извините, доктор, что в такое неурочное время...

— Ничего,— ответила она, усаживаясь в углу машины.— Что с Умаром-ака?

— Что-то неладное творится,— ответил шофер, включая скорость.— Все время порывается встать, сыновья силком удерживают...

«Рвутся куда-то... как в бой!— с досадой подумала Дилдор.— Ну, что это такое в самом деле?»

У председателя болезнь была похуже, чем простуда. Сердце! Вчера она строго предписала ему постельный режим, а он улыбнулся.

— В самый-то разгар уборки? Что ты, доченька! Никак нельзя! Это запрещено.

— Кто вам запретил?

— Я.

Она не стала скрывать от него угрозы: предынфарктное состояние. Он выслушал, нахмурился, согласился.

— Ну ладно... Полежу денек, в крайнем случае два... А ты лекарства давай. Самые сильные!

Умар-ака, нелепо толстый, рыхлый, был классическим образцом человека, который давно перестал обращать на себя внимание. То ел за троих, то целыми днями ходил голодный. Выпить мог — один никогда, но за компанию с удовольствием. Для бодрости духа, как шутил он сам. Эта бодрость духа и тела, несмотря на непомерный расход энергии, поражала в нем. Сердце доживало свое, а он не признавал этого и не унывал. Давай ему лекарства самые сильные, чтобы назавтра хватило сил за милую душу съесть самую большую кашу плова! И стать живее, чем молодой. Потому что — дела!

— Нет таких лекарств!

— Ну нет, значит, ничего опасного. Слышишь, жена? Было бы опасно, сразу нашли бы лекарства! Все в порядке! Зови гостей!

В таких случаях, когда раис, председатель, заболел, гости сами тянулись к нему без зова, и Дилдор спросила водителя:

— Гости были сегодня?

— Еще бы! С утра!— воскликнул водитель.— С утра идут один за одним. Друзья-товарищи... Много разных людей. У нас ведь любят Умара-ака, как отца. Как родного! Он хороший!

Шофер просто соловьем заливался, рта не закрывал, пока не подъехали к воротам председательского двора, и тут у Дилдор созрело решение.

— Не глушите мотор. В райцентр, к дежурному врачу, машину скорой помощи сюда!

— Увезете раиса? — испугался шофер.

— Не теряйте времени, поезжайте!

В большом дворе горели все лампочки и было светло, почти как днем. Вдоль дорожки, ведущей к веранде, вытянулись люди, и Дилдор прошла между их шеренгами, как в почетном строю. Из дома слышался плачущий голос жены, негромкий и оттого еще более тоскливый.

Дилдор вошла в комнату, где лежал председатель, и увидела, что там людей не меньше, чем во дворе. Она выпроводила всех, взяла за руку плачущую жену и тоже вывела ее, сама, передав заботам женщин — родных и соседок. В комнате, у постели, остались только три сына.

Большой круглый живот больного горой поднял белую простыню. Только подойдя поближе, Дилдор увидела широкие плечи, бычью шею и лицо, по которому сразу угадывалось, что Умар-ака был без сознания. Он бредил, звал кого-то... Дилдор послушала сердце. Никакого ритма, сплошные перебои, слабое биенье, ватихающее, как мерцание...

Дилдор достала шприц и ампулу... После укола больной немного успокоился... Зато с улицы скоро донеслись вопли жены, и Дилдор догадалась — так она встретила машину скорой помощи и людей с носилками... Старики спрашивали районного врача:

— А лечить дома никак нельзя?

Когда раиса вынесли и стали укладывать в машину, один из стариков, самый седобородый, поднял руки для молитвы:

— Пусть быстрее выздоравливает на счастье своих детей!

Под голоса аксакалов, подхвативших молитву, «скорая» тронулась. И только тут Дилдор вспомнила о муже и порадовалась, что успела нацарапать ему записку на обороте рецептного бланка и сунуть под пилушку на столе... Ждет, сердится, наверно... «Мы всегда сердимся друг на друга, — подумала Дилдор, — да-

же когда так легко друг друга понять... Отчего?» И сердце ее скатила волна нежности к Ахмаджану.

Но он не ждал. Растянувшись на постели, в одежде, он посапывал устало и сладко... Дилдор улыбнулась, глянув на него, как на ребенка, и тут же увидела смятый рецептный бланк с ее быстрыми строчками на полу и зацепила стул. Стул упал, брякнув сухо и громко, как выстрел, и Ахмаджан стремительно вскинулся, заморгал и медленно спустил ноги на пол.

— А-а, жена-а-а! — протянул он. — Ну, где была?

Ей не понравились тон его вопроса, его голос, и она ответила:

— На свиданьи.

Он сжал кулаки так, что хрустнули пальцы. «Зачем ты обижаешь мужа? — тут же спросила она себя. — Только сейчас решила, что надо быть ласковой!» И сказала, улыбаясь ему, как маленькому:

— Ах, дурачок! Не видишь, что ли, санитарная сумка на мне!

И устало сняла с плеча санитарную сумку.

— Не очень трудно ее надеть, когда хочется, — зло сказал Ахмаджан. — Для маскировки! Пара пустяков!

Она так и застыла перед ним с сумкой в руке. В этом было, пожалуй, главное зло их неустоявшейся жизни: он ревнует ее. Ко всему и ко всем. К здоровым, которые смотрят на нее, городскую красавицу, приехавшую в кишлак, и к больным, которых она принимает и, страшно сказать, заставляет снимать рубашки! Уж сколько раз обещал ничего не говорить ей, а опять! И если не говорит, то, наверно, сам себя поедом ест. Без всяких «наверно»! Ест! «Успокойся, — вдруг сказала себе Дилдор. — Ревнует — любит. Радуйся!»

— Есть хочешь? — спросила она Ахмаджана, положив сумку.

— Нет! Что ты! Я живу святым духом!

— Сейчас.

Включив газ и поставив на плиту казан с пловом, она вынесла мужу свежее полотенце. Пока он умывался, фыркая во дворе, нарезала салат, наломала две лепешки на куски, поставила чистые пиалушки для чая... Вазочку с цветами переставила из комнаты на стол на веранде, сразу стало уютнее и теплее в холоде ночи, и самой поверилось, что все нормально в жизни

и нет никаких осложнений между ними... Да и откуда они могут быть?

Ну, а то, что муж небритый, что красивое лицо его недружелюбно сверкает воспаленными глазами, так ведь время такое — осень страда понимать надо!

— А вы где задержались? — спросила она как можно мягче.

— Где требовалось, там и задержался.

— Я это понимаю... Мне просто интересно..

Он рассмеялся, подставив ладонь под крошки.

— Не притворяйтесь, пожалуйста мой птенчик! Что интересного может быть тебе в этих бесприсветных моих заботах? Надоело каждый день отчитываться!

— Мне все интересно, что происходит с вами. Даже не происходит, а только касается вас. Я люблю... беспокоюсь...

Дилдор подняла на него глаза и увидела, как чувство вины смягчило его лицо, как настороженно и печально сдвинулись его гордые брови. Он, должно быть, казнил себя сейчас.

Ахмаджан перестал есть, тихонько отложил ложку, подошел и прижал к себе голову жены, сидевшей напротив.

— Ну, — сказал он, — я ездил на хлопкопункт... Там заведующий весь сегодняшний сбор с моих полей принял вторым сортом. А хлопок прекрасный! Я ругался — и все без толку! Умар-ака должен бы поехать! Да, говорят, он заболел!

— Правда, — еле вымолвила Дилдор, потому что комок от внезапной ласки мужа сдавил горло. — Умар-ака увезли в районную больницу.

— Увезли!

— Я сейчас оттуда, из его дома...

— Так! — воскликнул вдруг Ахмаджан и заходил по веранде. — Мы теперь мучайся, а он будет лечиться! Ничего себе! Отъедать брюхо будет на больничных харчах! А то ведь он такой хилый! Такой слабенький, такой...

— Ахмаджан! — воскликнула она. — У него сердце надорвалось!

— Хлопком занимается тот, кто все невзгоды вытерпит! Взятся за гуж, не говори, что недуж! Уж ехал бы сразу на курорт, а то в больницу...

— Из которой он, может быть, не вернется.

Ахмаджан сразу стих. Стало слышно, как шумят деревья под порывами ветра.

— Так серьезно? — спросил Ахмаджан.

— Да.

Снова они помолчали, и новый порыв ветра согнул деревья во дворе и на улице, закачал их...

— А вот что с вами? — спросила Дилдор. — Я не знаю, какой диагноз поставить... Я только знаю, что спрятать вам никак не удастся этот недуг... У нас профессор говорил на курсе: когда больной пытается скрыть недомогание, температура его выдает...

Дилдор попробовала улыбнуться сквозь слезы, но улыбки не вышло, и она расплакалась, уронив голову на руки, на стол.

— Вам трудно, — говорила она, плача, почти рыдая, — я и раньше слышала, как тяжело работать на хлопке, а теперь сама вижу... Но ведь и я сюда не развлекаться приехала...

Да, это так... Ахмаджан понимал. Ей тяжело, но легче, чем ему. А он обижает ее... Как он смеет! Ведь она приехала в этот кишлак из-за любви к нему, Ахмаджану, поверив его клятвам, что он будет правдив и ласков. Она так и сказала, что ничего, никаких трудностей не боится, только лжи и грубости, потому что о детства их не знала...

Рассказать ей?

В начале сентября, когда уже хлопчатник раскрылся, он, бригадир, распорядился провести еще один полив... По дурости, конечно... Нет, не по дурости... Хлопок должен был стать весомее — и стал. Урожайность достигла пятидесяти центнеров с гектара, как он обещал. И можно было надеяться, что бригада выполнит обязательство, взятое им на себя, когда он вернулся из Ташкента в колхоз. Пятьсот тонн! Он назвал тогда эту цифру, встреченную аплодисментами...

Да вот теперь мешал заведующий хлопкоприемным пунктом!

Мешал? От позднего полива повысилась влажность хлопка... не только вес... И заведующий делал свое дело и не хотел сдаваться. Конечно, его следовало уломать, унять — угрозами, посулами... Но как? Умар-ака в больнице!

Рассказать все это Дилдор? Зачем? Что она поймет? Понимала бы, так постаралась помешать отправке раиса в больницу в эти тяжкие дни... А, что толковать! Не женское это дело. Смешно!

— Идем спать,— позвал он.

В постели он обнял ее покрепче. И потому, что хотел отвести от ненужных вопросов, и — соскучился. Как он соскучился по ней! Дилдор начала спутывать и гладить волосы мужа, сросшиеся брови, густые ресницы...

— А может быть, потому вам трудно,— прошептала она,— что вы взяли обязательство больше всех, выше всех?

— А я и должен быть выше всех,— ответил он, смеясь.— Не горюй за меня!

И принялся страстно целовать ее глаза, шею, губы. Как тогда, как давно... Душа ее наполнилась прежней радостью. И она почувствовала, что счастье возвращается еще легче, чем уходит.

Глава четвертая

ВЕТВИСТЫЙ КАРАГАЧ

В горных кишлаках осень — тоже сплошные заботы от рассвета до заката. Это пора, венчающая долгие старания земледельца, радостная или горестная, пора ответов на его надежды.

Хлеб давно убрали, а картошку только что выкопали. Фрукты с перегруженных веток снимали по очереди — начали с ранних яблок, а сейчас орехам поспело время ложиться в мешки. Значит, и последние грозди золотистого винограда уже срезали или срезают...

Солнце, хотя его лучи стали нежаркими, как и полагается в эти дни поздней осени, прощальные дни тепла, все же успело подвyalить виноградные ягоды и сделать их еще слаще. В ягодах сгустилась желтизна, будто солнце спряталось в них на зиму...

Все земные краски стали гуще, заметней. Поздней осенью виднее, как многоцветна наша земля, как щедра на урожай красоты! Трава где еще ярко-зеленая, а где уже и желтая, и рыжая, и бурая, как верблюжья

шерсть. Листья на деревьях все разные, не похожи друг на друга, не то что летом! Они и бледные, как недопеченные лепешки, и серые, как зола в очаге, и красные, оранжевые, огненные, будто уже на рассвете напоминают о часах заката. Осенью красиво и грустно. Краски горят неслыханно смело, будто спешат всю свою силу израсходовать перед угасанием. Это как последняя песнь. Песнь без голоса...

И только уверенность, что придет весна и снова оживит весь этот прекрасный мир, сохраняет способность любоваться даже угасанием, слушать эту беззвучную прщальную песнь...

В тот час, когда дехкане спустились с горных полей — кто с корзинкой на голове, кто с мешком за плечами, а кто верхом на осле, нагруженном тяжелыми перекидными хурджунами, когда пастухи пригнали скот из-за стен древней крепости, по тропинкам, истоптанным копытами и сбегающим к кишлаку вдоль реки, одним словом, в час заката, под ветвистым карагачем, который, наверно, помнит читатель, появилась молодая женщина с ребенком. По тому, как она спустила ребенка, мальчика лет пяти-шести, со своих рук, как вздохнула, положив к ногам узел, чувствовалось, что она смертельно устала... Она шла сюда, часто останавливаясь, то вела мальчика за руку, а то поднимала и несла, прижав к груди, и теперь присела на узел, чтобы перевести дух.

Женщина сидела и смотрела туда, где спрятался кишлак. Он на некоторое время совсем утонул в темноте и тишине, скотина перестала ржать, коровы разбрелись по дворам и принялись за жвачку. И по тому, где раньше вспыхивали огни, лучась и переливаясь, можно было определить самых расторопных хозяек... Или быстрее других вернувшихся домой, на отдых, мужчин.

Женщина смотрела на кишлачные огни и улыбалась им. Она спустилась с горы, за которой село солнце, издалека пришла, но улыбалась каждому огоньку, как родному. Кто она? Почему оказалась здесь в такой неподходящий для прогулок час?

Не стану скрывать от тебя, дорогой читатель, что эта женщина — Нафиса, любимая нашего неудачливого жениха Азиза, та, которую он хочет и не может

забыть, а вот почему она здесь, я еще не знаю. Она смотрела на родной кишлак, словно бы отрешившись от всего, потом вздрогнула, огляделась и позвала:

— Фируз!

— Я здесь, мама,— ответил мальчик из-за ее спины.

Он смотрел на реку и слушал, как она шумит.

К шуму реки прибавлялся шелест карагача, чуть колышущего своими ветвями в вечерней прохладе. Нафиса запрокинула голову, послушала этот шелест и встала. Проворно опустилась она к воде, чистой, как всегда чиста вода в горных реках, сполоснула лицо, склонившись, и протянула руку сыну. Он осторожно подошел к ней, переступая с камня на камень, и только Нафиса приготовилась умыть его, зачерпнув воды и грея ее в ладонях, как сверху раздалось побрякивающие велосипедного звонка.

Нафиса выпрямилась. Через минуту на тропе стал виден велосипед, нагруженный сеном. Гора сена будто бы катилась сама. Молодой лихач ловко управлял этой горой, катящейся на двух тонких колесах...

— Эй, парень!— крикнула Нафиса.

Неожиданный голос заставил лихача притормозить и соскочить на землю.

— Что такое?— спросил он почти мальчишеским дискантом.

— Ты знаешь тетю Мехри?

— Конечно, знаю,— ответил парень, не без труда удерживая велосипед.

— Скажи тете Мехри... Прошу тебя, если она дома... Загляни к ней и скажи, что ее ждут... Под карагачем...

— Кто?

— Она догадается... Ждут здесь... Понял?

— Понял.

Парень встал на педаль, оттолкнулся от земли, и гора сена начала таять во тьме.

— Стой, стой!— закричала Нафиса и бросилась догонять велосипедиста, снова соскочившего на тропу.— Пожалуйста, постарайся самой тете Мехри сказать... Умоляю тебя! Пусть Азам-ферма ничего не знает! Только ей!

— Ладно, тетенька... Я все сделаю, как вы просите...

— Спасибо, дружок мой,— растроганная Нафиса

была готова обнять подростка, но вместо этого только крикнула в темноту, окончательно поглотившую его: — Скажи, что с ребенком! Пусть она побыстрей...

Несколько мгновений непонятно было, услышал он или нет, только тишина, казалось, звенела от напряжения, но вот донеслось сквозь этот звон, уже издали, снизу:

— Скажу-у-у...

И Нафиса вернулась к сыну, а мальчик спросил:

— Он уехал? Куда?

— В кишлак,— сказала Нафиса, присев на корточки и развязывая узел.— Видишь, вот горят огоньки... Лампочки... Вытянулись в цепочку — там улица... Это кишлак...

— Какой?

— Фируз... Да, мой маленький... Я тебе дала имя этого кишлака... Ты родился в Шахристане, а я в Фирузе... Это мой родной кишлак...

— Его зовут как меня?— спросил удивленный мальчик и засмеялся.— А почему ты так назвала меня, мама?

— Потому что я люблю свой кишлак и тебя... Только тебя чуть-чуть больше!— Как она ни устала, Нафиса тоже улыбнулась и протянула сыну кусок лепешки: — На, сынок, наверно, проголодался...

Фируз и в самом деле проголодался, откусил лепешку и начал аппетитно жевать. А Нафиса задумалась, присев рядом с ним на камень, опутанный старой, но еще живой, слегка подсохшей травой. Мысли ее коснулись сначала близкой, конкретной заботы: все ли она сказала этому доброму подростку — велосипедисту, посланному ей с гор, как с неба? Она быстро перебрала в памяти свои слова и не поверила сама, что назвала отца Азамом-фермой. Как чужая. Потому что он ей стал как чужой. Страшно подумать об этом, но это было так... Так, что делать! Горе учит хоть самой себе говорить всю правду, до дна.

Отец сделал ее несчастной.

А Азиз...

Тогда она бегала по улочкам Фируза, беленькая, красивая, синеглазая. Егоза! Ничего этого не осталось, все исчезло бесследно... Синяя чистота в глазах зату-

манилась. Широко открытые глаза привыкли щуриться подозрительно, и в них, если и блеснет, то злинка. На людей, на жизнь, на судьбу. Волос, всю спину закрывавших золотыми косичками, больше нет, поредели, а кое-где крепко, теперь уже до конца жизни, в них поселилась ранняя седина.

Не такой представлялась ей жизнь, совсем не такой! Смешно вспоминать! С надеждой бегала она вечерами под этот карагач, чтобы дождаться Азиза, услышать от него ласковые слова и хранить их до утра в себе, а утром ждать вечера и снова бежать сюда за его новыми словами, как за водой и хлебом! Лучше бы он молчал... Но здесь, под шелест ветвистого карагача, они и сейчас звучат в ушах, эти слова о любви, о верности, правда, теперь в насмешку и над верностью, и над любовью.

И за это она ненавидит его.

Почему Азиз, получив отказ ее отца, не восстал, как настоящий джигит? Почему? Почему никак не боролся за свою любовь? Почему?

Вот уже седьмой год она задает себе эти вопросы и не может на них ответить. Да уже и не задает... Забывает потихоньку и свою обиду, и самого Азиза... Это карагач напелнил... Где-то вот здесь стояла она и ждала ответа доброго молодца на то, что отец хочет отдать ее за другого. За другого, незнакомого, немилрого... Она не сомневалась, что Азиз взорвется, схватит ее и скажет: «Я не отдам!» Что он увезет ее, умчит от этой беды, унесет на руках. Она была готова пешком уйти за ним, куда глаза глядят, как велит любовь. Это так просто, когда любишь. Она ждала...

Но он не увез, не унес. «Мне интересно тебя услышать! Тебя!» — кричал он здесь в тот вечер, когда reshлось их будущее. Почему — се? Разве он не верил, что она любила его? А что она еще могла? Девочка, ждавшая его из армии и дождавшаяся наконец. Ей казалось, что нет джигита храбрее, надежнее... А он!.. Джигит! «Что ты скажешь?»

Вырвав руки из его рук, она убежала тогда.

Но утром, опомнившись, уже была у калитки и смотрела через дорогу, чтобы увидеть, как Азиз выйдет из своего домика и пойдет сюда, за ней. Он никого не испугается! Он придет, чтобы спасти ее от беды,

приближающейся каждый день неотвратно, как оползень... А он уехал в поле, работал, ведь его назначили бригадиром, наверно, надо было отличиться, показать, что он достойный бригадир... Он работал. Зря она ждала... И все же до последнего часа она ждала единственного слова: «Бежим!»

В Шахристане она увидела богатый дом, устланный коврами, заставленный дорогой посудой, и подумала: «Зачем мне все это?» Она отказалась бы ради Азиза не только от богатства, никогда ее не прельщавшего, а от самой жизни, так она любила его тогда...

Если бы они уехали, их приютил бы какой-то город, какой-то кишлак... Белый свет большой... Молодые. Любая работа по силам. Что им нужно было? Вместе жить — при любых трудностях вместе...

Нафиса часто мечтала, воображая, как бы могла сложиться ее жизнь с Азизом, если бы тогда он решился и позвал ее: «Убежим!» Но он не позвал, и она осталась, а сейчас убегала в мыслях, и это было ее бегством из того ада, в котором она жила под крышей шахристанского дома с мягкими коврами и дорогой посудой.

Своего мужа Карима она видела перед свадьбой один раз. Кишлачная сваха Ханифа, пышная, сдобная Ханифа, как ее называли в Фирузе, дождалась ее возле школы после окончания уроков и повела за собой... Они шли к реке, и Нафиса испугалась, а потом обрадовалась, что они идут сюда, к карагачу... Обрадовалась, подумав, что, может быть, все переменялось, и под карагачем ее ждет Азиз... Но до карагача, до его тени на берегу, до его необъемной шапки в небе они тогда не дошли, не поднялись... Гораздо ниже, на берегу, Нафиса увидела молодых незнакомцев. Они сидели на зеленой лужайке, беседовали, и Ханифа, толкая будущую невесту мягкими бедрами, взяла ее за локоть и показала глазами:

— Вон, вон... с краю, в чесучовом пиджаке, белом... Смотри, смотри... Какой красавец! А богат!

Может быть, кто-то подумал, что ее прельстили эти богатства мужа? Считал же отец, что достаток никогда и никому не мешает, и в наш век — тоже. Соблазнили его и дом Карима, и овцы Карима, и деньги Карима... И когда Нафиса попробовала возразить ему,

робко призналась, что нет у нее охоты говорить Кари-
му «да», отец рассмеялся:

— И не говори! Кто тебя спрашивает?

А потом трахнул ладонью по столу, закричал:

— Я выбрал тебе мужа, и ты пойдешь за него! За того, кого я выбрал. Я велю!

И снова саданул кулачищем по столу. Руки у него были могучие, длинные, все покрыты черными волосами, голос страшный, как у зверя, не человек, а див. Впервые он показался тогда Нафисе таким страшным. Она смотрела на сильно выпившего отца и шептала: «Азиз, приди сюда, скорей, ударь по столу громче отца, защити меня!» Он не слышал, хотя она шептала почти вслух, не таясь, не верила девочка, что предана, что обманута... Взрослая Нафиса грустно усмехнулась сейчас над этой девочкой. Эх, Азиз!

Прохлада, стекающая с вершин, становилась с темнотой все сильнее, обдавала снеговой свежестью. Нафиса достала из узла халатик и тюбетейку Фируза, закутала его. И на себя накинула бешмет. Посадила сына на колени, обняла, чтобы согреть, забеспокоилась: доехал ли добрый парень до матери, удалось ли ему передать, что она с сыном ждет свою мать здесь, под карагачем?

И сейчас же раздалось снизу:

— Дочь моя! Дочь!

Нафиса принялась быстро завязывать узел и поднялась навстречу. Мать появилась из темноты, причитая:

— О аллах, умереть бы мне!.. Почему сидите здесь, как отшельники? Фирузджан, маленький, ты здоров? Иди ко мне, иди! Вот она я, здесь, здесь, в любой миг стану жертвой твоей! Что случилось?

Она тискала и целовала внука, потом, как слепая, схватила за руку Нафису. Та прошептала:

— Не плачьте, мама. Мы живые, пока живые...

Мехри ни о чем не стала спрашивать дочь, только целовала ее, и при каждом прикосновении материнских губ к лицу дочери на щеках ее оставались мокрые пятна. От теплых слез матери, не успевающих остыть даже на ледяном ветру, такими они были частыми. Волнение матери передалось Нафисе, и как она ни держалась, они зарыдали вместе.

— Да вот,— повторила Нафиса,— вернулись живыми.

А мать тянула ее за руку, приговаривая:

— Пошли... Пошли домой!

— А отец дома?

— Конечно, дома! Где ж ему быть?— ласково отвечала мать.— Что ж из того, что он дома?— Мехри остановилась.— Ты боишься, доченька? Не бойся, я рядом, твоя мать!— И дернула ее повелительно:— Пошли!

Знакомо скрипнула родная калитка... Азам-ферма, отец, голоса которого она ждала и боялась, провопил:

— Бей, бей! Ну, что ты медлишь, рас-тя-па! Пасс! Гол! Ура-а! Мимо, оказывается! С двух шагов не можешь попасть! За что тебе деньги платят?

Он сидел на высокой веранде и смотрел футбол по телевизору. Ни на скрип калитки, ни на фигуры женщин он не обратил внимания, ему некогда было, и они незаметно проскользнули в дом.

— Отец выпил, лучше сейчас не попадаться ему на глаза,— шепнула мать, закрывая дверь за собой, а когда зажгла свет в комнате, то остолбенела и медленными, неслышными шагами приблизилась к Нафисе.

— О аллах, что с твоим лицом, доченька?

Под одним глазом Нафисы был красный рубец, под другим — фиолетовые пятна.

— Он опять бил тебя, доченька?— Ноги не держали ее, и она присела на стул возле Нафисы, тиская свои пальцы.

А Нафиса сказала, опускаясь на другой стул:

— Вот, мама, больше нет сил терпеть. Если найдете место для нас с Фирузом и позвольте, останусь дома, не вернусь туда больше.

Мехри испугалась.

— Что ты мелешь, доченька? О чем ведешь речь? Ты в своем уме?

— Не знаю... Я уже ничего не знаю... Только знаю, что не вернусь туда ни за что.

Нафиса машинально отщипнула кусочек лепешки, положила в рот, но есть не смогла. Ее тошнило, кружилась голова. Она смертельно устала, измучилась в дороге.

— Не вернешься? Куда же ты?

— Я готова идти по белу свету, все равно куда,— горько усмехнулась Нафиса.

— Молчи, доченька!— взмолилась Мехри, испугавшись, что это серьезно.— Что скажет народ?

И Нафиса заплакала. Слезы безостановочно потекли по ее красивому лицу, на котором рдели следы побоев, и этот безголосый плач был в тысячу раз горше, чем недавние рыдания. Те рыдания при встрече с матерью облегчали, а эти слезы были немymi слезами безнадежности, неслышно катились и катились...

— Не надо,— пыталась утешить мать, приблизясь к ней.— Отец увидит! Рассердится! Ты ведь знаешь его...

— Вот,— еле слышно сказала Нафиса, давясь слезами.— Что люди скажут! Это главное. Пусть люди думают, что все хорошо, а ты терпи... Всю жизнь терпи, лишь бы они думали, будто все хорошо! И отец... Кто, мама, должен выручить меня, как не он? Кто? Нет, опять терпи! Хватит, я шесть лет терпела, а теперь мне все равно, что люди скажут и как отец закричит! Все равно!

— Успокойся, успокойся,— морщинистыми руками мать гладила Нафису по голове, поправляя ее плохо прибранные волосы, будто это могло хоть как-то скрыть беду.— Что же будет? Что будет?

— Я уже сказала.

— Нет-нет!

— Да,— возразила Нафиса с решимостью женщины, испытавшей настоящее горе.— Когда я первый раз заикнулась, что у меня не вышла жизнь, что не хочу оставаться больше в Шахристане, меня ругали, проклясть грозилась — и вы, и папа. Второй раз приехала сюда, домой... Богом просила: не гоните! Вы молчали, а отец опять отослал. Поехала, глотая кровь, с младенцем на руках... Куда? Зачем? Доить коров, навоз чистить, кур кормить, печь лепешки...

— А как же, доченька? Жена!— нарочито громко усмехнулась Мехри.— Только молодые думают, что любовь — праздник.

Уж сна-то знала, что это совсем не так...

— Мама!— вскрикнула Нафиса.— Я ведь не жалуясь, что могла бы учить детей в школе, а сама стираю, убираю, дрова колю... И учительнице надо уметь в

огороде копать и еду готовить... Если бы я для любимого человека все это делала! Было бы не тяжело и даже незаметно. Я не боюсь работы! Но какая здесь любовь? О чем вы говорите, мама! Ее вообще нет, никакой любви! Детские глупости!

Нафиса устала в стену и посидела молча.

— Мы думали, что ты невеста в богатом доме и ты счастлива. Хозяйка, жена!— повторила мать.

— Я не жена, нет,— проговорила Нафиса.— Отец продал меня в рабство. Я рабыня, которую бьют, если не нравится, как она сделала что-то...

— Пьяный бьет?— спросила мать.

— А пьяному можно?— Нафиса повернула голову к матери и посмотрела на ее растерянное, беспомощное в жалком отчаянии лицо.— Но если бы только пьяный... Он и трезвый бьет...

— За что?

— А у него один ответ: «Имею право... Пожалуйтесь отцу, он еще прибавит!» Я уж и не спрашиваю... Да и он чаще кулаком отвечает, чем словами...

— Ой, доченька! Уши бы мои не слышали!

Мехри зажала уши ладонями. А когда опустила руки, прозвучали, как ударили, жесткие слова дочери:

— Вам не хочется верить, знать не хочется, вот вы и зажимаете уши, но это правда...— Нафиса коснулась пальцами кровоподтека на лице.— Вот мои подтверждения... мои документы... печати...

Теперь мать закрыла ладонями глаза и прошептала:

— Глаза бы мои не видели!

Нафиса чуть было не крикнула ей что-то обидное, но опомнилась, удержалась и обвела еще раз глазами комнату с нишей для одеял, с покосившимся на одну ножку столиком, за которым она, девочкой, делала уроки.

Мать вздохнула.

— Наверно, ты права... Для нас, женщин, вообще нет счастья.

— Я была счастлива в этой комнате,— сказала Нафиса и улыбнулась.— В школе была счастлива! В родном Фирузе.

Была... Девочке мнилось, что счастье впереди, в манящей дали большой будущей жизни, а оно оказа-

лось за спиной... Оно было прожито... Там, в детстве... Но с этим трудно было мириться, а мать наставляла:

— Терпеть надо, терпеть...

Она как будто играла на музыкальном инструменте с одной струной, унылом, но вечном.

— Ты знаешь мою жизнь с отцом... Сама видела, сама плакала не раз... в этой же комнате... Я терпела...

— Зачем?

— Старики учат нас: терпение — единственный путь к достижению цели.

— Какой?

— Может быть, Каримджан возьмется за ум, и ваша жизнь еще наладится.

— Нет! — вскрикнула Нафиса, и мать на ее глазах сжалась и зябко задрожала, испугавшись то ли того, что отец услышит, то ли за нее. А Нафиса повторила тихо, но властно: — Нет. Вы не смогли восстать и не можете... Вы не можете!

— Не могу, — подтвердила мать.

— А я могу! Я смогла уже... Я ушла из дома, который хуже ада! Ушла!

Мать погладила ее по голове, пытаясь унять чересчур громкие крики, и сказала, увидев кусочек лепешки в ее пальцах:

— Я пойду, чего-нибудь соберу тебе поесть... Ты ведь голодная, бедненькая моя, а я... Вот дура! — И, ругая себя, зашаркала к дверям.

Маства, жидкая рисовая похлебка, была вкусна, как все и всегда вкусно у мамы. Нафиса еще ела, когда в комнату вошел — не вошел, а протиснулся отец. Гигантская его фигура едва не застряла в тесных дверях детской комнаты, куда раньше он почти не заходил.

— Э! — проговорил он радостно. — Кто в гостях у нас! А я слышу — вроде бы чьи-то голоса.... Комната пустует, а голоса! Дай посмотрю... Девочка приехала! И жеребеночек, оказывается, спит. Ты посмотри на него, Мехри... Посмотри, мать! Ни дать ни взять — копия Азама-фермы! Ха-ха-ха... Будет такой же богатырь...

Фируз спал, в самом деле, по-богатырски раскинув свои ручонки на одеяле в том углу, где раньше спала его мать. Азам наклонился и пощекотал ребенка, пробежав толстыми пальцами по его шее.

— Разбудите,— обронила Нафиса.

— Богатырь!— повторил отец.— Богатыри крепко спят. Правда, наш внучок — богатырь?— спросил он у матери.— А почему?

Мехри и Нафиса молчали, и он сам ответил себе:

— Потому что Карим — орел. Орел! Ну, скажи, Нафиса, скажи-ка сама — Карим орел или нет? Что ты молчишь?

— Она устала,— вместо дочери сказала Мехри.

— Ну, пусть отдохнет у нас денек-другой...

— Я вернулась совсем,— сказала Нафиса.

— Что-о?— взревел Азам-ферма.— Бежала! Из такого дома!

— Плевала я на то, какой там дом!— непривычно нервно и грубо крикнула Нафиса и тут же постаралась взять себя в руки, подумав, что громкие слова могут только распалить отца, как жаркий огонь большие поленья, костер разгорится, будет много шума и треска, а в результате останется одна зола. И прибавила тихо:— Я ушла от этого орла... И не вернусь к нему. Вот и все.

Внешне спокойный ее голос, упавшие в тишину негромкие, но внятные слова удивили и насторожили Азама.

— А!— воскликнул он, почесав лоб.— Чепуха! День такой...— Он даже засмеялся.— «Пахтакору» наддали четыре — ноль! Теперь дочка несет черт-те что!

— Вы мне разрешите жить у вас, папа?— спросила Нафиса.

И тогда отец взорвался:

— Завтра же!.. Завтра же отправишься в Шахристан! Она, видите ли, оставила дом... Чушь какая-то! Утром у меня будет машина и...— Он повернулся к жене, глаза его округлились и блестели:— Пусть она попробует не вернуться! Подъедет машина и...

Мехри повалилась у его ног, прижалась к ним лицом, заголосила:

— Оставим ее у себя!

— А-а, я понимаю... Сговорились! Не зли меня!— затопал Азам-ферма чуть ли не по рукам Мехри.

И тогда она встала.

— Будь ты проклят! Когда ты понимал? Когда ты

понимал человека? Родную дочь не можешь защитить... Так я...

Отец оттолкнул ее и вышел из комнаты, рыча, а она крикнула ему вслед:

— Так я не дам ее в обиду!

А Нафиса смотрела на мать восторженными глазами, ломая руки и не веря себе. Она не ждала, что мать решится когда-нибудь на такое! Теперь у нее есть защитница, лучше которой ей и не надо...

Ночью было слышно, как отец стонал на весь дом. Нафиса, даже и не пытавшаяся закрыть глаза и уснуть, думала, что он злится... А может быть, ему жалко дочь? Человек же... Дочь у него одна-единственная... Ему тоже нелегко. Тогда он утром войдет и скажет: «Оставайся!» Она лежала и перебирала тысячи вариантов — как сложится дальше ее жизнь... Как?

На рассвете действительно вошел отец, пробасил, усмирив свой рык:

— Встала, доченька? Ну, спасибо, что приехала, навестила. Буди Фирузджана, одевай... Пора! Машина подъехала.

Отец вел себя так, как будто никакого разговора вчера не было.

— Мать уже завтрак приготовила и собрала тебе в дорогу, — добавил он, уходя и с улыбкой оглянувшись на пороге комнаты.

Нафиса прислушивалась к его удаляющимся шагам, промаргиваясь. Видимо, она задремала на рассвете и не слышала, как поднялась мать... Теперь ей хотелось уловить ее голос. Хватит ли у нее сил и утром встать против отца и устоять? Сохранилась ли у мамы вчерашняя неожиданная решимость?

— Мама! — позвала Нафиса.

Мать сразу возникла у порога. Может быть, стояла за дверью. В руке она держала белый узелок. Да, собрала завтрак в дорогу...

— Машина подъехала? — спросила Нафиса.

Мать кивнула и спросила, пряча глаза:

— Помочь тебе одеть Фирузджана?

— Я сама, спасибо.

...Когда Нафиса уселась в кабину грузовика рядом с бородатым шофером, отец мирно, но требовательно велел ему:

— Сено сгрузишь на базаре, но раньше отвезешь мою дочь домой. Понял?

— Хоп, начальник, хоп... Хорошо!

Грузовик разрушил холодную тишь утра оглушительным ревом и тронулся.

— Не поминайте лихом!— сказала Нафиса.

Мать и отец махали ей руками с дороги. Отец улыбался... Нафиса видела его улыбку в круглом зеркальце над зеленым крылом машины... Зеркальце было с краев одето туманом... Не поленился отец, встал чуть свет, разбудил шофера, постарался отправить дочь с внучонком пораньше, чтобы ни одна душа в кишлаке не увидела ее, не услышала ничего, не узнала... Еще бы! У Азама-фермы такое происшествие! Не может быть никаких происшествий в его благополучной жизни.

Машина оставила позади кишлак. Мальчик, который вроде бы спал, прижавшись к ней, показал пальцем в сторону еще кутающихся в туман домов:

— Мама! Этот кишлак зовут как меня... Фируз! Я знаю!

— Да-да... Спи... Ты спи...

Но он повернулся к бородачу-шоферу:

— Дядя! Меня тоже зовут Фируз...

Машина выкатилась на большую дорогу, бородач прибавил скорость, понеслись, полетели с гулом, который множил щедрое горное эхо. Грузовик стал похож на самолет. Улететь бы куда-нибудь на самолете! Куда? Да и денег не хватит на билет куда-нибудь далеко, в самую дальнюю даль.

И мать не поможет. Последнее, что увидела Нафиса в зеркальце, кольнуло ее больно: мать тронулась и пошла за грузеиком пешком. Где-то она остановилась и, возможно, еще стояла и смотрела вслед. А может быть, грубый окрик отца вернул ее...

У большого моста при въезде в Шахристан Нафиса попросила бородача остановить машину.

— Что такое?

— Я здесь слезу.

— Как же так, красавица? Папаша ваш приказал отвезти вас домой!

— Дом наш недалеко, я дойду... Мы дойдем! Прогуляемся пешочком с сыном!

Шофер, избегавший раньше смотреть на ее лицо в стойких синяках и даже с кровавым рубцом под глазом, теперь внимательно вглядывался в него. И вдруг сказал:

— Ну ладно... Смотрите!

Нафиса быстро приподняла Фируза и спрыгнула на землю.

— Спасибо.

— Счастливого пути! Не заблудитесь.

Ухая, грузовик тронулся с места и быстро свернул за угол, на кратчайший путь к базару. Туда же вела дорога и к ее дому... Но Нафиса взяла сына за руку и повела к реке. На покато́м берегу ее, с высохшей, пожелтевшей травой, они уселись позавтракать. Нафиса развернула мамин узелок с яблоками и еще теплыми лепешками и пирожками. Один пирожок она протянула Фирузу, другой взяла себе, оставила в руке одно яблоко, а все остальное замотала снова в узел. Надо было рассчитать мамину еду на длинный день...

Фируз быстро съел пирожок и хрустел горным яблоком, румяным и сладким, потому что оно созрело, находясь ближе всех других яблок к солнцу, а Нафиса беспрестанно оглядывалась на дорогу...

Она ждала автобуса, но тот не спешил появляться. И чтобы не думать, что будет через час, и завтра, и дальше, Нафиса принялась рассказывать сыну сказки. Сказки были хорошие, и забавные, и страшные, но не очень, потому что все хорошо кончалось. А зачем люди придумывают сказки о своей жизни? И рассказывают их другим... Наверно, потому, что жаловаться обидно...

Глава пятая

ШКОЛА

В конце дня заморосил частый, секущий дождь, сразу стало холодно... Пыль у дороги быстро утрамбовалась, а здесь превратилась в грязь, потому что ее усердно топтали детские ноги.

Дети толпились большой гурьбой и весело махали руками людям, которые прощались с ними ответными взмахами, и песнями, и смехом, и криками.

— До будущего года! — кричали они чаще всего.

Это были горожане, в основном юноши и девушки, которые приезжали на уборку хлопка, помогали це-линникам, хозяевам Голодной степи. Загар на лицах долго будет напоминать им об ее просторах, о безоблачном небе...

Нафиса не замечала дождя. Сжимая руку Фируза, она смотрела на детишек и понимала, что это школьники провожают горожан. А раз у дороги школьники, значит, где-то здесь и учитель, можно поговорить, справиться хотя бы...

Она огляделась и удивилась большим многоэтажным домам в этом степном поселке, похожем на город, через который все тянулись и тянулись караваны автобусов с молодежью. Если бы она поинтересовалась, куда попала в своем безадресном путешествии, то услышала, что это Янгиер, степная столица, но она ни о чем не спрашивала, ей было все равно. Ее внимание приковали к себе дети...

А детей уже уводили из-под дождя. Да и темно... Правда, еще не вспыхнули окна и не зажигались фонари на высоких бетонных столбах, удивительно гибких и грациозных. Над степью держался странно светлый сумрак... Вероятно — от большого простора. А может быть, это мизерные капельки дождя проносили сквозь тучи отблеск только что скрывшегося за них светила, главного хозяина этих мест?

Еще раз Нафиса подняла глаза на дома. Сколько в них этажей? Четыре, пять... Конечно, в таких домах много квартир... И во многих из них живут учителя.

Но, если не нужны учителя, она готова быть кем угодно — цветочницей, пожалуйста, вон сколько здесь цветов насадили, большинство детей машет уезжающим не голыми руками, а букетиками цветов... Нет, все же лучше в школе — хоть уборщицей...

Какая-то женщина остановилась около нее, спросила:

— Вы издалека?

— Я? Да...

— Ищите кого-то?

— Нет... Да... Учителя бы этих ребят мне увидеть...

А то я смотрю, все старшеклассники с ними, и стоят, и уводят... Ни одного учителя...

— А вон сама директриса...

Да как же она до сих пор не видела ее! Наверно, эта директриса только что подошла... Была она полной и строгой на вид женщиной с прямой спиной, конечно, от привычки держать себя прямо, подтянуто. Нафиса еще с детства уловила такую привычку у самых строгих учителей... Даже кишлачных, молодых... Здешняя директриса не была молодой, волосы — пепельные от седины, а когда она повернулась в сторону Нафисы, чтобы крикнуть что-то одному из страшеклассников, та увидела две резких морщины на лбу, глубоких, не расправляющихся, оставленных, похоже, настоящим горем... Увидев это лицо, горькое и озабоченное, Нафиса подумала: не до нее этой женщине, своих забот сколько угодно... Женщина между тем накинула на пепельные волосы черный платок, как видно, сползший на плечи... Ах, вон что! У нее — траур... Нет, лучше и не подходить... Не захочет она ее брать — без направления... Да и найдется ли сейчас у этой женщины время на самое простое — выслушать... Пока Нафиса раздумывала и боролась с неловкостью, охватившей ее, директриса увела последних детей... Куда теперь? Хотя бы на ночь где-то устроиться?

Ничего не придумав, как она ни ломала голову, Нафиса поплелась за детьми, словно ее тянуло туда... Их следы скоро свернули с дороги и отпечатались меж коротких виноградных лоз свежей, чуть ли не сегодняшней посадки... Ах, если бы оказаться сейчас в горах между виноградных лоз! Там они смыкаются плотными стенами, а над головой образуют настоящие крыши, которые укрывают и от солнца, и от дождя... В виноградных тоннелях под ногами всегда сухо. Попасть бы сейчас в такой тоннель-виноградник, которому нет конца, высокий и длинный-длинный... Она шла и мечтала, беспокоясь не столько о себе, сколько о Фирузе.

И остановилась.

Впереди показалась директриса. Она шла навстречу, приближалась не спеша. Повернуть, исчезнуть?

— Здравствуйте, — сказала женщина. — Мне показалось, что вы нас догоняете. Что же вы молчите, милая моя? А? Как вас зовут?

— Меня? Нафиса... Нафиса Азамова...

— А меня Назира Юнусова. Вот мы и познакомились...

— Здравствуйте...— скованно прошептала Нафиса. Женщина взгляделась в нее так, точно сейчас должна была спросить про диковинные для нормального вида следы на ее лице: «Что с вами?», но она опустила глаза, поправив концы своего черного платка, и спросила:

— Кто вы?

— Была учительницей,— глядя в сторону, ответила Нафиса.— Давно... Почти семь лет назад... Когда кончила школу в своем кишлаке, в Фирузе... И получила диплом с отличием... Недолго работала, и все... Сын, муж...

— Он остался в Фирузе?

— Нет... Неважно, где... Важно, что остался... Вы проникательны.

— Ну, дорогая, об этом нетрудно догадаться, если молодая мать с сыном, на ночь глядя, не знает, куда идти.— Она вдруг улыбнулась, и таким теплом повеяло от нее, что все недавние опасения Нафисы показались детскими и растаяли, как случайные снежинки в теплый день.— Поэтому пойдите со мной...— Она протянула Фирузу руку, в которую он вцепился, правда, не без колебаний, едва дождался незаметного кивка матери, и повела их к вечерним огням степного города.— У меня пустая квартира... Я одна...

— А дети?— спросила Нафиса.

— Есть и сыновья, и дочери... Уже большие, в разных местах живут... Свои семьи... Я — бабушка! Увидела тебя,— сказала директриса, непроизвольно перейдя на «ты»,— подумала, это средняя дочка с внуком... Вы с моим Пулатиком однолетки.— Она наклонилась к Фирузу: — А тебя как зовут?

— Фируз...

— Ох, как красиво! Наверно, мама любит родной кишлак?

— Любит... Там бабушка живет...— сказал Фируз.

— А я здесь живу... Ты запомнил, как меня зовут? Тетя Назира...

— Назила...— повторил, осваиваясь, Фируз, а Назира Юнусовна еще раз внимательно оглядела Нафису. Да, в первую минуту она приняла ее за свою Софию,

подумала, что та, взбалмошная, примчалась из Самарканда, чтобы навестить мать... Отпросилась на денек с работы. А ведь трудно — врач! Назира Юнусовна тогда и заволновалась и обрадовалась, прибавила шагу.

Но уже с полпути к этим приезжим, которых она сейчас вела к себе, увидела, что люди незнакомые. У молодой матери не только рост был выше, но и глаза другие — синие, как осколочки весеннего, еще не выгоревшего неба. Красавица! Это без труда видно было даже сейчас, по лицу, к которому отвратительно прикоснулась чья-то рука... У Софии глаза поуже и потемнее, не говоря уж о том, что веселее у нее глаза, слава богу... И одета приезжая была по-другому. Подол расшитого платья опускался до щиколоток, расшитый камзол, цветастая шаль, на ногах — красные сапожки... Такие яркие наряды несут женщины гор. По ним судя, оттуда, с гор спустилась Нафиса... По ним же судя, жила она в достатке, но за долгий свой век уже не раз убеждалась Назира Юнусовна, что не в этом счастье, совсем не в этом!

— А тебе нравятся горы? — спросила она Фируза.

— Там виноград ластет...

— Вкусный?

— Вкусный!

Назира Юнусовна остановилась и обвела рукой пространство вокруг, уже ставшее темным.

— Вот... ты сейчас и не видишь ничего, а тут будет виноградник... виноград, да еще какой!

— Ту-ут? — недоверчиво протянул маленький Фируз.

— Здесь, здесь, — повторила тетя Назира. — Вокруг нас.

— А откуда вы знаете?

— Я? — Недавно такая печальная Назира Юнусовна искренне рассмеялась. — Я знаю это, потому что сама сажала здесь виноград со своими школьниками... Вчера и позавчера... И раньше...

— О, — сказал Фируз, соображая, — так это долго ждать, пока он вырастет.

— Да, долго... — согласилась тетя Назира. — Но запомни этот вечер... Станешь большим и, кто знает, возможно, остановишься здесь, а тебя окружают высокие кусты винограда, и скажешь: это тетя Назира посади-

ла со своими ребятами... Меня вспомнишь!.. В каждом деле, большом и маленьком... в каждом дереве, в винограднике, в простом доме на улице, в мосту над рекой... продолжается чья-то жизнь!

Нафиса подивилась тому, как слушает Фируз, и подумала, что в немолодой женщине по привычке естественно заговорил педагог... А может быть, она повторяла слова какого-то дорогого ей человека, с таким чувством, с таким сердцем она говорила это! Поведай она о своих мыслях Назире Юнусовне, та, наверно, подтвердила бы, что в самом деле вспомнила сейчас своего мужа и повторяла его слова, но у них не настала еще минута откровенной беседы, и Нафиса промолчала...

Минута эта пришла после чая, который Назира Юнусовна скипятила в блестящем электрическом самоварчике. Он выглядел игрушечным и был таким уютным, что его так и хотелось назвать самоварчиком. Делала она все неторопливо и деликатно.

— Ты выпьешь зеленый чай? — спросила сначала.

— Да, конечно... Односельчане пьют зеленый чай... И дома любили... любят...

— Вот и хорошо... У меня как раз самый вкусный...

Фируз уже сладко спал в чужом доме, который не хотелось называть этим холодным словом, так здесь все согревало, что даже не верилось в это счастье... А они сидели в комнате, которая была и рабочим кабинетом хозяйки. Письменный стол, угол которого они облюбовали для укомной беседы, придвинув к нему два кресла, стоял у окна. Лампа с темно-зеленым абажуром осторожно освещала часть стола, занятую стопками ученических тетрадей. А верхний свет Назира Юнусовна потушила, чтобы он не мешал Фирузу, который, раздирая сонные глаза, с опаской смотрел, как она берет его на руки, чтобы унести от мамы.

— Нет-нет, я тебя никуда не унесу... будешь спать сегодня в этой комнате, здесь, где мама... Вот она тебя разденет, а я постелею на диване... И мы никуда не уйдем... Не бойся... Нам надо поговорить... тихонько будем говорить, шепотом...

Они, и правда, говорили шепотом, но о таких важных делах, о которых впору кричать мало, голоса не хватит.

— Ну,— сказала Назира Юнусовна, глядя на гостью и снова обращаясь к ней на «вы»,— вы молодая, а, похоже, испытали уже много... Бывает так, что жизнь не скупится на это смолоду... Если есть силы и желание, расскажите мне подробней, что с вами... почему... Это мне не только как директору надо... Я — мать, своих детей воспитала, все разлетелись... А сердце беспокоится, болит иной раз... Как они? Я постараюсь понять вас, Нафиса...

И Нафиса рассказала... Как училась, начала работать, вышла замуж... И как переломил ее дорогу Карим, словно палку о колено, как издевался над ней, находя удовольствие в том, что унижал ее достоинство...

— Такой он... злой?— спросила Назира Юнусовна.— Отчего все это?

Нафиса пожала плечами.

— Несчастье не бывает без причины... Конечно... Ну, какой он, мне рассказывать вам нечего, и так видно... А отчего это? От того, что я не любила его... Не по любви вышла... Он это чувствовал, а я и не скрывала... То есть старалась, но не могла... Он бесился...

— Жизнь без любви — горькая штука,— вздохнула Назира Юнусовна.

— Странные люди! Какие странные люди!— совсем тихо, на одном дыхании неожиданно воскликнула Нафиса.— Выдумали себе любовь! Наверно, для счастья. А не подумали, сколько несчастья связано с открытием, что никакой любви в жизни нет. Куда больше, чем радости от ее сжидания, от обмана! Вот и вы говорите... Вы — человек, каких я не встречала... Вас, Назира Юнусовна, как в старину сказали бы, аллах мне послал! Спасибо ему... Спасибо случаю... Я ведь в разных автобусах ехала целый день, пересаживалась, запуталась, уже не понимала, куда еду, и не знала, где слезла... Только поняла, что дальше ехать нельзя, скоро ночь... И тут — вы! Как мать... Правда, в вас что-то родное... Не улыбайтесь. Я честно говорю. В такие минуты люди не должны сочинять. И я не сочиняю... Вы — настоящая мать, больше, чем для своих детей... Большое у вас сердце... Умная вы... Зачем же и вы говорите: любовь! Когда я слышу это слово, у меня дрожь проходит от затылка до пят... Страшное слово!

Слушая ее, Назира Юнусовна прикрыла глаза, словно вспоминала что-то.

— Я любила мужа, — сказала она, когда Нафиса умолкла, задохнувшись. — Он был ирригатором... С молодых лет дарил людям воду, а с нею хлеб и тень... В молодости его оружием была лопата, а в последние годы тысячи мощных машин здесь, в Голодной степи, он большую должность занимал в «Главголодностепстрое»... Я сегодня сказала вашему Фирузу, что через несколько лет вокруг нашей школы зазеленеет буйный виноградник... И это не обман. Мы с Кадыром-ака — так звали моего мужа — переменили десятки мест, и всегда приезжали на пустое, а оставляли зеленое... А когда вдруг он сажал меня в машину и мчал куда-то, иногда ночью, чтобы утром быть уже на работе, я уж знала — привезет и спросит, счастливый: «Что это за место?» И будет смеяться, что я не узнаю! А я старалась подольше не узнавать, раз это его радовало, но чаще, и правда, не узнавала... Сады, фрукты... Назовет он старое название кишлака, где ничего, бывало, не увидишь под ногами, кроме ящерицы... А сейчас яблоки в траве валяются... Чудо! А ведь это он сделал, своими руками... Не один, конечно... Он и его друзья... Он любил фрукты... У меня всегда на столе была ваза с фруктами. Съесть сочное яблоко в жару! «Наше мороженое!» — говорил он, когда угощал детей. А это у него было любимое дело: нарвать яблок полный подол рубахи, выйти на улицу и раздать все детям... И яблоня он первыми сажал, куда бы мы ни приехали... Сколько садов он насадил!.. Так мы и жили всю жизнь, как кочевники... Тридцать два года... Занимались полезным, очень нужным людям делом и любили друг друга... Что же ты теперь хочешь, чтобы я разуверилась?

— Что вы! Как я могу? Простите меня! Но... но ваша любовь, в которой я не сомневаюсь... она... как бы это сказать... то самое исключение, подчеркивающее правило... На общем фоне виднее, какая это редкость... Простите, — повторила Нафиса. — У меня другая жизнь, все другое...

Она ничего не рассказала тете Назире об Азизе... Зачем? Разве этим изменишь что-нибудь? Неизвестно, где он, что с ним... Вот сейчас была в родном кишлаке, даже не спросила о нем... Такая жизнь, словно забы-

ла... Да и правда забыла! Не совсем, должно быть, раз
имя это пришло на ум... Забудется!

Деликатная тетя Назира задала несколько чисто де-
ловых, профессиональных вопросов:

— Значит, и учеба твоя сорвалась?

— Сорвалась.

— Сколько же ты училась?

— Три года... В пединституте... Заочно... Вот ког-
да я была счастливая!

— Ну-ну... Тебе еще рано говорить «была»!

— Тетя Назира!

— Учеба сорвалась, а дальше?

— Ищу работу...

— Будешь в нашей школе работать... Нам нужны
учителя, особенно в младшие классы. Степь осваивают
молодые... Много свадеб, много детей! Не все еще поте-
ряли веру в любовь! Смешная!

— Правда, вы возьмете меня?

— А учиться дальше будешь?

— Не знаю... Хватит ли сил. Вот найду жилье...

Назира Юнусовна покачала головой.

— Не надо... Жить будешь с Фирузом у меня. Мне,
признаюсь, тяжело одной... пусто... Дети редко выры-
ваются... Так что и я могла бы сказать, что тебя мне
послал аллах, если бы верила в него... Не могу одна!
Одна!

Слезы задрожали на ее ресницах, оказавшихся сла-
быми, видно, для таких крупных капель. Они сорва-
лись и покатались по щекам...

— Давно случилось... это? — спросила Нафиса.

— Два месяца... Инфаркт!

Нафиса взялась рукой за горло и помяла его. Что-то
хотелось сказать, не получилось... Трудно выдавилось:

— Спасибо вам. Тысячу раз...

А Назира Юнусовна улыбнулась, не вытирая слез.

— Не распускай нюни!.. Одежда у тебя легкая...
Напиши письмо мужу, пусть придет денег на зимнюю
одежду... Здесь, в степи, суровая зима, беспощад-
ная...

Нафиса внутренне содрогнулась от совета тети На-
зиры. Уходя от Карима, она твердо решила, что ей не
нужно ни вещей, ни денег от него, ничего не нужно.
Пусть сгинет он! Не станет она ему писать...

— Я взяла с собой свои, личные сбережения... Маленькие, но на зимнее пальто хватит!

— Эх, гордячка! — ласково сказала тетя Назира, вставая. — С одной стороны, это понятно и хорошо... Но с другой... За какие достоинства прощать ему все на свете и брать весь груз на себя? Разве это верно? Нет, милая... Не хотим мы связываться с подлецами, они и живут припеваючи иной раз. И снова истязают, других. Нет-нет... Я с этим не согласна! Бороться нужно со злом! Впрочем, я уже, кажется, наставляю... Это у меня школьный грех... Как-нибудь еще поговорим... А сейчас — в постель. Утро вечера мудренее.

Нафиса перенесла к себе Фируза после того, как вымылась в ванной перед сном. В центре Голодной степи была горячая вода и ванна в доме. А пока она купалась, тетя Назира принесла и повесила на дверь халат дочери, Софии, той самой, за которую приняла ее, увидев на тропе, между коротких и голых виноградных лоз... Пройдут годы, и лоза вытянется, закурчавится, и ягоды, в гроздьях засверкают всеми семью цветами солнца... Да, Нафиса вдруг поверила в это вместе с тетей Назирой...

А пока за окном, в свете уличного фонаря, висела густая пелена морозящего дождя... Поскрипывало окно от сильного ветра. Нафиса гладила головку спящего сына и думала о матери: чем она занята сейчас, горемычная? Плачет о ней...

А она лежит в чистой постели, прижав к себе сына. Не плачь, мамочка... Верно говорят в народе, свет не без добрых людей. Сейчас кажется, что на всем свете только и живут добрые люди...

Ночью ей приснился Карим. Приснилось, что он стоял в дверях и молча смеялся...

Глава шестая

ВСТРЕЧА

Вагон вздрогнул, как бы налетев на препятствие, по всему составу прошел торопливый перестук железных буферов, и от этого лязганья, прокатившегося под ним и затихающего вдали, Ахмаджан проснулся. Ну и спа-

лось, однако же, в поезде! Давно не помнит такого. Он свесил голову и посмотрел вниз... Укрывшись до самых глаз мягким верблюжьим одеялом, на нижней полке славно спала Дилдор. Нежность коснулась сердца Ахмаджана, и он улыбнулся. Пока жена лежит с закрытыми глазами, можно побаловать ее долгой и ласковой улыбкой...

Но который час? Не проехать бы! Ахмаджан протянул руку к своим часам, подвешенным к сетке узкой вагонной полочки над головой, отцепил их... Скоро половина десятого!

— Подъем!— закричал он, как в казарме.

Они были только вдвоем в купе. И ночью к ним никого не посадили. Может быть, мрачный старик-проводник постарался. А может, мало пассажиров, мало путешественников, мало охотников оставлять теплые дома в эту пору?

Стояла лютая зима на всем огромном просторе Мирзачуля. Ахмаджан отодвинул желтую вагонную занавеску, и снег засверкал, заискрился под утренним степным солнцем. Свет его, промытый и насыщенный снежной белизной, ударил в глаза, как ударяет ветер. Ахмаджан зажмурился и потряс головой.

— Где мы?— спросила за спиной Дилдор по-детски сонным и трогательным голосом.

— Пора вставать.— Ахмаджан присел на край ее полки.— Ну как, выспалась?

— Спасибо.— Она закинула голую руку и поправила растрепанные волосы.

— Скоро подъезжаем,— повторил он.

Дилдор набрала в себя побольше воздуха, прижала кулаки к груди, сказала: «Раз, два, три!»— и подпрыгнула. Натянув халат и накинув на шею полотенце, она побежала умываться, и пока ее не было, он задумался... Ну вот... Они почти приехали... Куда? В новую жизнь...

Последние месяцы в родном колхозе были такими трудными, что нарочно не придумаешь. Председатель лежал в больнице, Ахмаджана вызвали в райком и сказали, что есть мнение поручить ему, образованному, молодому, значит, деятельному, исполнению председательских обязанностей. Правление поддержало и благословило это мнение. Дела складывались так, что не

позавидуешь, никто не рвался к председательскому креслу, образно говоря, потому что Умар-ака вместо кресла держал обыкновенную табуретку за столом. Впрочем, не совсем обыкновенную, а сколоченную для его гигантской фигуры из брусков с железными уголками. Да другая и не выдержит, казалось, председательского груза, независимо от фигуры. Груза забот...

В райкоме сказали: «Будем помогать». А чем они могли помочь, когда с начала ноября зарядили дожди? Лило как из ведра, а хлопок был еще на кустах, мок на кустах...

Правда, нет худа без добра. В этих условиях все разговоры о позднем поливе хлопчатника на землях ахмаджановской бригады прекратились, весь хлопок был теперь под угрозой, повышенная влажность неизбежно возникла из-за дождей, никуда не денешься... Андижанская область — не пустыня, не Мирзачуль, тут такое бывает... Ахмаджан объявил рабочими праздничные дни, но дожди лили все три дня ноябрьских праздников. Хлопкоуборочные машины стояли без работы. Сдача хлопка прекратилась или, как обозначили бесстрастные карандаши на бумаге, дошла до 0,0 процента. Местные остряки по-своему над этим потешались. Их спрашивали:

— Как дела?

А они отвечали не без горечи:

— Два нуля!

Поездили по земле, видели, как обозначаются туалеты... Им можно было шутить. Настроение плохое, но не с них будут головы снимать...

Дождь не дождь, а кто за все отвечает в колхозе? Председатель! Ахмаджану сочувствовали — и словами, и взглядами. А он держался... Он верил... Во что? Это несерьезно, но зачем от себя самого скрывать? Он верил в свою счастливую звезду. Не могло же все время так продолжаться!

И однажды утром небо, очистившись за ночь не только от темноты, но и от туч, засияло. Установились ясные и холодные дни. Все же асфальт успевал нагреваться от солнца, и дороги превратились в сушилки. На асфальте сушили хлопок, а машины благоговейно сползали в стороны и пробивались по еще не высохшей грязи. Все от мала до велика вышли на уборку. И тут,

словно пропитавшись людским энтузиазмом, начали раскрываться созревшие на кустах коробочки, в которых хлопок был сухим...

Тронулись по хлопковым рядам «голубые корабли», дело спорилось. Еще несколько дней назад он ужасался, какая осенняя беда свалилась на него. За что? Если и прославишься, то не добром! А теперь...

И когда ожили давние документы и встал вопрос, справится ли молодой специалист с должностью директора хлопкового совхоза в Голодной степи, начальство не выбирало ответа, только пожалело, что приходится отгускать перспективного человека... Однако мыслило оно шире своих районных интересов, на то оно и большое начальство... Словом, проводили с почетом...

А дальше?

Он и сейчас не сомневался в своей звезде, однако его тревожили новые заботы, неизбежные осложнения и дали Мирзачуля... А Дилдор? Она радовалась, и он завидовал легкости, с которой она собралась и двинулась в путешествие. Девочка! С детства тянут ее незнакомые места, без любопытства нет живого человека. Ему тоже интересно, но чувство наступающей ответственности оттесняет любопытство...

А еще ее окрыляла надежда, что здесь он будет с ней чаще и больше, чем в колхозе. Ей, горожанке, пришлось окунуться в мир, непривычный не только окружением, вещами, но и непреложными законами жизни. Уборка, значит, все в поле, день и ночь! Один раз Ахмаджан застал ее в кишлачном дворе, засорившемся от нападавших листьев. Ему до сих пор слышится, как они грустно шуршали под ее ногами... Пусто было кругом... Даже старики и дети ушли из дома на хлопковые поля... А в другой раз он увидел, как она держит в руке виноградную гроздь, общипанную птицами... Так и не сорвала ее с лозы, оставила доклевывать горлицам и воробьям...

Случалось такое, что она оставалась ночевать в больнице, не только потому, что опасность требовала ее присутствия рядом с заболевшим человеком, но и потому, что не лежало сердце к пустому дому... А теперь, ей кажется, они так и будут все время вместе, как в этом вагонном купе...

Ахмаджан взял со столика чайник и вышел в кори-

дор. Из репродуктора бодро рвалась на волю утренняя песня... Старый проводник шаркал веником по ковровой дорожке.

— Чай вскипел? — спросил Ахмаджан.

— Дважды вскипел, дважды остыл, — проворчал проводник.

Ахмаджан расценил это как упрек людям, которые поздно встают, им с Дилдор в частности, и хотел извиниться, но проводник выпрямился и произнес возмущенно:

— Перевелись любители чая! Вечером пьют чего покрепче, утром чего прохладней. Можно внести предложение, чтобы в вагонах вместо титана ставили бачки с газводой! Кому нужен чай, для кого стараться?

— Вот я — любитель чая! — с улыбкой ответил Ахмаджан, приподняв свой чайник, и поспешил в конец вагона за кипятком.

Проводник зря пугал, что чай остыл. Из краника валил кипяток, чай отменно заварился. Ахмаджан получил сахар, а когда вернулся в купе, жена уже застелила столик свежей салфеткой, разложила холодное мясо, пирожки, лепешки, а сама ждала его одетая и причесанная.

— По-моему, — сказал Ахмаджан, завтракая, — ты не жалеешь, что мы рискнули махнуть сюда?

Дилдор улыбнулась сдержанно, ямочка на ее щеке чуть обозначилась.

— Я понимаю, как непросто оставить дом, родных... Но разве обязательно сидеть на одном месте, как пригвожденные? Мир велик...

— Да, увидишь, какие просторы рядом с нами, рядом с домом, по существу... Ведь Мирзачуль недалеко от обжитых мест, а полупустыня! Безводье... Ну, сейчас-то вода в нем есть, однако... все заново! Не боишься?

— Нет... И потом...

— Что?

— Вы хотели... А я...

— Ну-ну! Ты уж не принижай себя так, мы не в допотопном ханстве живем, и эти старинные привычки... Хорошо бы жен держать в покорности и страхе, чтобы на них глазом никто не мог взглянуть! — Жуж,

он помахал над головой кулаком.— Но... такие радости, как говорится, не про нашу честь... А если серьезно... Как тебя успели полюбить в колхозе! Как проводжали!

Действительно, проводить Дилдор собрались не только бывшие больные, как она их называла, «мои больные», но и сестры, коллеги, больничный шофер, и сыновья Умара-ака, и еще кто-то... Даже сейчас, вспоминая, Ахмаджан испытал вовсе не только радость... но и какое-то чувство, похожее на зависть и досадную ревность, конечно... Он промолчал об этом, не стоило портить настроения ни ей, ни себе...

А Дилдор рассуждала вслух:

— Вам, наверно, тяжелее, чем мне... Мать, отец, сестры... Знакомые... Люди к вам привязаны куда больше, чем ко мне!.. Сад, своими руками посаженный... Мой дедушка все деревья знает и бережет, как детей... Правда, он всю жизнь провел в Кибрае... Как вы оторвались от родного места?

Ахмаджан вытер губы и развел руками.

— Долг! Так же, как в армии служить... У нас в кишлаке мужчины даже не женятся, пока не отслужат... Только после армии!

— И девушки ждут?

— А что им остается?

— Бедняжки!

— Ну, эти бедняжки находят себе утехи!

Улыбка еще не сошла с лица Дилдор, но в глазах появилась настороженность, они потемнели, словно поезд въехал в туннель.

— Это шутка!— поспешил покаяться Ахмаджан.— Не очень удачная мужская шутка! Прости великодушно!

Он приложил ладонь к сердцу и склонил голову, так ему было жаль, что он не сдержался и может испортить настроение жены.

— Допустим,— сухо сказала Дилдор, отламывая кусочек пирожка.

— Граждане! Не теряйте чувства юмора! А то...

Ахмаджан не успел договорить, дверь распахнулась, и проводник объявил:

— Подъезжаем к Гулистану.

— Вот как,— сказал Ахмаджан, поспешно собира-

ясь.— Голодная степь, а столица называется — Страна цветов!

— Вероятно, Голодную степь первыми осваивали поэты,— отозвалась Дилдор, упаковывая поклажу.

— На Востоке все поэты! Прошу запомнить.

— Хорошо. Жду, когда и вы заговорите стихами, хотя не теряю чувства юмора.

Ахмаджан связал тяжелую сумку с чемоданом, перекинул их через плечо и вздохнул:

— Ну, пока остается надеяться, что и здесь, несмотря на все ожидаемые и непредвиденные сложности, тяготы и так далее, они будут соседствовать с радостями так на так. Учили же нас старики, что каждый месяц состоит из двух половин. И если одна — темная, то другая — светлая. Поверим, что это не шутка!

— Интересно, найдется ли такси на станции?— озабоченно спросила Дилдор.

— Ты хватаешь через край!— засмеялся Ахмаджан.— Лучше не настраивать себя на это. Полюбуйся, чем я не такси?

У них здесь не было знакомых, они никого не знали о своем приезде и не ждали встречи и помощи в первые минуты. Два косильщика на перроне, предложившие свои услуги, показались Ахмаджану нереальными. А может быть, сумка и чемодан так удобно прижались к плечу с обеих сторон, что он поленился стаскивать их.

Решетчатые двери нового железнодорожного вокзала вывели на просторную площадь. С краю ее стояли сразу три бледно-зеленых новых «Волги». С шашечками.

— Вон такси!— воскликнула Дилдор.

— Ну, а ты уж думала, что мы действительно приехали на край света?— покровительственно спросил Ахмаджан.

Только что Дилдор втихомолку ругала себя, а не легкомысленно ли она поступила, не подумав о быте, не запасшись необходимыми покупками, ведь это входило в круг ее забот, но теперь у нее отлегло от сердца, потому что за окнами такси текла улица многолюдного города, соблазняя богатыми витринами магазинов. Если бы на чинарах и акациях не лежал снег, такой щедрый, что ветки гнулись под его тяжестью, можно

бы подумать, что они приехали в Ташкент и едут по центру... Ну, если и не в Ташкент, то в какой-то большой современный город...

Водитель-кореец, низкорослый крепыш, внимательно гнал машину, после того как Ахмаджан коротко и, пожалуй, чересчур подчеркнуто сказал ему:

— К обкому партии.

Он молчал, весь, казалось, поглощенный движением, но когда вдали, на широкой площади, очищенной от снега, показался памятник Ленину, вдруг сказал:

— Знаете, кто послал первых ирригаторов в Голодную степь? Ленин. Да, да... В восемнадцатом году! Гражданская шла, вокруг — разруха, а он собрал храбрецов... Ведите воду в Мирзачуль для хлопководства! Пятьдесят миллионов рублей выделили им на это... А?!

Парень восторгался и тем, что знал это, и тем, что рассказывал новичкам.

— Да, да,— сказал Ахмаджан.— Я сам читал, не помню где...

— А я никогда не слышала,— тут же прибавила Дилдор.— Спасибо.

Подъехали к большому зданию на площади и встали с краю в длинной шеренге автомобилей перед бетонными стенами.

— Будешь здесь ждать или — в гостиницу? — спросил Ахмаджан, выходя.

— Лучше здесь... В машине тепло...

Ахмаджану польстило, что жена волновалась за него, не хотела уезжать. Он глянул на часы.

— Не опоздали. Как раз. Ну что ж... Кадровые вопросы обычно ставят на бюро первыми... — И обратился к водителю: — Дорогой мой, возможно, мы поедем отсюда в совхоз.

— Какой?

— Еще не знаю.

— Новые совхозы далеко. Не меньше ста километров.

— Тем более, не пешком же добираться!.. Ведь сейчас не восемнадцатый год!

Они оба улыгнулись, парень откинулся на спинку сиденья и уткнулся в книгу.

В машине было в самом деле тепло. Мотор мягко

урчал, и нагретый воздух тек и слева, и справа... Дилдор развязала шаль, расстегнула пальто и глянула на тяжелый грузовик, который тоже подкатил сюда, к строю ладных и лакированных автомашин. Из грузовика как-то спиной, неуклюже вылез, будто вывалился, непоротливый мужчина, и в этой его нескладности, неловкости почувствовалось что-то знакомое. Но она и гадать не стала, мало ли на свете увальней! Однако продолжала наблюдать за ним.

Мужчина был одет в тяжелое пальто с меховым воротником и большую шапку-ушанку, прямо не житель Мирзачуля, а какой-то полярный исследователь. Только и в наряде его замечалась несуразность: шапка и воротник были разномастные, одна — серая, другой — рыжий. «А ему все равно,— подумала за него Дилдор,— тепло, и ладно!» В этом было даже что-то симпатичное...

Точно почувствовав ее взгляд, мужчина оглянулся, и она тотчас узнала его. Какую-то минуту она сомневалась, да он ли это, но вспомнила, что ведь он рассказывал про Мирзачуль, куда уехал работать из родного кишлака, быстро открыла дверцу и крикнула:

— Азиз-ака!

Он замер, как от выстрела. И медленно повернулся. И пошел к ней, расплываясь. Еще не видя, откуда его позвали, он крикнул:

— Дилдор! Где вы?

И стал на ходу нелепо озираться по сторонам.

Он узнал ее по голосу. И она помогла ему:

— Здесь, здесь!

Видно, это большая радость — встретить знакомого в глубине Голодной степи, все же, так сказать, на краю света, и она искренне радовалась... А он уже подошел.

— Дилдор? Это вы? Я не ошибся? Похудели... — И спохватился, что сказал что-то не то. — Извините за откровенность... Каким ветром вас занесло сюда, к нам?

— Степным.

Он скользнул глазами по уличным часам и затоптался.

— Вы что-то хотели мне сказать, Азиз-ака?

— Нет-нет.

— Тогда я скажу за вас. Вы приехали в обком...

- Да, на бюро...
- И очень спешите,
- Да... Уже опаздываю.
- Так идите.
- А вы не уедете?
- Наверно, нет. Постараюсь.
- А где Ахмаджан? Догадываюсь, что он уже не бюро. Вы перекочевали.
- Перекочевываем, — поправила Дилдор. — Может быть... — начала она и остановилась.
- Что?

Ей хотелось сказать, что Азиз, как друг и старожил Мирзачуля, может быть, на первых порах поможет им, новым людям, хотя бы советом, но, вспомнив, как ревнив Ахмаджан, она и не договорила.

- Идите, идите, Азиз-ака. Нехорошо опаздывать.
- Рад был увидеть вас, Дилдор. И Ахмаджана хотел бы...
- Бы с ним на бюро увидите! Как земляки!
- Ах, да!

И он ушел, а Дилдор принялась думать о поликлинике, о больнице, упрекая себя, что беспокоится о муже, как будто у нее самой все уже организовано, все сделано. Между тем, быть врачом в новом совхозе — не пустяк. Люди из разных мест, часто и говорящие на разных языках; она слышала, что совхозы — многонациональные семьи, старики обязательно будут, старики теперь стали непоседами, а дети — дети радостная неизбежность...

«А где ты, мой маленький? — вдруг подумала она. — Я тебя заждалась... А кого я хотела бы — сына или дочку? Пусть первым будет сын... На радость Ахмаджану...»

И не заметила, как из стеклянных дверей обкома вышел Ахмаджан и торопливо подошел, почти подбежал к машине.

- Можешь поздравить. Перед тобой — директор 83-го совхоза!
- Утвердили?

Он кивнул. И, видя, как муж сияет, она порадовалась за него. И погордилась — такой молодой, а уже директор гигантского совхоза!

- Да, — вспомнила она, — а видели вы Азиза?

— Видел, видел...— Ахмаджан сел в машину и хлопнул дверцей.— Поехали!

— Не подождем его?

— А зачем?

Шофер, делая вид, что не прислушивается к их разговору, бросил в снег сигарету, тронул машину, описал плавное кольцо по площади и надал газу.

— Смешной он все же, этот Азиз-ака!— вырвалось у Дилдор.

— Его утвердили директором 32-го совхоза... Районы разные, но все равно — соседи!— Ахмаджан повернулся к ней всем корпусом и фыркнул сквозь усмешку, которая не выглядела добродушной, как он ни старался:— Радуйся! Первая неожиданность и — такая приятная!

Глава седьмая

ЗИМНИМ УТРОМ

Несколько дней назад Азизу и мысли в голову не приходило о такой крутой перемене в жизни. Скажи ему кто-нибудь об этом, он отмахнулся бы, приняв все за шутку, в лучшем случае. Он директор совхоза? Да бросьте вы!.. Он возглавлял бригаду, которая «владела», как сказал бы в старину какой-нибудь бай, земель необозримой! Не оглядишь сразу, не обойдешь за день, даже не объедешь, если, конечно, на верблюде ехать. Но сейчас тут не отыщешь верблюда. Редкость! Ишаки перевелись... Машины, машины, машины... На хлопковых полях — комбайны, «голубые корабли», как их когда-то называли в народе. А теперь это название прижилось, утвердилось, стало почти техническим термином. Можно запросто услышать на директорском совещании, как какой-нибудь бригадир озабоченно пожалуется:

— Вот «голубых кораблей» у меня маловато! Хлопок такой, что еще бы штук пять-шесть не мешало подбросить, товарищ директор!

— Откуда я их возьму?

— Так ведь не за морями за горами их делают! Здесь, у нас, в Ташкенте!

И это вы будете теперь директором, Азиз Латипов? Не быстро ли?

До сих пор его вполне устраивало неторопливое течение событий.

Урожай снимали высокие, бригада получила орден Красного Знамени, он радовался — славная награда, и сразу всем. У него в бригаде все люди работали хорошо, честно, не жалея сил... Он не мог бы выделить лучших... И в этом видел свой, несколько, может быть, парадоксальный, но прекрасный смысл — отстающих не было! С отстающими тут, в степи, беда! Один отстающий — и всей бригаде каюк. Земля, земля велика! По десять-двадцать гектаров на душу, на человека, вот какое богатство, не каждому баю могло присниться оно!

И, уж конечно, не под силу было бы баям такой землей командовать! Нынешним хозяевам пришли на помощь машины. Вот вам еще один парадокс: Мирзачуль, Голодная степь, символизирующая безводье и сушь, еще недавно бесплодная реальность, теперь скорее символизирует будущее. Она словно экран, растянутый во все края до самого небосклона. Особый экран. Экран будущего бесконечных пустынь, которые из космоса смотрятся, наверно, как лысины на зеленом теле нашей благодатной планеты. И вот Мирзачуль уже не лысина с белыми далями, потому что даже желтая земля здесь выгорала добела. Хлопок, сады, виноградники одели ее, недавнюю, на памяти еще не очень старых людей, действительно голодную землю, Голодную степь. Недаром приезжают в Мирзачуль иностранные гости — смотреть и поражаться. Приезжают с мыслями о своих пустынях...

Да, тут есть на что посмотреть! Да, она как экран, мирзачульская земля. Человек, вода, бетон, машины, зелень... Вот основные слагаемые картины, возникающей на этом экране. Вода бежит по каналам, голубеющим широкими жилами в некогда желтой, а теперь зеленой земной плоти... Из каналов она растекается, ветвась, как ветвятся кровеносные сосуды, дарящие жизнь... Но, растекаясь, вода не проваливается в бездонные всепоглощающие пески, не исчезает... Потому что растекается она и ветвится по бетонным лоткам... Наверно, тысячи километров этих водоносных жил и

жилок сложены из бетонных лотков. Руками их не уложишь — есть бетоноукладчики. Роботы — хоботы...

Сколько машин переселилось в степь и получило в ней постоянную прописку — от испытанных, правда, очень модных, приукрасившихся, с обтекаемыми мордами грузовиков, тягачей-работяг и тарных тележек до «голубых кораблей» и самолетов над хлопковыми полями... Еще бы! Такие неоглядные поля! Попробуй, обойдись без самолетов — подкорми, освободи от листьев перед тем, как пустить корабли в плавание не по обычному полю, а по морю, ставшему из зеленого белым! По океану!

В этом то зеленом, то белом океане прочными островами видны бригадные штабы — полевые станы. Стоят над водой или у воды, среди роз, да-да, роз, не улыбайтесь, где под солнцем есть земля и вода, там цветут и розы, стоят они среди роз и виноградников, ибо там, где роза растет, там и виноград родит, в лучших полевых станах и о чайхане не забыли, и о читальне... Изредка, потому что земли много, встречаются не только бригадные станы... Ровными рядами, в зелени садов и тополей, протянулись дома. Тоже из бетона, тут все из него строится быстро и прочно, заборы — из бетона, электрические столбы — из бетона, леса здесь не растут. Дома с гаражами, с газом, который спешит сюда по трубам из соседних бухарских подземных кладовых, с телевизионными антеннами, дружно поднятыми в небо степными поселками...

Да, вода, машины, бетон... А вырыл каналы и привел по ним воду в Мирзачуль, а сделал бетон и соорудил из него лотки и дома, а придумал машины и перегнал их в степные дали — человек. Вода, машины, бетон, зелень — это краски, а человек — главный художник картины, возникающей сегодня перед глазами на экране Мирзачуля.

И ты будешь командовать куском этой земли, Азиз? Не командовать, а дружить с ней, любить ее — это ты можешь... А командовать?

У тебя же были свои мысли, свои планы по поводу научных экспериментов. И вдруг!

Это, действительно, случилось вдруг.

Зимним утром он нежился в теплой постели, слушая, как за стеной, в кухне, тарыхтит посудой, возится

мать. В газовой духовке она научилась печь пирожки и лепешки. Сейчас месит тесто... Он угадывал ее движения и грустно улыбался... Все как будто бы хорошо, а тяжело с ним матери! Никак не дожидается радости и... отдыха! Ей не было легко — никогда... Ранняя разлука с любимым, его отцом... Разлука, делящая до сих пор... Растила и воспитывала сына, не очень послушного и невезучего... Его ровесники давным-давно переженались, сделали своих матерей бабушками, дали в руки им внуков и счастливые улыбки на лица... Как естественно и приятно! А тетушка Нигор, его мать, все с кастрюльками, с пирожками для стареющего сына... С утра до вечера она в хлопотах, в бессловесных заботах мать!

Он проснулся рано, но еще накануне она забеспокоилась, что он простужен, заставила принять горячую ванну, упростила на ночь выпить аспирин, уложила, закутала... А наутро, едва он попытался встать, опять отругала и уложила в постель... Он уступил ей, чтобы не тревожить. Спешить было некуда...

А в Мирзачуле крепко держалась зима, уцепившись за землю, за крыши домов, за деревья... Земля ломко рассыпалась под подошвами. Черепица покрылась инеем, как ватой. Ветки молодых яблонь с хрустом ломались от мороза.

Всю ночь бушевал буран, и ветер голодным волком метался и выл над степью. За окном все не таяла заледевшая тьма, хотя часы давно уже показывали утро.

Пока мать готовила его любимые хрустящие лепешки, Азиз раскрыл книгу. Это была повесть о первых колхозах на Дону, о нелегкой судьбе рабочего парня, приехавшего открывать глаза бедным казакам... Непростые были времена! Конечно, теперь совсем другие трудности, но вот личная жизнь героя... Его любовь, его разлад с любимой... Все это касалось сердца, как сегодняшнее и вечное... Неужели людям всегда так трудно будет понять друг друга? Где ты, Нафиса?

Азиз оторвался от книги и поднял голову. Ветер взревел, будто собирался растряссти всю вселенную. Даже бетонная стена дома показалась хрупкой...

И все же сквозь этот ветер до ушей донесся шум натруженного автомобильного мотора. Азиз прислушался. Ничего, кроме ветра... Наверно, показалось...

Нафиса, Нафиса... Текут годы, а я не могу забыть тебя, не могу о тебе не вспоминать, не думать... Что это? Любовь не проходит или обида? Но разве не обидно, если жизнь одарила такой большой, единственной любовью, а Нафиса ушла к другому. Почему? Из-за чего? Не могла она любить другого! Она ведь даже не знала толком этого Карима из Шахрестака! А ушла! Для чего же люди строят дороги, роют каналы, возделывают поля на бывших пустынных землях, если счастье зависит от одного неверного шага любимой женщины?

А почему — неверного?

Что ты боишься сказать себе, Азиз?

Потому что Нафиса оказалась неверной?

Не любила? А за что ей было любить тебя? Пора спросить и ответить. В кино бы тебя не взяли сниматься на роль героя. Не красавец, нет, ростом не вышел, скорее — бык, чем конь. По округлым щекам — рябинки. Надо было вырасти стройней и выше и оспой не болеть в детстве, тогда бы можно и обижаться! Такой искренней и ребяческой была эта жалоба, что Азиз вслух рассмеялся. И оборвал смех. И снова прислушался...

Вот теперь ясно стало, что сквозь буран пробивалась машина. Кому-то надо было доехать до поселка. Азиз невольно пожалел этих людей и шофера, которому сейчас было совсем несладко, хуже всех. Он вскочил, накинул на себя халат и подошел к окну. Ветер не дал стеклу замерзнуть, и улица, прямая, как линейка, была хорошо видна.

Машина, специально созданная конструкторами для людей, у которых не существует слова «нет», раз надо, именуемая за всю проходимость когда-то, в старину, «козлом», а сейчас получившая фирменную марку «Газ-69» и ласково зовущаяся всюду «газиком», съехала с большой дороги как раз на ту улицу, где стоял дом Азиза, и, разгребая снег, стала пробираться к нему. Белые вихри полетели из-под ее колес.

Азиз, как ребенок, крикнул:

— Мама!

И ринулся к дверям.

Раз «газик» — значит, степное начальство. Раз свернули в эту улицу, значит, к нему, к бригадиру.

Он поспешно оделся, и в это время зашла мать и спросила :

— Встал, сынок? Там — к тебе...

Азиз напялил свою ушанку, эдакий охотничий ма-лахай, и вышел на обветренное крыльцо.

«Газик» приткнулся к самым воротам, а во двор уже входил рослый человек, в теплой куртке, с большим пухлым шарфом на шее, по этому шарфу Азиз скорее всего и сообразил, что к нему приехал первый секретарь райкома Нормат-ака Хасанов, хотя поверить в это еще не мог. Почему к нему? Зачем?

Эти вопросы он задавал себе уже на ходу, спеша к калитке, навстречу приезжему.

— Здравствуйте, Нормат-ака!

— Здравствуй. Что это рука горячая? Уж не бо-лен ли?

— Нет, только что из постели. А так — здоров. И телом, и духом.

— Отлично. Извини, что поднял.

— Да что вы! — смутился Азиз. — Пожалуйста. Я позволил себе...

— ...ради выходного дня, — договорил за него Нормат-ака.

Азиз кивнул, вспомнив, что был действительно вы-ходной. И еще больше удивился приезду Нормата-ака. А он спрашивал:

— Пожевать что-нибудь найдется для раннего пут-ника? Я еще не завтракал!

Азиз заулыбался:

— Шофера за стол позвать?

— А я сам себе и шофер, — засмеялся Нормат-ака. — Ведь выходной!

— Да, да... — Теперь уж Азиз и вовсе ничего не мог понять, напрасно гадая, что могло заставить секретаря райкома в такую непогоду, в выходной день, самого сесть за руль и приехать, и только приглашал: — Про-ходите, Нормат-ака... Есть и свежие лепешки, и сам-са... У нас в кишлаке про такое говорят: наверное, те-ща любит вас!

— Какая там теща в мои годы! — отозвался Нормат-ака и затопал валенками по ступеням крыльца, обивая снег. — О теще тебе надо беспокоиться! — Он продолжал топать и в прихожей, с аппетитом втягивая

в себя перченый запах пирожков — самсы.— Тапки-шлепанцы есть? Нога большая!

Весь он был большой, но не громоздкий, решительно ловкий, быстрый и веселый, казалось, дышал здоровьем, а сел на табурет, чтобы снять валенки, и пожаловался:

— Проклятая болезнь — ревматизм! Пристала навсегда! Не отстает, как собственная тень... Куда я, туда и она!

— Давно это у вас?

— Память с Фархадской ГЭС.

— Вы строили ее?

— А как же! Строил и еле вырвался на фронт, испугался, что без меня кончится война, а как потом людям в глаза глядеть, как объяснить, что наша ГЭС тоже войной была — за победу, за Мирзачуль, за жизнь? Сейчас я это лучше понимаю, а тогда рвался... И успел! Где мать? — вдруг спросил он.

— Сейчас... Прошу руки сполоснуть, Нормат Хасанович... Сюда! Вот свежее полотенце...

Нормат-ака с удовольствием вымыл руки и, согнувшись, вошел в комнату, могучим движением толкнув перед собой дверь.

— Дома должны строить выше, шире, двери — больше, мы ведь не лилипуты какие-нибудь! — сказал он при этом. — А-ха-ха!

В каждой шутке, как известно, есть доля правды, и Азиз улыбнулся.

— Жаль, что строители не слышат. Не мешало бы им учесть!

Они сели за стол, и мать вошла из кухни с полным блюдом горячих слоеных пирожков.

Она была в новом фартуке, смущенно и душевно улыбалась гостю.

— Это наш секретарь, мама, — представил его Азиз.

— С приездом... — приветствовала гостя мать.

— Здравствуйте, Нигорхон, — ответил Нормат-ака, привставая.

Мать неподдельно удивилась, что он назвал ее по имени, а он спросил:

— Не припоминаете меня? Ну-ну, смотрите! Много лет прошло, правда. Трудно узнать!

Мать, вглядываясь, мелко потрясла из стороны в сторону головой.

Нормат-ака как бы для убедительности, а скорее невольно, потыкал себя в грудь крепким пальцем:

— Я был дружкой жениха... На вашей свадьбе... Когда Латифхан женился на вас!

— А-а!— только и вырвалось у матери, и так она и застыла с открытым ртом.

— Да-да, — смеялся Нормат-ака, — давненько это было, трудно меня узнать, а вас-то я узнал сразу... Вы не такая молодая, но такая же красивая! Ох, как мы тогда гуляли! Давно уж я думал, что это вы... Да все не мог вырваться, то одно, то другое... Люди, люди! Наметил на сегодня — буран! Но я уж поехал.

— Спасибо, — сказала мать, осторожно присаживаясь к столу.

Сколько воспоминаний ожило — не скажешь!

И стало ясно, зачем приехал Нормат-ака.

Макая в виноградный укус пирожки, он с удовольствием съел три-четыре штуки и принялся за чай.

— Значит, приехали проведать?— радовалась мать.— Спасибо.

— Не благодарите!— шутливо нахмурился Нормат-ака.— Приехал отругать вас. Единственного сына никак не жените! Что вы за мать? Нужно подыскать ему невесту!

— Так он и послушался!— сказала мать.— Это вы завели новый порядок... чтобы сам себе искал невесту джигит!

— Кто мы?

— Райком!

Ого! Мать умела обороняться и поддерживать с достоинством хоть и шутливый, но нелегкий разговор — у него была своя глубина, своя тяжесть.

— Райком?— переспросил Нормат-ака.— Ну, придется мне на пленуме поставить вопрос о невесте для вашего сына!

— Замечательно!— сказала мать.— Хоть поможете мне! Помогайте...

Она перестала улыбаться и задумалась в тишине, потому что ни гость, ни молодой хозяин не ели и не разговаривали, пока мать думала.

— Наверно, так я и не дождусь, — сказала она.

— Ты почему лишил мать надежды? — спросил Нормат-ака, и в голосе его послышалась строгость. — В чем дело?

— Судьба.

— Пустое! — вскинув руку, воскликнул Нормат-ака. — Вспомни, что сказал о судьбе Гафур Гулям! «Человек создает свою судьбу своими руками». Напиши и повесь на стенку, да место выбери повиднее... А я буду всем говорить, что у нас в районе живет еще непобежденный богатырь. Ученая степень имеется, а невесты нет!

Нормат-ака опять вернулся к шутке. В этой манере он еще пожурил Азиза, и чем больше журил, тем явственней слышалось, что он беспокоится о сыне друга с неподдельной заботой и любовью.

— Придется учесть, что сам секретарь райкома приезжал, чтобы напомнить мне о женитьбе, — сказал Азиз.

— Это еще не все! — сказал Нормат-ака, и опять стало загадкой, зачем же он пожаловал сквозь бурю, полный снежного воя.

— Так что же? — спросил Азиз. — Что же, Нормат-ака? Задание какое-нибудь? Говорите!

— Есть задание... Нужно одеться потеплее и сесть за руль. Меня после сытной еды что-то в сон клонит. Мы поедем в глубь Мирзачуля!

— На охоту? — удивилась мать. — В этот мороз?

— Да, на охоту! — подхватил Нормат-ака. — Будет большая охота!

Потеплее так потеплее.

Азиз влез в ватные брюки, телогрейку, меховые сапоги... Нормат-ака уступил ему место за рулем.

— Помолже... Садись... Дорога будет трудная...

Кажется, Азиз уже начал понимать. В глубь Мирзачуля врезались новые дороги и новые поля... Новые поселки врывались в глубь Мирзачуля многокаютными кораблями. «Главголодностепстрой» не знал передышки и зимою, чтобы покорители целины встречали весну в боевой готовности, чтобы они ждали ее, а не она их! Какая же роль будет предложена на этот раз ему, Азизу?

Он не спрашивал. Все его внимание теперь было отдано дороге. Асфальт давно кончился, машина вздра-

гивала от ударов о камни и качалась на ухабах, выносливо одолевая зимние километры.

— Сколько проехали?— спросил Нормат-ака.

Азиз глянул на спидометр.

— Останови,— велел Нормат-ака и первым вылез из «газика».

Буран утих, открыв барханы, занесенные снегом.

Потянувшись, чтобы распрямить кости, Нормат-ака заслони́л глаза от солнца, не замедлившего показаться в разрывах туч, и обвел взором землю. Белые волны уходили к горизонту, а там, за горизонтом, была уже ровная бесконечная белизна. Нормат-ака прошелся широким и властным шагом, промеряя или пробуя ее на прочность.

— Это поля 32-го совхоза! Слева и справа раскинется по шесть тысяч га плодородных полей, а между ними — шоссе!— И он взмахнул рукой, рассекая воздух и показывая дорогу там, где еще не было ничего, кроме снега да нескольких коряг сухого саксаула.

— Тридцать второго?— спросил Азиз.— Не слышал что-то такого у нас в районе... До сих пор, по моему, кончалось тридцать первым.

— Мало ли чего ты еще не слышал за свою короткую жизнь!— засмеялся Нормат-ака.— Услышишь и не такое!— Он подошел и положил руку на плечо Азиза:— Тридцать второго, сынок. И поручить его организацию райком решил тебе. А я... могу добавить, что я тебя рекомендовал, потому что я тебе верю.

— Спасибо... Постараюсь оправдать...

— Ну вот... Иного ответа я и не ждал от тебя... Чего задумался, джигит? Чего ты очи долу опустил, как поют в русских песнях?

— Не администратор я.— Азиз улыбнулся.— Кричать вовсе не могу! Еще не знаю, как получится с народом...

— А кто тебе сказал, что надо кричать? Сегодняшний народ на крик реагирует только отрицательно. Очень хорошо, что не умеешь! Надо доказать — есть другие способы. Ты же бригадир, сам знаешь.

— Я больше поощрял, чем наказывал.

— У народа надо учиться,— договорил Нормат-ака.— Я у него учусь.

— Учиться я всю жизнь готов, — сквозь улыбку продолжал Азиз. — Например, у вас...

— Советуйся, — ответил ему Нормат-ака серьезно и озабоченно. — С первых шагов... С подбора кадров... Присматривайся, узнавай людей... Они все разные, много не откроешь, как хороший замок, пока не подберешь ключи! Все разные! Пять пальцев на руке — и то разные, чего тут удивляться!

Они возвращались к машине по снежным комьям.

— Ну, а что вытащил тебя сюда — под снег и ветер, не сердись. У меня традиция — привозить директора на пустое поле, чтобы начинал, так сказать, с нуля и лучше видел, чего достиг! Будет трудно, чего хитрить... Вон там, дальше, другой район, тридцать третий совхоз. Его поселок уже почти построили... Почти... А твой строят... Наш район посolidнее возрастом, я не стал обижать младшего брата, высказывать претензии... Будешь помогать строителям, сам руководить стройкой... Может, это консервативней, но лучше? — Нормат-ака озабоченно, то ли чтобы легче дышалось, то ли из-за ревматических ног, уставших спотыкаться, и расхохотался — вышло громко в морозном воздухе, точно каждый звук отражался этим воздухом, как стеклом. — Постарайся быстрее наладить быт! Обидно, когда большому делу мешают мелочи... А они так мешают! Поезд сходит с рельсов из-за песка. Знаешь это? Люди нервничают, а то и срываются с необжитых мест! Значит что? Не делай временных трудностей постоянными. Ни в коем случае!.. И люди полюбят эту землю... Она ведь не мачеха, а мать! И красивая... Да, да... Красота и поэзия... Сейчас не видно, а весной! Тюльпаны! Озера! Да, и озера! И как их народ назвал? Лунное! Зеркальное! Чувствуешь? Они высыхают летом, но народ всегда верил в эту землю, потому что любил ее. А какая охота! Мы с твоим отцом спускались, бывало, с гор и охотились здесь на кийиков!

Видно, по лицу Азиза его седой собеседник понял, как волнует слушателя всякое слово об отце, и уже в машине, когда поехали к будущему поселку посмотреть и проверить, что там и как, снова сказал:

— Мы ведь с твоим отцом и на фронте встречались. В той части, откуда он писал, было много узбеков, и я попросился туда, по номеру полевой почты. Меня по-

Слали, дело уже к победе шло, даже на войне считались с людьми. И мы увиделись с Латифханом. Он был в разведроте танковой части. Какой-то мудрый командир раскрыл его талант! Разведчик он был, разведчик! Зоркий глаз, бесстрашное сердце, сметка! Словом, охотник, редкий охотник! В самых сложных условиях, если надо, приводил «языка». А однажды не вернулся... Война, дорогой мой... «Больше жизни Родину мы любим, бережем, как ласковую мать...» В дни войны люди доказали это на деле... И победили... Ну, выше голову, Азиз! Вот теперь ты тоже будешь разведчиком в глубинах Мирзачуля!

— А вы в разведке были, вместе с отцом?

— Да... Похвастаю... Во фронтовой газете однажды появились статья и фото, где мы втроем — Латифхан, дружок наш Леня Панков и я.

— Фото?

— Да... А что?

— Я никогда не видел отца!

— Как?

— Так... Не было фотографий... Нет.

— Ну... — Нормат-ака заерзал на своем сиденье. — Ну, я все ящики перерою в своем столе, половицы, если надо, подниму, а найду эту газету! Как же так! Завтра бюро обкома в Гулистане. Ты будешь. И я туда привезу. Найду! Я ведь ее берег, только не помню, где храню, лет-то, лет сколько прошло! Ты на него похож! Копия!

Нормат-ака сдержал слово, нашел и привез газету. С пожелтевшими от времени, осыпавшимися углами. Азиз и задержался после бюро, не выбежав сразу на площадь, где Дилдор ждала в такси Ахмаджана, потому что сел в конце обкомовского коридора у торшера и выкурил не помнит сколько сигарет подряд, глядя на снимок в газете. Отпечаток был бледный, а может быть, время обесцветило его, но одно поражало: если бы сказал кто-нибудь Азизу, что это он сам надел гимнастерку и стоит с друзьями, он бы поверил... Ни с кем не поменялся бы своей внешностью, ни с каким красавцем! Это было лицо отца, плечи отца, глаза отца...

Когда он вышел из здания обкома и оглядел зимнюю площадь, на ней уже не было так много машин. Не было среди них и светло-зеленого такси с шашечками...

Глава восьмая

МОСТ ЛЮБВИ

В начале мая затрезвонили телефоны в конторах новых совхозов. Директоров срочно вызывали в Янгир, на совещание по волнующим всех вопросам строительства. Можно было вслух высказать свои претензии, свои требования... А их у каждого накопилось немало.

Ахмаджан просто возликовал. Ну, теперь-то он отыграется на этих строителях, скажет речь! Ему бояться нечего — весна прошла не даром, он помучил людей, но зато на тысячах гектаров хлопчатник посеян в срок, всходы — загляденье, ровные, или, как говорят ученые специалисты, каким он и сам является, равномерные, обещающие, можно даже сказать, очень обещающие, это маленькое словцо выделит его, прикует к нему внимание — очень! Уже начали первую культивацию... Правда, ради этого он распорядился вывести вчера в поле не вполне подготовленные машины, им бы еще денек-другой повозиться, механизаторам, но речь говорить сегодня, и важно объявить: уже начали! Дела идут, словом. А стройки стоят!

Раненько, придвинув к себе поближе чайник с горячим чаем, в нижней рубашке, Ахмаджан сидел за столом и накидывал на лист бумаги строку за строкой...

Из четырех двухэтажных домов, в каждом из которых могли бы уже удобно жить восемь семей, сдали один. Один дом! Только! Да и в нем лучшую квартиру нижнего этажа пришлось занять под канцелярию совхоза. Вот с чего он начнет речь! Приезжайте к нам, в 33-й совхоз, и вы увидите, что канцелярия ютится в квартире! Выразительная деталь... И это сегодня, когда столько внимания уделяется быту рабочих. Долго ли рабочие его совхоза будут ютиться в тесноте? Ясно же, кажется, что хорошее жилье — хороший отдых, хороший отдых — хорошая работа... Цепная реакция! Спрашивать с людей можно как надо, если все как надо. Почему же вы, товарищи строители, работаете как не надо? Эффектно...

Хватит примеров? Есть еще школа... Вчера его за-

меститель по вопросам строительства Саттар-ака надо-едливо возвращался к строительству школы, только что начатому, и просил вставить в выступление, несколько решительных слов о ней. Можно, конечно... Школа — это дети, забота о детях — святое дело, дети устроены — у родителей свободней руки, спокойней на душе... Сказать-то он сможет, но ведь начали стройку, начали!

Правда, Саттар-ака горячо доказывал, что начали с большим опозданием. А учебный год не отложишь.

— Еще три с лишним месяца до вашего учебного года! — возразил ему Ахмаджан.

— Но, товарищ директор!.. Это всего сто пять дней! А если исключить выходные...

— Вы еще на часы пересчитайте! Без паники!

— Я никогда не был паникером! Это шко-о-ла! А я, кроме всего, председатель школьного совета.

Можно вставить словечко про школу... Но о многом говорить — зря языком молоть. Во-первых, внимание рассеется, примеры забудутся, рассыпятся, а из рассыпанного зерна лепешки не испечешь. Во-вторых, руководители, чего доброго, запомнят его не как директора, остро поставившего вопрос: мы государству — хлопок, а вы нам — строительные объекты, а как жалобщика.

В комнату вошла Дилдор с тремя галстуками в руках, еще пахнувшими горячим утюгом. И с улыбкой, которая заставляла его хоть на миг забывать обо всем на свете.

— Выбирайте! — Она приподняла галстуки.

— А что ты советуешь?

— Вот этот, по-моему, поскромнее.

— Поскромнее? Да, пожалуй...

Он приблизился к зеркалу и стал завязывать этот темно-синий галстук, поскромнее, приподняв уголки воротника и вдруг заметив, как впали щеки за одну весну... Первая весна! Лиха беда — начало! А осенью будет легче? Нет, самая трудная пора в жизни хлопко-роба — это осень, уборка! Зато после уборки они поедут с Дилдор куда-нибудь отдыхать... В Ялту, например, в санаторий «Узбекистан». А то и на Кавказскую ривьеру... Молодой директор совхоза с женой-красавицей...

— Как речь? — заинтересованно спросила Дилдор. — Написали?

— Почти.

— Вы, конечно, скажете о поликлинике?

— О поликлинике? — Вся кровь вдруг ударила ему в голову, как это не раз бывало. — Какая поликлиника, когда из шестидесяти бригад только в четырнадцати оборудованы полевые станы! В четырнадцати! Из шестидесяти!

Дилдор заморгала на него глазами, переждала, когда он выкричится, и тихо посоветовала:

— И об этом скажите.

— Прежде всего!

Он стремительно вернулся к столу, нагнувшись, записал: «Полевые станы» — и поставил после этих слов длинный ряд восклицательных знаков — до конца листа. Как топором нарубил.

Потом выпрямился, покашлял виновато, хотел даже попросить у нее прощения, но вместо этого взмахнул рукой и кинул карандаш на стол.

— Черт его знает! Каждый — про свое! Наверно, ни в одном новом совхозе еще нет поликлиники!

— Наш будет первый!

— Это хорошо. Но пока люди как-то выходят из положения? Где ты принимаешь больных?

— В медпункте.

— Ну и принимай! Обойдутся... Нельзя требовать всего сразу! А сами? Сами вы где? Сами не способны? Ведь нас спросят об этом и будут правы!

— Ну, а сами вы где? — спросила Дилдор. — Уже спрашивают.

— Кто?

— Люди совхоза.

Ахмаджан усмехнулся:

— Где? На хлопке. Я — на хлопке! — Он глянул на часы. — Пора. Пиджак!

Она подала пиджак, и он, скользнув глазами по вычищенным, приглаженным отворотам, повернулся и поцеловал ее.

Как ему отвыкнуть от этого — срываться и кричать? Что-то не ладится, а ей достается! Нервы...

Комната, в которой он раскинул свой «командный шатер», свой кабинет, оказалась под ее спальней. Час-

то за полночь, поднимаясь домой, он заставлял жену за чтением или вязаньем.

— Меня ждешь?

— Да, конечно...

И только однажды, когда она спала с книгой на коленях в кресле столовой, а снизу слышалось, как уборщица, которой он приказал к утренней планерке привести кабинет в порядок, двигает стулья по полу и пепельницы по стеклу на столе, он догадался, что сам мешает Дилдор отдыхать по-человечески после нелегкого трудового дня врача.

— Неужели тут все так слышно?

— Еще как! Такие мужские беседы бывают!

— Какие?

— Крепкие.

— Ох-ох! Учту.

— И с девушками будьте поосторожней, когда принимаете их на работу. Не любезничайте чересчур!

— Ладно.

Они посмеялись, а сейчас он вспомнил об этом и подумал, что вот она же могла себя держать в руках, а он вспыхивал чуть что! Сколько раз давал себе слово и забывал. И прощения не мог просить, не мог, и все... На доньшке души держалось чувство вины перед Дилдор... Поэтому, когда она сейчас спросила, не возьмет ли он ее с собой в Янгнер, он с охотой согласился, даже обрадовался. Дилдор собиралась походить по своим медицинским учреждениям, пока он будет заседать... Отлично! Который уже месяц она ничего не видела, кроме незаконченного поселка совхоза. Пусть походит, погуляет. Если останется час, в кино может завернуть. Пожалуйста, он добрый! Так подумал Ахмаджан, а ей сказал:

— Только ты там не отрывайся далеко от Дома культуры, как окончится совещание, сразу — домой!

— Майли, — покорно ответила Дилдор не без улыбки, правда, — ладно!

Новые белые «Жигули», выделенные директору совхоза, стали радостью Ахмаджана. Он сам водил их и, как мальчишка, носился с недозволенной скоростью не только по широкой ленте асфальта, раскатанной дорожниками, но и по совхозным проселкам, особенно

сейчас, когда давно перестали плескаться лужицы под колесами, оставшиеся от талого снега, и уже запылило и траву по обочинам всех дорог, и последние маки.

Пыль в Голодной степи была въедливой, как пудра, и степь-красавицу можно было упрекнуть в том, что она запасалась пудрой сверх всякой меры. Иные новоселы бредили садами. Да какие листья выдержат килограммы этой пыли, какая зелень будет жить и дышать под ней? Жить и дышать здесь мог только человек, да и то не всякий. Старика Рахима-бобо, который все просился к ним в гости со своими саженцами, этой весной удалось уговорить остаться дома, в Кибрае. Не до садов... И не до стариков... Хлопок, хлопок! И молодежь, умеющая не щадить себя!

— Не слишком ли вы гоните, Ахмаджан? — осторожно поинтересовался Саттар-ака.

— Автоинспекции здесь нет! — весело ответил директор. — А в случае чего — врач с нами!

Он рассмеялся и шутке, и тому, как поехал его строительный зам на сиденье рядом с ним. Автоинспекция, действительно, сюда еще не пожаловала. Здесь он был полновластным хозяином, пока тянулись земли 33-го совхоза. А насчет врача — это к слову... Он водил, как выяснилось, свой автомобиль артистически, а, кроме того, с ним совхоз сэкономил на шофере. Хотел прибавить слово об этом, но, кажется, это он уже говорил не раз, лучше промолчать.

В «Жигулях» было тесно, потому что он взял с собой не только Дилдор и Саттара-ака, но и председателя рабочкома, и главбуха совхоза. Рабочком должен был поддержать его, а главбух торопился в банк и радовался, как ему повезло! Не держали шофера — и совхозные «Жигули» никого не могли возить, кроме директора, даже когда были свободны. Впрочем, такого не было. Поля огромные, без машины не управиться, а он объезжал поля каждый день...

Свежий асфальт был почти черным и блестящим. Он, как зеркало, отражал от себя солнце, но не мог его пересилить, щедрое солнце проливало новые, неистощимые потоки света. Все купалось в нем. По сторонам рядами, уходящими в небо, тянулся, радуя глаз, хлопчатник. Новые обещания целины на конвейере «белого

золота». Почему — обещания? Можно было уже вписывать новые цифры... Вперед! Цифры Мирзачуля будут расти так же быстро, как бегут эти «Жигули».

— Смотрите,— сказал Саттар-ака,— как красиво!

Поля родного совхоза уже кончились, отстали, это были земли чужого, тридцать второго, вдали показались и поселок, и несколько пятен бело-розового, как рассветные облака, оттенка. Как будто еще на заре облака опустились с неба и прижались к земле.

— Сады.

— Уже цветут...

— Урюк... Персики... Молоденькие, а уже взялись...

— О, наш врач разбирается не только в болезнях, а и в деревьях...

— Я внучка знаменитого садовода из Кибрая...

Пассажиры разговаривали, а водитель молчал.

От шоссе к поселку 32-го отбегала асфальтовая ветка, тоже обсаженная голыми прутиками.

— А это чинара...

— Да, чинара...

Однако мастер этот кандидат, этот Азиз, пускать пыль в глаза! «Учись!» — мысленно сказал себе Ахмаджан сквозь усмешку. Хлопковые поля на вид все кажутся одинаковыми, и только посвященный глаз оценит их пригожесть и чистоту, их вылизанность, если говорить о полях тридцать третьего. Ахмаджан до темноты не отпускал людей, пока сам не убедился, что больше нечего делать. А таких вот садилов, высаженных напоказ, таких вот прутиков-чинар в тридцать третьем, простите, нету! И не надо! Гранатовые зернышки не обязательны для плова. Это украшения! Так уговаривал себя Ахмаджан, прибавляя скорость, чтобы быстрее проскочить земли чужого совхоза... Никаких украшений! Все решит полновесная коробочка. Цыплят по осени считают!

— Кто такой Султан Джура?— спросила Дилдор толстая тетя, председатель рабочкома.

Значит, успела прочесть на арке, поставленной у порога: «Добро пожаловать в 32-й совхоз имени Султана Джуры».

— Джура?— переспросила Дилдор, как бы отряхиваясь от задумчивости.— Поэт...

— Хороший?

— По-моему, да... Еще в школе я прочла его поэму о Джордано Бруно... Мне нравится...

— Как только у нас в совхозе откроют библиотеку, возьму книжку Джурю. Не читала. А вы, доктор, не только в деревьях разбираетесь, но и в стихах... Знаете их...

Ахмаджан рассмеялся.

— Сам директор тридцать второго совхоза ее хороший знакомый! Что там — Султан Джура!

Дилдор покраснела и рассердилась на себя за то, что так близко к сердцу принимает его шутки и подковырки. Знает он, что ли, о том, что Азиз приходил к ней прошлым летом в Ташкент и с чем приходил! Возможно, Азиз сам рассказал ему о своих намерениях. Ну и что? Важно ведь — не кто к ней приходил, а кого она выбрала, с кем пошла она. Она едет в белых «Жигулях» со своим мужем, которого любит, зачем же потешаться над ней? Она собиралась сразу рассказать Ахмаджану о смешном, почти нелепом визите Азиза, о том, как он, этот увалень, печально удалился ни с чем... разве только унес букетик фиалок в руке... Но сначала все время забывала, оглушенная счастьем, потом стала бояться, что муж заревнует... Лучше напрочь забыть!

А он вот помнил и смеялся сейчас!

— Это ваш знакомый, — ответила она мужу, когда он перестал неприятно и зло хихикать. — Вы с ним жили у моего деда в Кибрае, когда сдавали последние экзамены... Так, насколько мне помнится?

— Так, так, — быстро подтвердил Ахмаджан. — Я пошутил.

— А Джуру вам тоже полагалось бы знать, — сердито договаривала Дилдор. — Лучше меня. Поэт был андижанцем...

— Знаю, знаю...

— Почему «был»? — спросила у Дилдор соседка.

— Он погиб во время войны... В Белоруссии...

Саттар-ака, чувствуя, что в словах директора и его жены прячутся какие-то колючки, постарался увести разговор подалее в сторону.

— А школу они уже закончили, хотя, вообще, за их поселок строители взялись гораздо позже нашего.

— Вероятно, у Азиза Латипова заместитель по строительству оборотистей!— запальчиво сказал Ахмаджан.

— Он сам выводил людей на стройку,— ответил обиженный Саттар-ака.— Фартук на себя — и айда!

— Каких людей?

— Совхозных... Школе прирезал опытный участок...

— Под сад?

— Под хлопок...

— Ха!— вырвалось у Ахмаджана, от удивления он даже перестал на дорогу смотреть, повернув голову к Саттару-ака.— Правда? Задумал детскую бригаду создать, из учащихся? Проценты?

— Не-ет, задумка у него другая... Этот школьный участок будет... Ну, классом... по хлопководству... И в совхозе вырастут не просто образованные молодые люди, а, так сказать, уже готовые специалисты, агрономы, механизаторы... Солидная задумка...

— Вырастут! Дело далекое!

В самом деле, подумал он, школа откроется в этом году, первый набор, ну, есть в некоторых семьях ребята постарше, но в основном все школьники — малолетки, жди, когда они вырастут, эти будущие агрономы и механизаторы... Через десять лет будут ли они с Дилдор здесь? Будет ли он директором совхоза? Он и сам еще не мог бы сказать, кем будет, не знал, но — бери повыше! А Саттар-ака между тем восхищался:

— Да, молодой директор, а молодец! Далеко смотрит!

И такой откровенный упрек звучал в этой восторженной фразе, такой намек, что Ахмаджан разозлился:

— А вы откуда все это знаете... про Латипова?

— От людей...

— Ах, слышали?

— Да, о добрых делах люди любят говорить... Рассказывают друг другу... О добрых делах и людях...

«Ну,— подумал Ахмаджан,— двух замов по строительству я успел поменять за эти месяцы, придется менять и третьего...»

И только успел подумать, как увидел в зеркальце

«газик», выехавший на шоссе из-под арки, с отростка, ведущего в тридцать второй... И догадался, что это Азиз — на совещание!

— Легок на помине!

— Кто? — спросила Дилдор.

— Азиз. Собственной персоной!

До сих пор «Жигули» легко обходили самосвалы с цементом, трейлеры с бетонными блоками — четыре блока, четыре стены, и дом готов, грузовики с лотками для поливных желобов, которые составлялись со скоростью, не снившейся старым дехканам, невиданной, неслыханной даже в сказках, а теперь пришлось остановиться и съехать на обочину...

— Подождем его?

— Конечно, — обрадовался Саттар-ака. — Поприветствуем!

«Газик» подкатил быстро, из него, и правда, вывалился, зацепившись за подножку и чуть не упав, смущенный, одетый в солдатское обмундирование Азиз и подбежал, крича:

— Здравствуйте! Дилдор! Ахмаджан! Как я рад! Соседи, а редко видимся! Как поживаете? Здравствуйте, товарищи! Извините!

Никто и слова не успел ответить ему, а он уже уходил от «Жигулей» к грузовику, запыхтевшему и остановившемуся напротив, на левой стороне шоссе. Грузовик был с большим прицепом. И сам он, и прицеп присели под тяжелым грузом бараньего навоза, слегка парующего под еще не жарким солнцем.

Ахмаджан, хотевший спросить, отчего это директор тридцать второго ездит на «газике», разве у него нет таких же «Жигулей», забыл о приготовленном вопросе, пересек шоссе, ухватился за грязный борт грузовика и спросил шофера, оторвав глаза от этого богатства:

— Где нашли такую казну?

— В горах... Товарищ директор, еще с тремя председателями договорились... Анвар на своих «Жигулях» подался вверх, новые залежи открывать... Все в порядке. Я остановился доложить, чтобы вы не волновались.

Это он обращался уже к своему директору.

— Спасибо... Двигайте! — ответил ему Азиз. — Не

забудьте отдохнуть... Я вас знаю, а горные дороги не шутка! Вам в ночной рейс!

— Это что же, из родного Фируза? — ухмыльнулся Ахмаджан.

— Не только... В горах много старых отар...

— За навозом в горы... Действительно — риск! Там дороги мокрые, еще в туманах, в снегу...

— Вот я их и предупреждаю, — согласился Азиз. — Ребята молодые, увлекающиеся... За сутки по три рейса делают... с оборотом!

— Увлекающиеся? — перехватил Ахмаджан, которому что-то не везло на увлекающихся людей, начиная от его строительных замов и кончая другими, помельче и попроще.

— Ну, так они же понимают, какой важности у них рейсы! Подкормка! — отозвался Азиз.

— Надо ехать, однако, — сказал помрачневший Ахмаджан и пошел к машине, нервно заиграв ключами от нее.

Азиз тут же пустился следом:

— Ахмаджан! На обратном пути к нам — на пиалку чая!

— Даст аллах — заедем, — трогая, ответил Ахмаджан.

И сколько видела Дилдор, Азиз, растопырив ноги, стоял на шоссе, словно забыв о своем «газике», а потом повернулся и побежал к нему.

Сегодня в Янгиере, перед Домом культуры, собралось множество машин — самых разных: и «Жигулей» и «газиков», и грузовых... Все столпились, словно начали совещание раньше своих недавних пассажиров. На площади не хватило места машинам, и они расплывлись по соседним улицам.

Молодой город, собрат Гулистана, жил с утра этим совещанием, и это ощущалось в учреждениях, в магазинах и просто на улицах... Встречи, разговоры, покупки... Когда еще вызовут, соберут, наверно, после первой уборочной страды, белой страды! Вон сколько народа надо отрывать от дела всякий раз, когда проводится совещание.

Сколько лет прошло со дня обоснования в Мирзачуле первых поселенцев, а степь еще строилась! И флагманом ее тружеников-преобразователей был «Главно-

лодностепстрой» — мощная держава, разбросавшая свои управления, тресты, предприятия, машины и тысячи строителей по пустым землям — до самых Кызылкумов, красных песков. Всюду строили, строили... А раз не сидели, сложа руки, значит, были и трудности, и неполадки, и ошибки... Потому что строили много, а сроки торопили. Словно здесь не было человека, который не торопился бы больше сделать за свою жизнь, особенно за свои молодые годы! Не остановишь!

Да и опасно останавливать, замедлять... Самолет не полетит, если его вдруг перевести на скорость верблюда. Упадет, разобьется... Сбавь темп, люди остынут, разбредутся в поисках других, более горячих дел, где можно попробовать свои силы в единоборстве с природой и временем.

Вот с какими мыслями Дилдор проводила мужа на совещание, а сама направилась по своим, более скромным и прозаичным делам. Побывала в аптекоуправлении, и ей обещали открыть аптеку в поселке до начала хлопкоуборочной и школьных занятий, в райздравотделе оставила заявку на кадры для совхозной поликлиники, к строительству которой, она не сомневалась, вот-вот приступят, поговорила об оборудовании, о мебели... И поймала себя на том, когда вышла на улицу, что тоже торопилась! Может быть, не зря на нее сердился Ахмаджан? Нет, зря! Потому что поликлиника, аптека — это здоровье тех самых людей, которые строят поселки и растят урожай...

Утвердившись в своей правоте, она огляделась и обнаружила, что идет по мосту через широкий канал, наполненный илистыми по весне водами... Она знала, что Южный Мирзачульский канал разрезает город на две части, но не думала, что канал так полноводен, могуч, что воды его так быстры... Воды тоже торопились. Весной все ширится, все растет, все спешит...

А мост был красив! Над его белой ажурной оградой уже зазеленели, зашептались молодой листвой тополя. Длинная улица с высокими домами была видна отсюда, она тянулась далеко... И были видны сады и другие тополя, столпившиеся на берегу канала...

Она остановила за плечо девочку, бежавшую навстречу ей с нотной папкой, и спросила:

— Как называется этот мост?

— Мост любви! — ответила девочка и заспешила дальше, так что папка, свисавшая почти до земли, била ее по пяткам.

Конечно, это не стало еще официальным названием моста, но даже девочка назвала его так естественно и привычно. Может быть, действительно, Мирзачуль освивали поэты?

Мост любви...

Не было канала, не было моста... Вырыли канал, построили мост, и кто-то уже назвал его Мостом любви... Неважно, кто... Важно, что мост уже висел, и его надо было перейти молодым по дороге в будущее...

Человек, выбросивший первую горсть земли из ложа Мирзачульского канала, это ты был первым строителем Моста любви! Жизнь ветвиста, как дерево...

А может быть, девочка придумала, разыграла? Дилдор сделалось заранее обидно. И она обрадовалась, когда поговорила с женщиной, тоже остановившейся на мосту, и та сказала ей, что, в самом деле, его называют так, этот мост, потому что молодежь здесь назначает свидания, встречается, это приметное место...

Женщина, остановившаяся на мосту, была высокой и гибкой. Даже туфли на небольшом каблучке не скрадывали ее роста, а гибкие движения заставили полюбоваться ею, когда она поднимала на перила моста своего сына, малыша. Она показывала ему снежные вершины далеких гор, хорошо различимые отсюда в солнечный день, и что-то говорила.

Белые тополя на берегу, цветники вдоль улицы построили Дилдор на добрые мысли. Она подумала об Ахмаджане и пожелала ему успехов и на сегодняшнем совещании, и всегда. Успехи возвращают его к настоящему, хорошему, что заложено в нем. Будут успехи, к которым он часто рвется, ничто тогда не будет мешать и его открытой любви к ней. Открытой и большой...

Это ведь радостно — любовь. И хорошо. Как хорошо, что они приехали сюда, в Мирзачуль, под эти тополя, в эти степные просторы, где родятся и их дети. Сегодняшняя ее земля завтра станет землей ее детей.

Значит, она должна стать лучше, эта земля. Все правильно.

Женщина, державшая на перилах малыша, посмотрела на Дилдор и приветливо улыбнулась. Какое, однако, красивое лицо было у этой женщины! Дилдор медленно приблизилась к ней и погладила курчавые волосы малыша.

— Как тебя зовут, джигит? — спросила она.

Мальчик испугался незнакомой, сжал плечи.

— Фируз, — ответила за него женщина, опавнув Дилдор взглядом удивительных синих глаз.

— Ну, давайте и мы знакомиться, если вы не против, — сказала Дилдор. — Я приехала из совхоза, с мужем, и никого тут еще не знаю. Дилдор, врач.

Она протянула руку.

— Нафиса, учительница, — голубоглазая красавица протянула ей руку тоже.

— Вы здешняя? — поинтересовалась Дилдор.

— Нет, мы с сыном оттуда, с гор... Из Хавасского района... Он — Фируз, и наш кишлак называется Фируз.

— Фируз?

— Вы бывали там? — обрадовалась Нафиса.

— Нет. Но я знаю одного человека из Фируза. Он рассказывал мне, как там справляют праздник весны, варят белый суп, пьют кумыс, песни поют, танцуют...

— Кто же это, интересно?

— Азиз Латипов.

И тут случилось такое, чего Дилдор никак не могла ожидать. Голубоглазая женщина побледнела, зажмурилась, точно у нее закружилась голова, как от солнечного удара, качнулась, потом взяла сына на руки, будто хотела уйти, бежать, и Дилдор испугалась:

— Что с вами?

— Ничего. Со мной бывает так... Иногда...

— Я врач... Расскажите...

— Ничего, ничего...

— А может, это я виновата? Может, вы с ним знакомы, с Азизом?

— Да, мы были соседями в Фирузе... Ну и что? Какое это имеет значение? — спросила Нафиса и сама ответила: — Никакого! Фируз! — Она опустила его на мост. — Иди, поиграй в роще... Беги!

Мальчик с удовольствием пустился в рощу, а она, ухватившись обеими руками за перила моста, стояла и смотрела вдаль. Однако ясно было, что она ничего не видела.

— Послушайте,— начала Дилдор.

— Нет-нет...— перебила ее Нафиса.— Он для меня ничего не значит. Ровным счетом — ничего!

— Извините,— сказала Дилдор,— но мы современные женщины и, наверно, можем поговорить, не обидев друг друга... Я чувствую, что это...

— Не надо!— остановила ее Нафиса.

— Странная вещь... Странно, когда деликатность вдруг становится бесчеловечной... Вам не хочется знать об Азизе? Я ему — никто.

Нафиса слушала молча.

— Он — друг моего мужа... Его хороший знакомый... Они вместе учились... ездили в институт вместе, так как жили у моего деда в Кибрае, под Ташкентом. А сейчас — директора соседних совхозов в Мирзачуле... Азиз Латипов возглавляет тридцать второй совхоз и живет там с матерью.

— С матерью?

— Да...

Дилдор ждала, что женщина спросит ее еще о чем-нибудь, но та опять молчала. Может быть, минута прошла, может, две, пока Нафиса освоилась и улыбнулась, глянув на Дилдор спокойными глазами, полными синего света.

— Смотрите-ка, как давно мы разъехались с Латиповым, а всех собрала Голодная степь!

— О да!

Да, Голодная степь многих привела в движение, сорвала с насыженных мест. Пустая раньше, она вдруг стала местом самых неожиданных встреч!

— Ну, простите... Ладно... Я пойду! Фируз!— И Нафиса ушла, не оглядываясь.

А Дилдор заспешила к Дому культуры, не зная, что ей предпринять. Похоже, что Нафису и Азиза связывало что-то, давнее... Может быть, объясняющее, отчего он до сих пор один и отчего был так нелеп тогда, в ее саду с фиалками! Симпатичный Азиз!

Между тем Нафиса с Фирузом вышли по краю роши на асфальт тротуара и весело зашагали дальше. И

Дилдор показалось, что все не так, как только что подумалось ей. Нафантазировала! А она с Азизом не более, чем соседи. Бывшие соседи. Счастливая женщина — эта Нафиса. Сама — учительница, у нее есть муж, есть сын...

И снова мысль о сыне затретила душу, тронула место, болящее, как рана... Почему у них с Ахмаджаном нет ребенка, он мог бы изменить к лучшему всю их жизнь! Уже скоро год, как они вместе. Они любят друг друга...

Ох, если бы у нее был сын! Подняла бы его высоко, показала всему миру. А ему — весь этот прекрасный мир вокруг, весь! Пусть посмотрит на него с высоты ее рук!

Глава девятая

ЗДРАВСТВУЙ, ФИАЛКА!

«Шел 1943-й год...

Фашисты еще обстреливали Ленинград, героический город на Неве находился в зловещем кольце блокады, в цепких руках беды и голода. Его дети, оторванные от родных домов, еще не могли вернуться к матерям, даже если те были живы. Война раскидала детей по разным городам нашей большой страны, в том числе их с любовью приютили семьи в Ташкенте, Фергане, Бухаре, в больших и маленьких кишлаках. С ними делили тепло и хлеб.

Может быть, никогда так, как во время войны, мы воочию не замечали, что такое братство наших людей, не испытывали его силу.

Я пишу — мы, хотя путешествовал в те годы под стол пешком. Но я уже знал, что на земле идет война, и где-то там, очень далеко, мой папа.

Фашисты были еще в Крыму, ходили по Киеву и Минску...

А на берегах Сырдарьи, там, где река пересекает гряды Фархадских гор, именно в это время, в 1943-м году, началось строительство Фархадской ГЭС.

Через пять лет она дала свой ток в города и кишла-

ки, промышленным предприятиям и колхозным фермам.

А начали рыть деривационный, то есть отводной канал и водоприемники, насыпать плотину, строить акведуки и селедуки для укрощения бешеных селевых потоков, ливневыпуски и оросительные водозаборы тогда. Да, тогда! Думая о мире. Думая о жизни.

Строя ГЭС, соорудили водозабор для магистрального канала им. Кирова, питающего сейчас Голодную степь, несущего на ее хлопковые поля основную массу то голубой, то глинистой, то зеленоватой воды.

Какую же великую уверенность в своей победе, в своем будущем носили люди в сердцах!

Строили колхозники и горожане, старики и юноши, одних — уже, других — еще не звали и не брали на войну, на кровавый бой с лютым врагом.

Это была народная стройка, каких немало в биографии моей республики. Например, Большой Ферганский канал...

Интересно, что и горы, где развернулась стройка, и ГЭС называются Фархадскими. Это имя славят многие народы, живущие на безводных землях, многие эпосы. Писал о Фархаде и наш великий Навои в своей знаменитой поэме. Фархад — народный герой.

Я бы назвал народными героями всех, кто строил Фархадскую ГЭС в тяжелые годы войны. Тысячи Фархадов вышли на стройплощадку, растянувшуюся на 22 километра, выкопали для себя землянки, как на фронте, и дружно взялись за дело. Тысячи Фархадов!

И вот о чем я думаю с уважением к ним, с гордостью и самой душевной улыбкой — это были не выдуманные герои, это были живые люди.

Жили холодно и порой голодно. Понятно — война! Время не баловало. А рабочие нормы старались перевыполнять, а не только выполнять.

Как-то бухарцы привезли или пригнали осликов, ишаков, которых много держат (или, вернее, держали тогда) вокруг Бухары. И, конечно, с помощью этой четвероногой механизации земляные работы у бухарцев сразу пошли живее. А это значило — сытнее жизнь, потому что за выполнение нормы — продуктовая премия, а за перевыполнение — еще добавка. Кто лучше

работает, тот больше ест! Хлеб и чай — веселее стало жить бухарцам!

А ферганцы, работавшие рядом, приуныли. Еще бы! Они не могли пригнать четвероногих помощников из дома, в зеленой Ферганской долине не разводили и не держали ишаков, с большим трудом набрали там ходоки несколько штук. Курам на смех!

И вот под покровом ночи храбрые ферганцы перегнали часть бухарских ишаков к себе — для восстановления равновесия соревнующихся сил, то есть справедливости.

Оживилась и у них работа! Поднялось настроение! До поголовья бухарского стада было еще далеко, но выход, казалось, найден...

Однако и бухарцы не лыком были шиты. Догадались, в чем дело, и пометили своих ишаков: отстригли им метелки на хвостах. Хитрые! Но ферганцы оказались хитрее! Через час они уже знали о проделке бухарцев, постригли метелки всем своим ишакам и опять пополнили стадо.

Тогда бухарцы постригли ишакам челки. И ферганцы тут же сделали то же самое.

Вот встретились два руководителя, бухарский и ферганский, чтобы навести порядок. Все ждали, будут ругаться! Да как! А они смеялись, хохотали.

Руководитель бухарцев знал, куда исчезают ишаки, давно знал, но не возмущался, а даже снял караульные посты с мест, где паслись животные, чтобы ферганцам легче было восстанавливать справедливость. И это он сам направлял ферганцам известия, как пометили в очередной раз бухарцы своих помощников-трудяг, чтобы дошлые единоличники не могли разобраться, если пойдут за «украденными» ишаками.

Вот что мне рассказал недавно руководитель ферганцев.

Не было кражи — была игра. Не было вражды — была дружба. Не было уныния от недостатка удобств и хлеба, была, можно сказать, песня, и веселая песня, которая «жить и строить помогает», от которой «легко на сердце».

Веселые люди быстрее проходят трудную дорогу к счастью.

Я буду у них учиться».

Сразу после совещания в Янгиере Азиз разыскал Ахмаджана, чтобы справиться, заглянут ли соседи на чай. Ахмаджан был так мрачен, что о чае и разговора не завели. Не до чая!

— Ты дипломат, оказывается!— воскликнул он, едва к нему подошел Азиз в вестибюле Дворца культуры.— Какой ход!

— Какой?— не понял тот. простодушно улыбаясь.

— Ну как же! Все его хвалят, ставят в пример, а он поднялся на трибуну и давай сам себя ругать. Словом, против самого себя выступил. Беспощадно! Ход конем! И гимнастерку надел, как бедный родственник!

— Не понимаю,— недоумевая, начал сердиться Азиз.— Если можешь, попроще... Я совершил какое-нибудь преступление?

— Ты испугался, что тебе помогать перестанут, раз все у тебя в порядке, все так хорошо!

— Да. Вот это верно. Есть чего испугаться!

— И выступил против себя и тех, кто слишком щедр оказался на похвалы. Словом, заработал и внимание, и обещание — помочь довести стройку поселка до конца.

— Мне ничего другого не надо было. Я не просил ни премии, ни ордена!

— Ну, насчет ордена еще рановато,— усмехнулся Ахмаджан.— Подождем урожая. Цыплят по осени считают.

— Да, да... У нас в совхозе много недостатков, недоделок, и, когда я говорил, я их не выдумывал...

— Ну, другой на твоём месте предпочел бы промолчать, не подливать в мед дегтя, кое-что укрыть, раз даже сверху не видят!

— Ради чего?

— Своих интересов.

— А люди? Мои интересы — интересы людей.

— Брось! Это риторика,— отмахнулся Ахмаджан.— Счастливо, дипломат! Некогда!

Вот и весь разговор...

Ахмаджан был расстроен, это понятно. Ему крепко досталось. Когда он начал свое выступление с рассказа о том, что занял квартиру под канцелярию, из зала раздались реплики:

- А мы наоборот!
- Мы контору пока под квартиру отдали!
- Наша канцелярия там, где люди, где работа!

В зале засмеялись, он стушевался. Еще хуже, что засмеялись за столом президиума, а старший инженер из «Главголодностепстроя» сказал в ответном слове: «Мы знаем о своих долгах и будем их ликвидировать изо всех сил. Но не надо так уж противопоставлять хлопкоробов и строителей, как делал это молодой директор тридцать третьего... Сколько раз бывало, что строители оставались в созданных их руками поселках и становились первыми хлопкоробами! А сколько помогали полевым работам, особенно на уборке! Не считать. У нас одни интересы...»

Не однажды в эти дни Азиз думал, что, наверно, на пересечении интересов государственных, людских, своих только и вырастает счастье. Что-то не ладилось у Ахмаджана. И было жаль. Такая жена, такая это удача, и — вот тебе! Лучше бы не ладилось у него, Азиза, он бы приналег, он бы все исправил, не ел, не спал, его все равно никто не ждет дома, ему некуда себя девать... В чем-то тут аллах несправедлив, и очень жестоко! А если серьезно, кто и почему наказывает так и даже казнит людей? Сами люди? Кто виноват?

Хотелось помочь Ахмаджану... Зазвать его на чай — завернули бы на обратном пути, посидели и потолковали, как давно не видевишиеся друзья... В самом деле, рядышком живут, и не встречаются! Можно было не только послушать, но и подсказать, посоветовать... Не жалко, если по силам! Одни интересы, одно дело... Это ведь действительно так, без всякой риторики...

А уж как мать обрадовалась бы гостям! Целыми днями одна и все — у плиты, готовит и ждет, готовит и ждет... Вот она, бедная, ждет... Одна... Меняется земля, меняется поселок, меняются времена года... Меняется жизнь у людей вокруг, а у него — нет... И у нее, у матери, нет, естественно...

И сейчас накрыла теплыми накидками казан и кастрюли, сидит, пригорюнившись...

Азиз решил, что на сегодня хватит. Эти непрочитанные бумаги захватит с собой и пойдет домой. Сейчас же!

Он остался в кабинете после заседания комиссии, созданной дней десять назад, сразу же, едва вернулись из Янгиера. В комиссию вошли разные люди, мужчины и женщины, молодые и старые, обсудили, обмозговали, вынесли рекомендации — что и как достроить, что не терпит, а что может и подождать. Поля оттягивали народ. Сегодня свой план, все свои доводы и данные выложили представителю «Главголодностепстроя», поговорили жестко и конкретно. И обе стороны, как отмечают в дипломатических кругах, пришли к взаимному соглашению. Хоп! Хорошо!

Вот только накурили ужасно — это скверно.

Перед тем, как взяться за бумаги, которых с каждым днем прибывало все больше — их урожай поспевал раньше фруктов и хлопка, Азиз не поленился распахнуть окно, и сейчас кабинет проветрился. Вместо улетучившегося папиросного дыма над столом завитали тонкие запахи первоцвета. Молодые саженцы робко зацвели, а уже тянуло ароматом сада... И одуряюще благоухал джамбил-райхан, самая пахучая трава на свете, так, будто она росла не на берегу арыка, за цветочными клумбами, а в пепельнице, под самым носом.

Он на все пуговицы застегнул гимнастерку и подумал, как сейчас удивится мать и обрадуется его раннему появлению, хоть раз! Пообедает с мамой... А то ведь и за стол без него не садится, такая привычка.

Азиз стал закрывать окно, и в это время в кабинет вошла с новыми бумагами в руке секретарша Зулейха. Двигалась она не спеша, вперевалочку, а Азиз с сочувствием покосился на ее заметно округлившийся живот, хоть и был он спрятан под обширным платьем-балахоном.

— Зулейха, а почему вы еще не в отпуске, а? До поездки в Янгиер мы, кажется, договорились...

Секретарша покраснела и опустила глаза.

— Вам будет трудно одному, Азиз Латипович...

— Ничего... Найдем помощницу... Подскажите, кого... Есть на примете?

Зулейха приподняла плечи, будто совсем хотела спрятать в них голову с пышной прической, и хмыкнула:

- Есть!
- Вот и ладно... А это что? — Он взял у нее бумаги.— Просьются на работу к нам?
- Просьются.
- Прекрасно! — И стопу новых заявлений, присланных из разных мест, он сунул в папку, которую решил взять домой.— До завтра!
- Там вас одна женщина ждет...
- Какая?
- Красивая,— ответила Зулейха, напрасно стараясь расшевелить его улыбкой.
- Азиз нахмурился, сурово сказал, смущая Зулейху:
- Красивая — не профессия. Кто она? Откуда?
- Не знаю. Она только что пришла.
- Пришла или приехала?
- Приехала... На попутной... Грузовик останавливался, я в окно видела...
- Ну,— безрадостно сказал Азиз.— Приглашайте ее.
- Пока он снова садился за стол, женщина вошла, он глянул на нее и забыл сесть, заулыбался, кинулся ей навстречу.
- Дилдор! Добро пожаловать!
- Азиз протянул ей обе руки, и так, обеими руками, пожал ее маленькую ручку. Он был искренне рад ей, как будто то, уже теперь далекое, давнее переживание, вспоминаемое теперь с улыбкой, сделало их близкими друзьями. Так через много лет часто бывает, а может быть, и всегда. Людей сближает обладание общей тайной.
- Зулейха мне говорит — красивая женщина... А я...
- А вы? — ухватила Дилдор.
- А я... страшно рассердился! — засмеялся Азиз.— Собрался идти домой обедать... в кои веки без опозданий...'
- Домой?
- К маме... Ну, это ничего!
- Нет, чего, чего! — возразила Дилдор.— Нельзя из-за меня обижать маму!
- А мы... — начал Азиз и умолк.— А мы...
- А мы? — помогла ему Дилдор, продолжая разго-

вор в манере, которая сразу же установилась у них сама собой и понравилась ей.

— А мы пойдем вместе! Можно вас пригласить? Молчите, прошу вас! Молчанье — знак согласия. Я сейчас позвоню маме...

Азиз схватил трубку, набрал номер...

— Вот неожиданно!.. Как это будет?— растерялась Дилдор.

— Будет хорошо... Мама! Простите, мама! Я приведу гостью. Очень хорошо?.. Ну вот... Мама рада. Пойдемте, взглянете на мой шалаш.

По дороге Дилдор сказала, что, собственно, приехала посмотреть на стройку поликлиники и больницы, во-первых... Сады ее соблазняют, во-вторых... Она ведь внучка Рахима-бобо, вместе с кровью впитала от рождения любовь к садам... И в-третьих...

— Что в-третьих?— спросил Азиз, перенимая ее игру.

Но Дилдор только улыбнулась и оставила это, как загадку. А может быть, не готова была еще сказать или спросить...

Мимо тянулся садик перед школой, на прятких ветках розовели храбрые лепестки...

— Вы хотите земли своего совхоза превратить в рай?— спросила Дилдор.

— В ад мы успеем попасть... За все свои прегрешения на земле! Так хоть здесь проживем в раю, созданном своими руками.

— А эти персики... так же цветут у деда в Кибрае!

— Ничего удивительного. Это его саженцы.

— Ну да? Правда?

— Ранней весной ездил в Ташкент, навестил Рахима-бобо и взял у него саженцы... Немножко для начала...

— Нет, Азиз, вы попадете в рай!— воскликнула Дилдор.

— Я? При чем тут я! Не я привез — машина привезла. Люди посадили...

— Люди у вас охотно откликаются на это?

— А почему — нет? Это же все для них... Они понимают...

За беседой и не заметили, как подошли к дому Азиза, миновав не только молодые посадки, но и коробки

будущих домов без крыш, и строительные склады на свежем воздухе, и кучи мусора и пыли... Вблизи поселок был не так красив, как издали... Лязгали, работающая, эскаваторы, гудели самосвалы... Красота проглядывала, когда желание видеть что-то находило подтверждение в чертах, еще как бы не обозначенных до конца...

Жил Азиз в самом маленьком стандартном двухэтажном доме, заняв его половину, как и полагалось всем мирзачульским новоселам.

— Мама!— позвал он из прихожей.

Дилдор задержалась перед зеркалом, чтобы поправить прическу, растрепанную ветрами дороги, а из комнаты донеслось:

— Ну, что же ты обманул меня? Где же гостья? Бесстыдник! Посмеялся над матерью! Ух, я тебе сейчас задам! Уши натреплю!

И Дилдор поспешила за хозяином в гостиную, откуда и доносился полусхотливый, полусерьезный голос раздосадованной тетюшки Нигор.

— Ах!— растерянно сказала она, увидев гостью.— Проходите, дорогая... Уж и не знаю, чем и как накормлю вас... Сейчас, сейчас...

Мать засуетилась, замахала руками, побежала в кухню, шаркая тапочками, слетающими с быстрых ног.

— Мама скромничает. Я пойду помогу ей... Извините...

Азиз удалился.

И едва он вошел в кухню, пропахшую пловом, который мать накладывала на самое красивое блюдо — это был старый, дедовский ляган, памятный с далеких детских лет, — она сказала:

— Хорошая! Ой, какая хорошая!.. Ой!— и покачала головой, как качают от самого большого удовольствия.— У нас будет работать?

— Нет, мама.

— Незамужняя?

— Замужем, мама. Это жена директора тридцать третьего совхоза, моего хорошего знакомого... Но я ее и раньше знал, когда она еще не была замужем. Помните, я рассказывал вам, как жил в саду Рахимабобо?

— Ну да! Соседи всегда находят раньше нас!
Мать спять покачала головой, в ее взгляде был укор.

А Дилдор тем временем успела ополоснуть руки в ванной и уселась перед столом, украшенным вазочкой с букетом полевых цветов, простых и по-своему нарядных — именно эта строгая, четкая расцветка делала их нарядными. Дилдор перебрала букет, касаясь тонких, полусухих стебельков. За этим занятием и застал ее Азиз, опуская на стол стопку тарелок.

— А где фиалки? — спросила Дилдор.

— Фиалок пока нет...

— Вы же обещали!

— Разве?

— Так быстро позабыли? Скажите, пожалуйста! Азиз-ака!

— Нет, не забыл я ничего... — Азиз нахмурился, брови нависли над глазами, тяжелые, толстые, и так висели, пока он не поднял глаза на Дилдор и не улыбнулся. — Я, наверно, по-дурацки выглядел в тот вечер? Не бойтесь, скажите мне откровенно. Вам смешно было? А сейчас, когда узнали радость жизни с любимым человеком, еще смешнее?

— Семейная жизнь — не только радость... Даже с любимым человеком... Нас предупреждают, а мы как-то не прислушиваемся, не верим...

— Что с Ахмаджаном?

— Он очень нервничает... Отталкивает всех от себя. Сам решает, сам командует! Помогите ему.

— Я рад бы... Я приеду... А он... Он и с вами так?

— На меня у него не хватает времени! Я надеюсь, что дела наладятся, и все наладится...

Мать внесла ляган с пловом, и Азиз помог поставить его на стол.

— Не знаю, понравится ли вам, доченька! — запримечала тетушка Нигор. — У нас в горах плов делают мягкий, много моркови кладут...

— Плов, вкуснее которого нет, как известно, ничего на свете.

— Не шути! Попробуйте, доченька.

Плов был так вкусен, что Дилдор съела все, что положили ей в тарелку, хотя кричала: «Много, много!», — и сама прибавила еще несколько ложек, даже

не заметив этого, что особенно по душе пришлось и матери, и Азизу. Выпили чаю, разговаривая о делах, о том, что последняя неделя оказалась какой-то странно-прохладной, но относительные знатоки Мирзачуля, больше слышавшие что-то от других, уверяют, что тут всякое бывает, и скоро наступят знойные дни, солнечных ударов тогда не избежать, особенно за детей тревожно, — в Мирзачуле летняя температура в сорок пять градусов считается средней... Потом отправились смотреть, как строятся больница и поликлиника. У Дилдор было время изучить типовые проекты, и сразу бросились в глаза все улучшения, внесенные здесь. Особенно ей понравилось, что больницу строили не вдоль улицы, а сильно отступив от нее, в глубине будущего сада... В центре его уже рыли водоем — маленькое, но свое озеро! И пристраивали к первому этажу веранду, обращенную на восток, вечером можно будет больным посидеть здесь в плетеных креслах, с книгой в руках...

Воображая это себе, Дилдор полюбовалась работой старика, наносившего красные узоры на голубую стену веранды. Из тонких следов кисточки рождались цветы... Да, маленькую кисть держал большой художник!

— Ата! Согласитесь и в нашей больнице что-нибудь расписать?

Старик не то что не оглянулся, а даже глазом не повел в ее сторону, всем видом своим и равнодушием показывая: не отвлекай! Ей стало неловко. Азиз выручил, сказав:

— На ухо тугой! — и наклонился к деду: — Ата! Соседка интересуется, распишите им стены в больнице, когда они отстроятся?

Вот теперь Дилдор увидела его прищуренные глаза, над которыми пучками торчала седина.

— Расписать? Соседям? Почему же нет? С душой! Только постройтесь сначала!

— Спасибо, ата.

Но он не слышал — он рисовал.

— Ну, — сказал Азиз, когда они отошли, — поликлинику и больницу посмотрели, сады — пока еще так называемые, однако что есть, то есть — тоже, теперь... теперь... По-моему, вы еще что-то хотели мне сказать...

— Да,— ответила Дилдор очень серьезно, хотя он улыбался, и рябинки на его щеках раздвинулись,— я видела Нафису.

Веселость сразу потухла в его лице, глаза же, наоборот, зажглись. Он вытянулся, как от удара. С ним случилось почти то же, что и с Нафисой на мосту, когда она сказала ей об Азизе.

— Где?— спросил он наконец, вздохнув.— Где вы ее видели?

— В Янгиере.

— В Янгиере?— Он даже головой потряс от неожиданности.— Какую Нафису?

— Сколько у вас знакомых по имени Нафиса?— не удержалась от веселой нотки Дилдор, чтобы помочь ему прийти в себя.

— Одна, Нафиса из Фируза,— задумчиво ответил Азиз.

— Это была она.

Азиз схватил Дилдор за руку, сжал, но тут же отпустил, извинился и попросил рассказать о встрече. И она передала ему все, как было... Про Мост любви. И высокую женщину с голубыми глазами. Про маленького Фируза.

— Значит, у Нафисы есть сын?— спросил Азиз скорее ласково, чем сердито.

— Да, она вышла на Мост любви не объясняться с поклонником, а погулять со своим малышом, мальчиком лет пяти. Мне показалось, что вам интересно о ней услышать... Может быть, даже нужно...

— Как она живет?

— Не знаю.

— Где ее муж?

— Не знаю. Может быть, в Янгиере.

— Она вышла замуж за человека из Шахристана... Что же они — перекочевали?— Он не спрашивал, а просто размышлял вслух.— Она работает?

— Учительницей в школе... В центре Янгиера...

— О-о! Муж не разрешил бы ей работать! Может быть, что-то случилось?

— Не знаю...

— Овдовела?

— Не знаю...

— Да, конечно, случилось что-то...

— Мне надо ехать, Азиз-ака! Я не сделала плохо, что рассказала о Нафисе?

— Что вы! — замотал головой Азиз, испугавшись, что он мог бы и не узнать того, что узнал сейчас. — Что вы! Ехать? Я вас провожу.

Он довез Дилдор на своем «газике» до поворота с главного шоссе в тридцать третий совхоз, и она попросила.

— Остановитесь тут, Азиз... Дальше я... пешком...

— Почему?

— Прогуляюсь...

— Да я вас довезу, мне не трудно!

— Спасибо.

— Вот чудачка!

— До свиданья!

До свиданья, — сказал он.

Но ему хотелось крикнуть вслед ей: «Здравствуй! Здравствуй, фиалка!» Он вкладывал сейчас в это будничное приветствие его первородное торжественное значение. Здравствуй! Будь не просто здоровой, но и счастливой! Торжествуй в жизни! Ему казалось, что и его жизнь замерла у грани счастливой перемены, и сделала это маленькая Дилдор.

Нежный и внимательный друг, она явилась к нему и взорвала безнадёжный ритм его жизни, той, что принято называть личной, как будто эта жизнь существует отдельно от всего, как будто без нее возможно счастье... А полное — оно во всем! Оно не делится...

Да он теперь!.. Он станет совсем другим — одна надежда изменит всю его жизнь. Завтра он уже будет пугать Зулейху деловой и мрачной монотонностью своего голоса... Ох, Зулейха, знала бы ты, какие у этой монотонности глубокие корни... Вот Дилдор догадалась, Дилдор поняла... Может быть, потому, что ей самой не сладко?

«Газик» подвозил Азиза к арке с надписью «Совхоз имени Султана Джурры»... Надо было поворачивать, а руки не хотели, не слушались, будто их подменили... В Янгире? Он молча спросил об этом свои руки, спросил себя. Конечно!

Сначала «газик» катился тихо и осторожно, но не приметно набрал скорость...

Перед глазами стояла Нафиса.

Глава десятая

НАФИСА

Если бы ее попросили назвать самого близкого на свете человека, она ответила бы в тот же миг: тетя Назира. Без колебаний. Без сомнений. И не только потому, что Назира Юнусовна приютила ее в тяжелый момент, протянула руку. Нет. Отчего сближаются люди?

Тетя Назира была не столько ласковой, сколько требовательной. Ого! Могла запереть ее в комнате и заставить заниматься, уводя от нее за руку Фируза. Сначала она потребовала, чтобы Нафиса поступила в Ташкентский пединститут заочницей, а теперь говорила: «Посидешь сдавать экзамены, с пустыми руками не возвращайся, не приму!» В качестве подарков ей нужны были хорошие отметки...

Может быть, в этой требовательности и была ее ласка?

И вдруг — поссорились.

Как все бывает неожиданно!

Поужинали сегодня рано, Фируз схватил свой трехколесный велосипед и выкатил на балкон... Их вечера проходили так: она занималась, тетя Назира читала, быстро вымыв посуду, позвонив тарелками на кухне, а Фируз крутился по всей квартире и по балкону на велосипеде, воображая себя то целинником, то космонавтом. Ему нужны были при этом зрители и собеседники, и он уже звал с балкона:

— Бабуся! Бабуся!

А они сидели в комнате, и тетя Назира рассказывала ей... Лучше бы этого не рассказывала!

Оказывается, она написала письмо в Шахристан, в райком партии. О том, какую непростительную обиду нанес своей жене Карим Ваккасов, какой это деспот дома и жулик на работе, не чурающийся воровства и взяточничества... Ей ответили, что письмо получено, и очень кстати, потому что делами Ваккасова, председателя районного сельпо, занялась специальная комиссия. На него — немало заявлений.

А теперь сообщили, что Ваккасов исключен из партии и уже не заведует сельпо...

Нафиса выслушала, опустив глаза, и не могла поднять их, когда тетя Назира замолчала. А подняв, сказала довольно резко:

— Я вас не просила писать!

— Та-ак, золотко,— протянула тетя Назира.— Обиделась на меня? Ну, это твое дело... А мое — делать черную работу, бороться со злом... Я тебя предупреждала... И — вот...

Она положила на стол квитанцию — из бухгалтерии сельпо перевели деньги. Нафиса молча спрятала ее в книгу.

— Можешь получать, а можешь и не получать,— сказала тетя Назира.— Жить тебе есть на что... И я люблю женщин, которые ни при каких невзгодах не роняют своего человеческого достоинства, но... вот что ты должна сделать непременно... Написать письмо матери... Где ты, что с тобой, как чувствует себя Фируз... Слышишь, горянка? Мать есть мать... А ты, я вижу, до сих пор — ни слова ей ни о чем... Иначе она сама сейчас же приехала бы сюда или хоть письмом ответила! Как же так?

— Просто,— сказала Нафиса, повернув голову вбок и глядя в стену.— Если бы я была нужна им, они меня как-нибудь оставили бы дома... Я им не нужна!

— Ах, вот что!— вскрикнула Назира Юнусовна, всплеснув руками.— Не нужна! Теперь ты мстишь! Мечь — мелкое чувство.

— Ну и пусть!

— Это вообще... А мстить матери!

Она встала и ушла, не дожидаясь ответа Нафисы и не в силах прибавить к своим словам еще что-то. Да и надо ли было прибавлять?..

В кухне она принялась мыть посуду и заставила себя думать о своих делах. В конце концов, у нее и своих забот полон рот!

Вот, например... В школе учатся дети пятидесяти национальностей! Да, не пяти, не пятнадцати, а пятидесяти! Родители сами выбирают, на каком языке учить ребенка — на узбекском или на русском. Но некоторые ребята усваивают одинаково трудно — и тот и тот. Одна учительница предложила, кроме дополнительных занятий, совместного приготовления уроков, обязатель-

но проводить и совместные игры. В игре дети смелее пользуются малознакомыми словами, быстрее запоминают их, а главное — легче, потому что делают это без всякого принуждения. Молодец учительница, наблюдательная. Кто это такая? Да Нафиса же! Тьфу ты, господи, никуда от нее не денешься!

Назира Юнусовна вышла на балкон к Фирузу — можно было поиграть с мальчиком, посмотреть на город, на деревья, на небо и отвлечься.

— Бабуся, пошли кататься в парк? — позвал Фируз.

— Нет, милый, — ответила она, погладив его по голове. — Сегодня, наверно, у нас прогулки не получится...

— Почему?

— Видишь, какое небо? Хмурое, сердитое... Как бы дождь не ударил!

К вечеру, в самом деле, небо потемнело от туч, которые шли с севера обвалом. Громадные, как горы, они разбухали на глазах оттого, что быстро приближались. Тополя начали испуганно шуметь и качаться...

Внимание Назиры Юнусовны обратила на себя сельская машина, остановившаяся у здания школы. С балкона было хорошо видно, как из нее выпрыгнул человек в гимнастерке и сапогах, однако на голове его была тюбетейка. Отслужил, значит. И в машине — никого больше. Шофер? Что он ищет, кого? Шофер расспрашивал о чем-то школьную сторожиху. Может быть, заблудился? Ну, сторожиха давно живет в Янгиере, все улицы знает, сейчас она ему объяснит...

Солдат в тюбетейке поблагодарил ее быстрым поклоном, приложив руку к сердцу, сел в свою машину и, странно, рванул назад, развернулся и подъехал к их дому, почти под балкон... Кто бы это, к кому?

И вдруг она вздрогнула — а если это Карим? Бывший муж Нафисы — Карим Ваккасов! Узнал ее адрес, которого не знал до сих пор, оделся поскромнее и — сюда. Лишит покоя, избыет, убьет, чего доброго! А кто виноват? Кто? Назира Юнусовна не успела проклясть себя, как зазвенел звонок над входной дверью в квартиру. И она поспешила ни жива ни мертва, чтобы опередить Нафису, прикрыть ее своим телом. Сначала ей даже показалось, что надо открыть дверь через цепоч-

ку, ведь в квартире — одни женщины и ребенок, но звонок так осторожно и робко всколыхнулся второй раз, что она рискнула открыть.

Она увидела близко человека, принятого ею за недавнего солдата и сегодняшнего шофера. Широкий лоб, чуть тронутое оспой лицо, добрые глаза... Где-то она уже видела это лицо, оно ей знакомо. Где-то встречала этого не очень молодого джигита... Здесь в Янгиере... Значит, это, слава богу, не Карим Ваккасов.

У Назиры Юнусовны отлегло от сердца, а джигит, растерянно топчась, спрашивал еле слышно:

— Я не очень поздно? Простите, мне так неловко... Здесь живет Нафиса Азамова?

— Нафиса? Да, здесь...

— Можно ее увидеть? Можно? — Он спрашивал нетерпеливей и настойчивей. — Мы — старые знакомые, из одного кишлака, из Фируза... Меня зовут Азиз Латипов, я из совхоза «Султан Джура»...

Тетя Назира от страха забыла про ссору с Нафисой, улыбнулась и крикнула:

— Доченька! К тебе пришли...

В комнате застрочила швейная машина, и Назира Юнусовна повторила погромче:

— Доченька! Нафиса!

...После неудачных споров-раздоров каждый успокаивается по-своему. Занятия не дались Нафисе, и она принялась шить. Давно уже взбрела ей в голову смешная мысль — восстановить то платье, в котором она бегала по родным тропинкам, среди гор Фируза. Немного бегала... Справила себе это платье перед возвращением Азиза из армии, со службы, в нем ждала его под ветвистым карагачем, когда он, наконец, вернулся... А потом... свернула, сунула, закатала...

Недавно попало в руки — красивое платье, голубое, в черную узкую полоску... Если отбросить лирику, сделать кое-что построже, с учетом минувших лет, скажем, воротничок — поуже, пуговицы поднять до горла, получится вполне приличный летний наряд. Лето близко, надо в чем-то ходить... Не так она богата на ряды...

Она померила платье, отпорол воротник и стала перешивать.

Так она и вышла к дверям — в том, памятном для

Азиза, платье, без воротничка, отчего шея ее сделалась длинной и грациозной, как у аиста.

Вышла и закрыла глаза.

В дверях стоял человек, которого она ждала из армии. И был он в солдатской форме, правда, выгоревшей и заношенной, но это был он. От нее не укрылось, что в черных вихрах над широким лбом блестела, серебрясь ниточками, седина, но, может быть, просто электрический свет виноват?

Азиз онемел. Он ждал, что увидит худую, изможденную, несчастную учительницу, в которой с трудом узнает свою Нафису. И чем труднее будет ему узнать ее, тем сердечней он ее пожалеет. Но вот к нему вышла Нафиса... И была она прежней, совсем прежней! Белорозовое, такой чистоты, что воздуху — и то нельзя прикоснуться к нему, самое красивое на свете лицо, синие глаза, не потерявшие ни капли своей яркости за эти годы, ее совсем девичья фигура... И платье! То самое... Нет, это все сон... Все сон! Или чертовщина какая-то! Однако глаза ее были живые, и они становились все холоднее... И голос ее прозвучал, наконец, — холодно:

— С приездом...

— Благодарю...

— Пожалуйста, пройдите в комнату...

Ни восклицаний, ни изумлений, и голос все такой же невозмутимо-холодный и чужой.

Она показала рукой на дверь, и Азиз вошел в большую комнату, по которой ездил на велосипеде мальчик, черноголовый, шустрый, он остановился и скорчил такую забавную рожицу незнакомому мужчине, что Азиз не мог не улыбнуться. А может быть, он все время глуповато улыбался и только теперь заметил это? Так или иначе он сказал мальчику:

— Привет, товарищ!

— Салют! — ответил мальчик куда гостеприимней мамы и тут же нажал на педаль.

— Как тебя зовут? — спросил Азиз, когда велосипедист объехал вокруг стола и налетел на его ноги.

— Фируз.

— Да-да, знаю...

Нафиса вопросительно взглянула на него, и он поспешил прибавить:

— Моя знакомая Дилдор, жена моего товарища... которая увидела вас недавно на Мосту любви... здесь в Янгиере... она мне сказала, что сына вашего зовут Фируз... Ну, я и приехал...

— На машине? — спросил Фируз.

— Да.

— А вы меня покатаете?

— Хоть сегодня! Если мама разрешит...

Мама молчала, стянув шаль со спинки стула и накинув себе на плечи, а женщина, открывшая дверь, позвала:

— Идем к Алику, Фирузджан... Мы побудем у соседей, доченька...

Она почувствовала, что этим людям нужно поговорить вдвоем...

А Нафиса стояла, прислонившись спиной к стене и скрестив на груди длинные и тонкие руки. Глаза ее спрашивали теперь определенной: «Зачем пришел?»

— Может быть, разрешите сесть? — пробормотал Азиз.

— Пожалуйста.

Он отодвинул стул, загремевший чересчур громко, как показалось ему, и сел, но тут же поднялся.

— А вы?

— Я постою.

— Может быть, мне уйти? — спросил он.

Она пожала плечами. Зажегся свет на улице, и в окнах дома через дорогу стали видны качающиеся кроны деревьев... Нафиса тоже зажгла свет.

— Дилдор вам, кажется, рассказывала, что я живу в совхозе, не очень далеко.

Нафиса смотрела на него, как будто отвечая: «Хорошо, рассказывала... Ну и что?»

— Во-от... Неожиданно для себя директором стал...

«Хорошо, директором...»

— Новую школу построили в совхозе...

«Хорошо, построили...» — он слышал сквозь молчание эти ее слова, угадывал их по ее глазам, и она, действительно, сказала:

— Очень хорошо... В городах ли, в кишлаках ли, в горах ли, в долинах дети должны получать образование и расти воспитанными.

В этот миг он почувствовал, что их разделяло рас-

стояние длиной в шесть лет. Это была и та и совсем не та Нафиса. Резвая девушка из горного кишлака и умеющая держать себя в руках женщина. Небо и земля!

— Ну да, конечно... — сказал он. — Я не о том... Все же удивительно, что здесь... где еще недавно... люди боялись ходить, потому что обжигали ноги... а у птиц сгорали крылья на лету... будут работать школы... и расти образованные и воспитанные дети...

Она по-прежнему была безразличной ко всему, что он говорил, и снова смотрела вбок, на балконную дверь, которая вздрагивала от ветра. Да, Нафиса была от него далеко, как за «китайской стеной».

— Удивительно, что мы с вами... имеем какое-то отношение ко всему, что происходит в Мирзачуле... и вот... встретились здесь! Почему вы уехали из Шахристана?

Она вся приподнялась, точно порыв ветра ударил в нее. И улыбнулась.

— Ушла от мужа.

— Уехали с Фирузом? Ай-яй-яй!

— Только не проводите со мной утешительных разговоров... Я не нуждаюсь в них! Душещипательные слова... Ой!

Она сказала это почти насмешливо, и он снова почувствовал пугающую безучастность, абсолютное безразличие к себе, сквозь которое, как ему думалось, так и не удастся никогда пробиться. И вконец оробел и растерялся. Где ему было понять в этом состоянии, что кажущаяся насмешка ее, стойвшая ей так много сил, и была главной приметой напряженности, и выдавала безразличие.

— Нафиса! — взмолился он, не заметив, что впервые за весь этот трудный разговор назвал ее по имени. — У нас не получается разговор... Почему? Почему мы не можем поговорить по-людски? Мы ведь не чужие!

— Чужие! — вскрикнула она, повернувшись к нему и глядя на него горящими глазами. — Хуже чужих!

— Нет, я не могу сказать этого про себя! — ответил он несдержанно громко и затряс головой. — Не могу! Шесть лет... Я прожил их так, что понял — жизнь не гладкая дорога, ее проходишь в поте лица... Жизнь —

тяжелая штука! Не всем это видно, у каждого свои ухабы но тем более каждый должен понимать, что и другому нелегко... Шесть лет! Поверьте, я прожил их в беспросветной тоске!

— Уходите!— Нафиса даже ногой топнула в ярости.

— Нет, я скажу одно слово... Одно слово... И уйду... Я вас люблю... До сих пор люблю!

— Уходите!— повторила Нафиса.

— И, наверно, буду любить всегда,— говорил он, не слыша ее,— хотя любовь, как и жизнь, не одни только радости... О, нет! Пока я знаю лишь одни мученья.— Он улыбался, невольно скрадывая этим горечь своих признаний и еще испытывая от них неловкость, которая оставалась, хотя случилось главное — «китайская стена» рухнула.— И все же люблю!

— Хватит, хватит!— замахала руками Нафиса.— Я уже поверила в это один раз, когда была дурочкой! В горах Фируза, под кроной векового карагача, около чистого источника... Этим словом вы разбили мое сердце!

— О чем вы говорите? Когда, чье сердце я разбил?

— Мое!— крикнула Нафиса, и в глазах ее сверкнули слезы.— Мое!

— Разве вы не ушли...— начал Азиз, но Нафиса перебила его, захохотав и размазывая ладонями слезы по лицу, как девочка. Так же она размазывала их, если ушибала палец о камень или наступала на колючку, когда они бегали есть тутовник...

— Ах, как вам было трудно!— сквозь смех проговорила Нафиса.— Я ушла с другим, а вы, бедняга, остались у разбитого корыта! Но разве вы не знали моего отца, не знали, что происходит? Разве вы хоть как-то боролись, сделали хоть что-нибудь, чтобы освободить меня от этой напасти? Нет! Я не ушла, меня продали, как скотину, увели, а вы дали увести меня!

— Я?

— Нет,— смеялась Нафиса,— не вы! Чтобы вызволить меня из беды, вы, как в песнях поется, бросались то в огонь, то в воду. Для песен это придумали, наверно. Надо же что-то петь! А самой любви нет... Я не видела...

Она сказала это грустно и тихо, а он качался на стуле, закрыв большими ладонями свое рябое лицо.

— Если бы вы позвали меня...— вспоминала Нафиса.— Я пошла бы за вами на край света, как в тех песнях поется. Я пошла бы! Я ждала... Но вы собрали пожитки и... удрали!

Да, с ее стороны это выглядело, наверно, так... Он, как трус, бежал с поля боя... Он смалодушничал... Только сейчас, когда уже ничего нельзя было поправить, он сделал для себя это открытие! Он опустил руки и спросил:

— Почему так вышло?

— Потому что вы думали только о себе!

— Нет,— жалко попытался защититься он,— каждую минуту я думал о вас!

— Может быть, такова современная любовь!— в последний раз усмехнулась Нафиса с издевкой.— Думать и бросать в беде. Меня устраивает любовь в старом понятии...

— Я... Мы...

Но она опять перебила:

— Я вас ненавижу!

Комок подкатил к горлу, и она взялась за него рукой, сведя пальцами шаль. Азиз смотрел на нее. Если бы можно было, он сказал бы ей, что, наверно, женщины хорошеют от ненависти. Ее большие глаза стали еще больше, румянец всюду разгорелся на щеках, которых не успел коснуться щедрый степной загар... Другие слова с трудом выпутались из него:

— Мы... не поняли друг друга... тогда, в Фирузе, там... Это страшно... Но еще страшнее, если и сейчас...

— Не мямлите! Перестаньте! Не выкручивайтесь!

— Нафиса!

— Я никогда не прощу вас!

Она стошла и распахнула балконные двери. И как будто ожидая этого, по всему небу ударила сквозная молния, и взрывной гром зарычал, повалил в рассеченную молнией пропасть гулкими ударами, распространяясь шире и шире. Новая молния располосовала густую темноту... Азиз испугался за Нафису, а она вдохнула полной грудью побольше этой опасной грозовой свежести...

Он еще многое хотел сказать ей... Он плохой, да, но

все же не такой, каким она его себе представляла. Он не хотел и не умел выкручиваться. Она его с кем-то спутала... Но как сказать, когда к тебе стоят спиной, и гром небесный снова все заглушает.

Он поднялся и тихонько двинулся к двери...

Еще была какая-то надежда, что она остановит его... Да, была! Только черт живет без надежды! Но она не стала его провожать, даже не оглянулась...

В машине он вспомнил, что ни слова не услышал о ее жизни, не узнал, почему она ушла от мужа, уехала из Шахристана... И сам себе ответил за нее: если бы захотел, мог давно узнать, как она живет. И все знал бы глубже и раньше, джигит!

Дождь ударил, как рухнул, когда проехал уже порядочно, где-то в самом конце пути. Толстые струи застучали по брезентовой крыше «газика», заиграли, как на хорошем барабане. Они косо рассекали лучи света перед фарами. Занятый своими мыслями, Азиз не сразу услышал, что в шуме дождя много странного сухого стука... И, всматриваясь и вслушиваясь, он с ужасом догадался: град!

«Однажды над черными полями одного совхоза неожиданно-негаданно хлынул весенний ливень. Его принесли быстрый ветер, быстрые тучи... Захлестало сильнее, чем из ведра!

Люди, понятно, заторопились спрятаться.

Укрылись под навесом полевого стана и два молодых тракториста, мокрые насквозь. Они потешались, выкручивали одежду, сушились, а ливень все хлестал...

Почевать трактористы, пригнув головы, побежали в поселок, так и не вернувшись к своему трактору, брошенному в поле. А когда с ярким солнышком пришли туда, трактора не было.

Увели, угнали? Куда? Никаких следов на утреннем поле. Где же трактор? Вот здесь оставили... Вчера был, а сегодня нет. Оглядывались. Но зря. Трактора не было и в помине. Громадного трактора со сцепом многолемешных плугов! Как провалился!

И когда пришло на ум это слово, подумали, не очень уверенно: а может, и правда, провалился? Хорошо представляю себе лица этих трактористов...

Поплелись с повинной головой в контору совхоза. Начальство вызвало специалистов и помощников из «Главголодностепстроя». И те...

Короче, трактор нашли. Вернее, достали, выволокли из-под земли, пригнав для этого один из самых мощных подъемных кранов. Никуда не делся он, трактор. Засосало его. За одну ночь. Бесследно.

— Яма, что ли, была под ним? — спросили у спеца трактористы.

— Никакой ямы.

— Земля тут слабенькая такая?

— Нет, крепче камня! — ответил спец и потопал ногой по высохшей на утреннем солнышке земле...

— А что же это?

— Мирзачуль...»

Глава одиннадцатая

ЦВЕТОК ХЛОПКА

Нормат-ака привык и любил просыпаться до рассвета. Всю жизнь он прожил как сельский труженик, который, как известно, солнце встречает в поле. И так в весеннюю алмазную прохладу, и в погожую летнюю пору, и холодной сырой зимой... Не говоря уже о белой осени, когда солнце белое, и небо белое будто отражают цвет созревшего хлопка, когда уборка, когда страда!

Одна привычка порождает другую. И он, заботливый семьянин и муж, привык к тому, что раздевался в коридоре, размещал на вешалке пиджак и брюки, рубаху и даже галстук, чтобы утречком, если можно назвать утречком часов пять, а то и чуть раньше, плотно прикрыть дверь в комнату и одеться здесь, никого не беспокоя, никому не мешая... Особенно с годами Нормат-ака следил за этим строго... Старики — они ведь любят и покашлять, и позевать с хрипом, со стоном, всласть...

Хорошо просыпаться рано!

Смотришь, как рождается день, как лучи вырываются взврос из-за края земли и все оживает, подает голоса, но самыми первыми — птицы, как будто раньше всех видят солнце и раньше всех вылетают из своих гнезд, чтобы встретить его песнями.

Ах, сколько птиц появилось в Мирзачуле!

Нормат-ака помнит те времена, когда на этой земле жили, кажется, только черепахи. А птицы — ну, разве степной орел залетит и покружится в высоте... И растает там... А сейчас появились горлинки — первый знак жизни. Если горлинка заворковала, будто водой забулькала, чисто и нежно, значит, жизнь пошла! Угнездились горлинки — угнездилась жизнь, скоро и воробьи пожалуют...

Он сказал это Азизу Латипову недавно, когда был у него в тридцать втором совхозе. Нравился ему этот молодой человек, сын давнего друга. Нормат-ака старался использовать любую возможность, чтобы навесить его. Какое утро было тогда, когда впервые он услышал, как заворковали горлинки в совхозе «Султан Джура»! Ясное, голубое... В то утро он, старый, оделся в светло-серый костюм, чтобы выглядеть помоложе. Новую рубаху надел, новые туфли, новый галстук. А что? Весной все обновляется! На цыпочках подошел к зеркалу, поставленному в коридоре, — увидел высоко-го, чуть ли не до потолка, честно говоря, немного полноватого человека. На груди блестела Золотая звезда. Великан улыбнулся ему, будто говоря: «Это не я, это ты!»

Майли, ладно! Нормат-ака тоже улыбнулся великану и надел на голову шляпу. Весна так весна!

Шофер, увидев его, застегнул воротничок, поздоровался и осведомился, куда путь держать?

— В «Султан Джуру».

— Хоп.

Белая «Волга» мягко покатила по асфальту... Все было безмятежно. Краснела восточная сторона неба. Ласково звучала музыка из приемника, включенного шофером. Доброе, прямо-таки праздничное настроение Нормата-ака укрепилось, когда пошли с Азизом вдоль хлопковых полей...

Пройдет еще полтора месяца, и хорошо напоенный и вскормленный хлопчатник окрепнет и зацветет. Да как зацветет! Белыми, розовыми, сиреневатыми цветами покроются кусты. Меняя окраску, они повторяют все многообразие солнечного спектра, впитывают его. Можете говорить что угодно, а он, Нормат-ака, знает, что на всей земле нет цветка красивее, чем у хлопчат-

ника. Может быть, поэтому цветок хлопчатника требует у человека столько сил, сколько не требует никакой другой, чтобы расцвести и дать свой плод?

Эх, был бы он поэтом, непременно написал бы стихи об этом цветке. О труде и радости дехканина-земледедца. О тишине, в которой стоит он на восходе солнца возле цветущего поля, замерев на миг от восторга перед этим зрелищем!.. Ведь настоящий крестьянин в душе всегда поэт.

Они с Азизом обходили поля, а к ним пристраивались, менялись разные люди, чаще — молодые. Запомнился симпатичный бригадир Тургунали, который «дома» тоже был хлопкоробом. Первые месяцы, а то и первые годы мирзачульцы продолжали называть домом места, откуда приехали, жили двумя домами — там и здесь... Там — воспоминания, здесь — будущее.

— Как «дома»? — спросил Нормат-ака. — Какие были успехи?

— В прошлом году взяли по сорок центнеров с га.

— А в этом году как, здесь?

— Даст аллах, возьмем по тридцать.

— А ты с ним хорошо знаком? Он добрый? — серьезно спросил Нормат-ака.

— Да, — так же серьезно ответил парень, — он мне обещал.

Оба не выдержали и рассмеялись.

— Все от нас самих зависит, — сказал Нормат-ака, — от наших глаз и рук. Ну, и голов, конечно. Глаза смотрят, голова соображает, руки делают... Выходы прекрасные, загляденье, а земля эта щедрее бога и щедрее старой земли... Она молодая, она еще не рожала. Поверь мне на слово, я не в порядке агитации говорю, поверь моему опыту... Я старый... А тебе сколько лет?

— Двадцать третий разменял.

— Женат?

— Женился после возвращения из армии, жена — Якутай, механик-водитель «голубого корабля» — сейчас увидите ее на полевом стане...

— Дети есть?

— Сын растет.

— Ай, молодец! Какой молодец! — восхитился Нормат-ака. — А то у нас в совхозе некоторым за трид-

цать, а они все еще без жен и детей ухитряются существовать! Не так ли, Азизбай?

Азиз вздохнул и улыбнулся за компанию.

Нормат-ака обежал глазами его ладную, широкоплечую фигуру, хотел еще пошутить, что такой джигит пропадает, но не стал, передумал. Что-то грустное удержало его... Ладный джигит, а старая гимнастерка, вытертая тубетейка, будто махнул на себя рукой... Ладно, в другой раз поговорим, сейчас — народ.

На плевом стане шустрая молодуха с родинкой на щеке угостила чаем. Это и была Якутай.

— Какая у тебя машина, доченька? — спросил Нормат-ака.

— Двухрядная.

— Сколько же соберешь на ней?

— Не меньше трехсот тонн, думаю.

— Как так! — весело удивился Нормат-ака. — Одна справишься с урожаем всей бригады? Ведь у вас две машины!

— И второй останется, — сказала Якутай. — Если снимем по сорок центнеров с гектара, то всего...

— Ах, по сорок! — перебил Нормат-ака. — Мне твой муж сказал, что по тридцать... Я не так посчитал. Извини. Вы уж дома договоритесь, все-таки — семья... Мы стараемся не допускать семейных разногласий! Ни-ни!

— Хорошо, райком-бобо! — пообещала Якутай.

— Молодцы!

Было радостно, весело... Поля чистые, красивые, жизнелюбивые, все в них играло, отзывалось — молодость, серьезный намек, шутка... Было хорошо, светло...

А теперь?

Град пронесся, прогремел полосой, главным образом над полями тридцать второго совхоза, у Азиза Латипова. Могли пострадать поля и соседнего, тридцать третьего, и даже наверняка пострадали, но это уже другой район, пока на него, честно признаться, не хватало душевной боли, сердце разрывалось и так! Думалось, как и чем помочь, что сказать людям...

Нормат-ака прикатил на поля «Султана Джуры» таким же ранним утром, в тот же ранний час, на той же белой «Волге», а все было другим... И вокруг, и внутри, как он говорил в таких случаях, под ребрами...

Добрая половина молодых ростков, безмятежно зеленевших вчера, обещавших окрепнуть и зацвести, полегла, чтобы не выпрямиться, не подняться... Поля были усыпаны листьями, потерявшими связь с землей и теряющими свою свежесть, свой дарованный природой цвет... Они безжизненно вяли. Ненадолго даровала она им весеннюю силу, силу жизни... Град сбил листья беспощадно, как бритвой, посрезал их. Вместо нарядных пышных кустов, которые Нормат-ака хвалил недавно, стояли голые крысиные хвосты... Был бы суеверным, сказал бы себе — сглазил! Поплывать бы на себя, оттянув воротник рубахи, тогда, тем утром... Не помогло бы! Это все она, Голодная степь... Мирзачуль, Мирзачуль... Это его сюрпризы...

Во многих местах не только пошибало беззащитные листья, но и перебило хрупкие стебли, ливневой водой их отшвырнуло, отнесло от корней, сгребло в мягкие мятые горки, словно в мусорные кучи... Мирзачуль, Мирзачуль...

Нормат-ака оторвал глаза от печальных полей, над которыми словно бы не злая непогода пробушевала, а справила свой пир стая дикой саранчи, если представить себе злачные поля после ее неотвратимого налета, и посмотрел на людей, собравшихся вокруг. Те же люди... Вон Тургунали... Вон Якутай, она плачет... Вот Азиз... Зубы стиснуты, губы сжаты... Все бледны — от горя и бессонной ночи. Под глазами синяки — да, они не спали, а что могли они сделать? Ни-че-го! Ладонями не прикроешь землю от града, полотно на десятки степных гектаров не натянешь... Ни-че-го! Горе!

Все же Нормат-ака нашел в себе силы и улыбнулся:

— Вот такой подарок преподнес нам аллах, Тургунали, твой хороший знакомый! А еще хвастал, что у тебя с ним добрые отношения.

Голос его звучал глухо, но это был живой голос в страшные минуты, когда казалось, что все убито. Это говорила живая душа... И люди повернулись к ней — все головы, все лица...

— Я еще не знаю, что делать, дорогие мои. До сих пор с такою бедой боролись одним способом... Пересеивали хлопок... Да, пахали и заново сеяли!

— Но ведь половина кустов стоит! Они целые! — вырвалось у Азиза. — И града может больше не быть!

— Даже без сомнений, не будет! — согласился Нормат-ака. — Мирзачуль, как джинн, на все способен, но и для него это редкость! Однако половина есть половина... А где-то и меньше половины... Мы же обещали — тридцать центнеров с гектара, а Якутай замахнулась и на сорок! Так, Якутай?

Будто бы постаревшая на несколько лет Якутай тряхнула головой, и слезы сорвались с ее подбородка.

А Нормат-ака говорил:

— Нам предстоит бороться не только со стихийным бедствием. Дело в том, что люди ополчатся против Мирзачуля, против этой земли. Скажут, она несчастливая, потому что безродная, такая и сякая, Голодная степь! А это неправда! Вот с чем нам предстоит бороться... Вот ради чего... И эта победа на много лет! Навсегда... Запомните, про жизнь можно сказать, что она сложная штука, очень сложная... А можно сказать — простая, потому что вся жизнь — это борьба за правду. Трудная, жестокая порой, но — за правду! Зацветет наш хлопок. Небывало зацветет! И это будет наша правда о Мирзачуле.

Он отвернулся от пострадавших полей, зашагал, обнял по пути Азиза и увел с собой.

— Где тебя застала эта гроза?

— Почти дома...

— Почему — почти?

— Я возвращался из Янгиера...

— К женщине ездил? — шутливо спросил Нормат-ака и потрепал его по плечу.

— Да, к женщине, — ответил ему Азиз так серьезно, что Нормат-ака озадаченно закашлялся. — Я не видел ее шесть лет. И вдруг узнал, что она в Янгиере... И поехал... И увидел...

— Понятно, — сказал Нормат-ака.

Ему, действительно, многое становилось понятней. Если не многое, то кое-что...

— Значит, с тех пор на ногах?

— Да.

— Было время подумать... Какие мысли?

— Я еще не продумал до конца. Не посоветовался с людьми... Разрешите не говорить пока, додумать?

— Ну что ж, думай... На крыльях любви совершался не один подвиг. Вечером жду тебя.

Случилось такое, страшнее чего и придумать было нельзя. Поля, его поля, которым он без остатка отдавал все свои силы, задолго до света поднимая людей на ноги и вывозя на вспаханные, засеянные, зазеленевшие просторы, отвоеванные у Мирзачуля, чтобы холить дальше, расчищать, поливать, кормить, его поля выглядели теперь, точно по ним прошли дьяволы, у которых слоновьи туши, изуродовали, искромсали, вытоптали...

Ахмаджан чувствовал себя так, будто они прошли по его сердцу.

В райкоме ему сказали, чтобы он срочно готовил технику к пересеву хлопчатника и поднимал на это народ. Никакой паники, она — худший враг. Работать, работать!

Готовь технику... Смешно! Кто ждал, что сейчас техника может потребоваться для сплошного пересева, для начала с нуля? Она находилась в таком состоянии, что хоть не смотри... А что он может сказать людям? Приунывшим, на все отвечающим горькими вздохами...

Раньше он знал, что говорить — в жизни крестьянина не бывает счета часам. Если крестьянин любит землю — он не уйдет с нее, пока не закончит всех дел, потому что душа его не успокоится. Спозаранку и до темна в поле — вот и вся тайна крестьянской жизни, именуемая возвышенно тайной земли. Впереди был урожай и все связанные с ним радости... Его личная победа. Ахмаджана. А теперь?

Без паники! Но он запаниковал сам...

Он был уверен, что урожай ответит на все вопросы, белым ураганом заметет, закроет недостатки и недочеты первого года... Да они и сами, эти недостатки, рядом с высотой белых гор на хирманах покажутся крохотными, осядут, растают... Забудутся. Он как бы разложил все свои заботы на две чаши весов и не сомневался: урожай перетянет! А теперь?

Строительство! Вот куда надо было перекинуть всю страсть и энергию... Это было реально. А урожай...

В то утро, когда Ахмаджан со всей очевидностью

понял это и нашел, как ему показалось, единственное, самой жизнью подсказанное верное решение, прикатил Азиз. Чего только он не наговорил, сумасброд!

В его колхозе надумали не пересеивать хлопчатник, а подсеять на изреженных участках вместо выбитого другой. Подсеять? Как? А вот — доморощенные мудрецы-конструкторы из местных механизаторов перестроили приспособление, которое обычно используют для подкормки растений во время их развития... Уже попробовали — семена ложатся на точном расстоянии, ровно, вторым, смежным с живыми ростками рядом...

— Приезжай со своими людьми, посмотри.

— Для чего это все? — с унылой безнадежностью спросил Ахмаджан. — Я не понимаю...

— Как? — не понял и Азиз. — Что ты говоришь? Обойдемся без перепашки — это во-первых...

— Будете подсеивать новое, до конца погубите старое! — засмеялся Ахмаджан. — Повредите корни... Невозможно не задеть!

— Постараемся поаккуратней.

— И не старайтесь! Чепуха! Чепуха какая-то! — разозлился Ахмаджан. — Погубите то, что пожалела, пощадила эта проклятая природа! Не пощадила, а не смогла погубить! Вы поможете ей. Авантюра!

— А что ты будешь делать?

— Что сумеем, перепашем, посеем заново... А что нет — стихия!

— Я уверен в своей идее, — настаивал Азиз. — Подумай!

— Ах, это твоя идея? — осклабился Ахмаджан. — И ты меня хочешь подключить, кандидат, чтобы потом ответить вместе? Хитро!

— Я приехал помочь тебе, — встав, сказал Азиз. — А ты... жаль!

— Хороша помощь! Помочь сломать голову!

— Прощай!

— Желаю тебе удачи! — насмешливо крикнул Ахмаджан ему вслед.

И, довольный, что сумел раскусить хитрый соблазн соседа, что не поддался ему, подхватил пиджак со спинки стула, натянул на ходу и вышел, чтобы сесть в «Жигули» и мчаться в поле. Его перехватила Дилдор, следом выбежавшая из дома:

— Куда, директор?
— В бригаду Ханкельдыевой.
— Очень кстати. Захватишь и меня.
— А тебе что там? — спросил Ахмаджан с досадой.

— Как? Я думала, и вы едете обеспокоенный... Уже узнали...

— Что? — закричал Ахмаджан.

— Не кричи хоть на меня! — попросила она измученным голосом.

Она говорила с ним на «ты» в двух случаях — в минуты искренней близости, как было только что, когда она сказала «Захватишь и меня», и в минуты разлада, когда сердилась, а это, увы, случилось гораздо чаще.

— Что я должен был узнать?

— Ханкельдыева заболела. Приезжал шофер на грузовике, сказал — вся горит, бредит...

— Дома?

— Нет, у себя на участке.

— Вот еще напасть! Еще одна радость! Что же это может быть такое?

— Скорее всего, сильная простуда. Очень сильная, злая. Стояла тогда несколько часов в грозу, под градом. Ревела и не думала о себе. Вот и все.

— Ну, если все, то быстро поправится, наверно?

— Нет, может поболеть! Может быть и воспаление легких...

Ахмаджан впервые выругался при жене.

Ханкельдыева была бригадиром. Недавний механик-водитель из-под Андижана, она приехала сюда работать не за страх, а за совесть. Не просто с комсомольским задором, а с сознанием своей ответственности. И он назначил ее бригадиром. Она, кажется, была единственной, на кого ни разу не повысил голоса, потому что все она делала тихо и как надо, слушалась его без возражений! А это он считал самым главным в хороших отношениях.

И вот — на тебе! Подвела!

Что же ты так подвела, Ханкельдыева?

Едва приехали на полевой стан, где еще не было ничего, кроме большой палатки и грязи, тоже большой, потому что земля набрала в себя так много воды, что не могла сразу просохнуть, Ахмаджан спросил:

— Где она?

Ему показали на палатку, и он побежал туда, и почти тотчас донесся оттуда его голос:

— Как же ты могла? Какой толк был стоять всю ночь под дождем, под градом? А? Достоялась! Нет, с вами голову...

Дилдор попросила его сейчас же уйти.

— Прекратите! Она все равно ничего не слышит, не понимает.

В самом деле, у нее была опасно высокая температура, но когда ее вынесли и усадили в «Жигули», она вдруг пришла в себя и спросила:

— Куда меня, доктор?

— В больницу.

— А как же хлопок?

— Правильно! — подхватил Ахмаджан. — Умница!

Но Дилдор коснулась ее руки и повторила:

— В больницу. Будет здоровье, будет и хлопок.

Из района вызвали машину «скорой помощи», и в ожидании ее Ахмаджан спросил у жены:

— Нельзя ли лечить лучшего бригадира дома?

— Если бы построили больницу, было бы где и дома лечить. А сейчас — нигде.

Ахмаджан вздохнул протяжно, но сказал одно слово:

— Построим.

А Дилдор покосилась на него в недоумении: никогда не угадаешь, раскричится он или улыбнется.

В машине им мешала Ханкельдыева, в конторе — другие люди, и они невольно вернулись к начатому разговору дома, за коротким обедом, Дилдор — для того, чтобы напомнить ему об этом «построим», поблагодарить и сказать, что вот же может он быть другим, понимающим людей и нужду, Ахмаджан, наоборот, чтобы обвинить жену в нежелании поддержать его, вылечить эту Ханкельдыеву здесь, у нее же есть комната, правда, там еще две девушки, но все можно было устроить, даже новую квартиру дать больной, в двухэтажном доме, который вот-вот закончат.

— Ты воспользовалась этой ситуацией с Ханкельдыевой, чтобы упрекнуть меня... «Если бы построили больницу!..» Где ты видела уже готовые больницы в новых поселках?

— У Азиза Латипова.

— Что-о?

— У Азиза.

— Ты была там?

— Да, была.

— Та-ак... А почему я не знаю? Почему я ничего не знаю об этом интереснейшем происшествии?

— Потому что не успела сказать... Днем поехала, а вечером — гроза... Тебе самому было не до меня. А потом — неужели я должна отчитываться перед тобой в каждом своем поступке, в каждом шаге?

— Должна! — Он погрозил ей пальцем. — Еще как должна!

— Даже если это связано со службой?

— Ах, у тебя в тридцать втором совхозе только служебные интересы и служебные дела? — язвительно спросил он и стукнул кулаком по столу.

— Пигмей! — сказала она и встала из-за стола.

— Что-о?

— Прости... Я хотела сказать, что ты ведешь себя, как ничтожество, как пигмей! Но ты ведь не такой, Ахмаджан? Я не могла в тебе ошибиться!

Она прижалась лбом к оконному стеклу и стала вытирать слезы. Он молчал. Долгая тишина тянулась в комнате. Наконец Дилдор почувствовала, как его рука легла ей на голову и несмело провела по волосам дважды. Оказывается, он давно подошел и стоял рядом.

Она рывком повернулась к нему.

— Видишь, ты же хороший!.. Почему же люди не любят тебя?!

— Где?

— У нас в совхозе... Не понимают... Опасаются...

— Мне трудно, — сказал он, подумав. — Я ведь новичок, а не бывалый руководитель... Люди — чужие. А ты почему не помогаешь? В колхозе председателя, Умара-ака, отправила в больницу, в самый тяжкий момент... Здесь — лучшего бригадира Ханкельдыеву... Я не могу один работать за всех!

— Умар-ака при смерти, — сказала Дилдор, подняв на мужа глаза. — Я получила сегодня два письма... от сестры колхозной поликлиники... и от сына Умара-ака. Нет надежды, что он поднимется... Вот.

Ахмаджан закурил.

— Что сделаешь? — обронил он печально. — Такова жизнь, как говорят французы. Придет час, и наши дети кому-то сообщат такое о нас...

— У нас и детей нет еще...

— Да, — жестко сказал Ахмаджан. — Детей нет... Есть одни ожидания... Ну, ладно! До сих пор главным был урожай, люди сердились, что я их не отпускаю с поля, а я...

— Урожай — это люди, — сказала Дилдор.

— А теперь я займусь строительством. Я налягу, наверстаю. Это будет лучший поселок в Мирзачуле! Вот увидишь!

— И строительство — тоже люди. А почему ты сказал про урожай — был?

Он усмехнулся, так что плечи подпрыгнули.

— Вряд ли что-нибудь удастся сделать в этом году... Сегодня ко мне приезжал Азиз Латипов, кандидат наук, гений хлопководства. Предлагал мне, чтобы я подхватил его глупость.

— Какую?

— А, ты все равно не поймешь! Важно, что я быстро раскусил его и выпроводил.

— А если ты не прав?

— Ну, знаешь! — снова вспыхнул Ахмаджан. — Еще ты будешь учить меня уму-разуму! Без тебя есть кому. Хватит!

И ушел, не закрыв за собой дверь, чтобы не получилось слишком громко. Останься он хоть на миг, опять бы сорвался, накричал.

И что это такое? Он действительно кричал на людей. Нервы? А может быть, нельзя было руководить без крика? Вот строительство... не досмотрел, не докричал, и плохо дело. Больницы нет... Самому известно, что это плохо, но как же не кричать?

...Сегодня он проснулся в поту. Голова болела, словно разламывалась. Страшный сон лишил его короткого ночного отдыха. Дилдор стояла на зеленом поле и кричала: «Если не справляетесь с обязанностями, сложите оружие! Какой вы директор? Пигмей! Пигмей!»

Фу ты! Ну и сон! Мысли путались... Он никак не мог сообразить, где находится. Вздохнул поглубже,

еще минуту полежал с закрытыми глазами и глянул в окно... Окно было почему-то очень большим и находилось очень близко, у самой кровати.

Ахмаджан вспомнил все сразу. Вчера он пришел поздно, за полночь, совещались, курили. Наглотался папиросного дыма. Дилдор спала, оставив ужин на плите в кухне, тщательно обернув его махровыми полотенцами. Он не стал разворачивать, не хотелось не только есть, но даже думать о еде. Напился досыта холодной воды из крана — и ладно. Желудок решил не тревожить, вышел на балкон, превращенный в веранду, стащил с себя сапоги и растянулся на койке.

Сейчас глянул на ручные часы, которые ночью забыл снять. Так и спал с ними. Половина восьмого. Для директора мирзачульского совхоза поздновато. А вскочить — нет сил... Зевается... И не сладко, а скорее горько — от слабости...

За стеклом балкона-веранды плывут свинцовые тучи, между ними иногда выглядывает диск солнца, красный, как при затмении. А тучи похожи на те, что принесли град, памятный майский град! Но это уже другие тучи, на дворе — сентябрь...

Сентябрь, а уборку хлопка еще не начали. Да она и не обещает ничего хорошего, давно ясно, что никакой славы не будет, зато школу построили и открыли вовремя, неделю назад... Дети нового мирзачульского совхоза пошли в школу, заниматься... Сентябрь! Как беспощадно, как быстро все же течет время, это время, главный людской враг.

И тут же вспомнилось, что школу открыли, а больницу еще не закончили. Из-за этого часто были стычки с Дилдор, но нельзя же все сразу! Хотя ему самому сегодня, кажется, понадобится больница.

Саттар-ака из заместителя по строительству превратился в простого экспедитора, то исчезает на день, чтобы вернуться с машиной кирпича, то ищет мастеров, дальше у него руки не доходят... Или ему, бедняге, надо экспедитора найти или искать себе нового зама, а его сделать экспедитором, благо, что знает все маршруты...

Пока «гнали» школу, Дилдор сама облачалась в комбинезон и работала с малярами. Это, правда, торопило строителей, действовало им на совесть, прибавля-

ло прыти, но ему, в конце концов, пришлось предупредить Дилдор и круто:

— Больше не подходи к стройке!

— Почему? Я врач и хочу, чтобы и школа, и больница...

— Не срами меня!

Она никак не могла взять в толк, чем она срамит своего мужа, если работает на стройке, когда есть свободных два-три часа...

А едва высохла краска на стенах двух комнат, Дилдор с помощью сестры и санитарки, принятых ею на работу, навела там порядок и стала принимать в них больных под вывеской «Поликлиника». Правда, еще картонной, но все же вывеской. Приехавший из района инспектор здравоохранения сердился, что поликлиника работает в незаконченном здании, и грозил закрыть, но Дилдор довольно грубо сказала ему:

— Лучше помогите закончить строительство здания! — и послала к директору.

И что ей больше всех надо, Дилдор? Что за корысть, как говорится? А есть ли бескорыстные люди? Нет, наверно... Впрочем...

Вдруг вспомнился далекий сад Рахима-бобо и сам старик, не взявший ни с него, ни с Азиза ни копейки за то, что они прожили у него несколько недель...

Дед считал, что если ему помогут работать в саду, то этого достаточно...

Вспомнился дед, вспомнилась музыка чигиря, трудолюбивого колеса с черпалками, и стало грустно... Как было тогда все светло, ясно, впереди рисовались только удачи. Жизнь идет и проходит. Иные говорят — незаметно, а он, Ахмаджан, замечал. Может быть, зря предупреждали его, как быстротечно время — единственное, что не останавливается никогда, в дни радости и в дни горя, оно идет... Равнодушно и безучастно, оно идет... И проходит безвозвратно. Что не успел, то уже не поправишь...

Лучше бы не следить за этим.

Но, может быть, если его нельзя терять, то нельзя и обгонять, как он пытался все эти годы изо всех сил?

Поскольку он не мог ответить себе на этот вопрос, Ахмаджан поднялся. Потянулся... Нет, на зарядку не хватало сил. Аллах с ней! Лучше долго, до охлажде-

ния, подержать голову под краном. Лето было злойное, выпарило, высушило и людей, и поля. А телерь опять ползли свинцовые тучи... Сентябрь!

В доме — тихо... Дилдор давно ушла. Ее красные тапки — под диваном, будто бы она не разбирала постель, тут же уснула и отсюда ушла на работу. Ох, жизнь!

В кухне он нашел завтрак, завернутый в свежую салфетку, но не стал разворачивать, как и вчерашний ужин, а согрел и выпил чаю, иронически заметив про себя: «Ни тебе блаженства во сне, ни тебе сладости в еде». В висках беспощадно стучало. Он задумался — когда они хоть чай-то пили вместе с женой? Давно! И вдруг подумалось, что он понял, в чем дело, отчего так худо на душе. «Когда дома нет согласия, все стальное — результат этого». Но ведь он любил Дилдор. Ему так захотелось увидеть ее сейчас же, что он быстро зашнуровал ботинки, выбежал из дома и зашагал к поликлинике. К ней можно было безошибочно пробежать по пыльным улицам с закрытыми глазами — кровельщики на весь поселок лязгали там железом. Их деревянные молотки, казалось, стучали даже не на весь поселок, а на весь Мирзачуль!

На скамейке у здания будущей больницы, где приткнулась нынешняя поликлиника, сидело довольно много народа: бородатый, внушительного вида старик, русская женщина с девчушкой, у которой распухшая щека была обвязана пуховым платком, круглоголовый мальчишка... Больные? Все к Дилдор?

Впервые он подумал, что она врач. И о том, как много значит для людей ее работа, как важна, необходима для всех них его Дилдор! Острое, мучительное чувство — он не знал, как назвать его — пронзило все существо. Это была тоска... Это была признательность... Это была любовь, умноженная на гордость за нее.

Может быть, он помешает ей?

Но все-таки он муж, и к тому же дико стучит в висках... Он тоже болен.

Сестра с миловидным лицом кипятила шприцы в стальной, блестящей посуде, за дверью, которую он открыл.

— Дилдор у себя?

— У себя, товарищ директор. Вы присядьте, пожалуйста. У нее на приеме больной.

В окно, около которого он присел в коридоре, было видно, как у школы гоняет детвора. Наверное, перемена... Быть бы малышом, как они, побегать бы там, поноситься беззаботно, улыбаясь, он стал вспоминать свои перемены, когда из-за двери выглянула Дилдор.

— Здравствуй,— сурово сказала она.— С чем ты?

Он улыбнулся и ответил:

— Заболел.

Она чуть заметно изменилась в лице:

— Заходи, пожалуйста.

Пока она мыла и вытирала руки, он любовался ею, сидя в ее кабинете, у стола, с которого свисал узкий шланг аппарата для измерения давления. Она повесила полотенце, подошла и спросила:

— Много выпил, что ли, вчера?

С некоторых пор он позволял себе это, даже держал бутылочку в своем рабочем столе — для одного себя. Отрываешься, забываешься... Можно ли все время думать о делах, о жизни? Глоток для души, это как школьная перемена...

— Что ты, совсем нет!— И спросил, беря себя в руки: — Откуда ты взяла, что я балуюсь? Приснилось?

— Покажи язык!— жестко приказала Дилдор вместо ответа.— Раздевайся...— И все же в ней заговорила жена, когда она заметила: — Рубашка у тебя не свежая... Все чистые и выглаженные рубашки висят в бельевом шкафу.

Он пришел мириться и ждал минуты, чтобы она смягчилась. Но как раз тут и не нашлось какого-то одного, самого простого и нужного слова, а она уже казенным голосом спрашивала.

— Как стул?

И он рассмеялся легко и добродушно:

— Ты спроси лучше, как постель?

— Как сон?— тем же тоном спросила она.

— Никак!— ответил он, чувствуя, что сейчас взорвется.

Она открыла шкаф с белым матовым стеклом, похожий на сейф, достала коричневый флакон и протянула ему.

— Вот, будешь пить... по тридцать капель... Должно помочь. Пить утром и вечером...

Он повертел флакон в руках. «Экстракт эллеутерококка»... Какое мудреное название, и не прочтешь сразу. И еще раз с удивлением посмотрел на Дилдор — знает же.

— Все?

— Пока все,— ответила она.

— Дай мне лучше обыкновенных таблеток от головной боли!

Надо было ехать к механизаторам, смотреть, как они готовят комбайны к выходу в поле. Вчера он не застал одного ремонтника на месте и обещал оторвать ему голову. Посмотрим, как сегодня у них дела. И если потребуется, действительно, поотрывает головы. Всем! Со дня на день должна начаться уборка. Машины выйдут, но главная надежда на людей... да, увы на ручной труд... Созревание позднее, неравномерное... морока! Хоть бы приехало горожан побольше! Из райкома обещали — пострадавшему хозяйству должны помочь.

Он со стуком поставил злосчастный пузырек с настойкой этого самого эллеу... как его... на стол и спросил, еле удерживаясь от крика:

— Есть тройчатка?

Дилдор положила перед ним таблетки.

Он схватил их и выскочил из кабинета, не сказав больше ни слова.

Глава тринадцатая

МАТЬ

Так же, как знойный ветер сушит живое дерево, сердце матери изводит горемычная жизнь детей, раньше времени превращая осень в зиму. Люди, которые год назад хвалили тетушку Мехри за бодрый вид, сейчас не могли узнать ее. Она всегда целыми днями не присаживалась, работала, хлопотала и все же была и подвижной, и веселой.

Но горе дочери состарило ее.

Прошлой осенью, когда выяснилось, что дочь не

доехала до мужа, пропала вместе с маленьким сыном без вести, Азам-ферма мучил и допрашивал жену бесконечно. Она уверяла, что сама ничего не знала и не знает, достаточно посмотреть на нее, чтобы поверить в это, а он не сомневался, что это Мехри уговорила дочку бежать, скрывает их где-то, и требовал немедленно сообщить им, чтобы они возвращались в Шахристан.

Допрашивал он и шофера. Тот твердил, что Нафиса с сыном сошла в Шахристане, объявила, что пойдет домой пешком, а куда они потом исчезли — неизвестно. Откуда ему знать! При последнем разговоре с шофером Азам-ферма схватил палку...

Но, как водится от века, палка в таких случаях ломается на голове жены.

Так началось со дня, когда Азам встретил на уратепинском рынке своего зятя Карима и услышал от него, что Нафисы нет дома. Карим думал, будто Нафиса задержалась у родителей, а узнав, что она провела в Фирузе всего одну ночь и теперь невесть где, тоже пришел в бешенство.

Мехри плакала. Новые морщины пролегли по ее лицу, согнулись плечи, точно она стала ниже ростом. Глаза выцвели, в них остался один слезный туман, и похудела до того жуткого вида, про который говорят: кожа да кости.

Мехри сама разговаривала с шофером и, когда он сказал, что дочь с внуком вылезли из машины около реки, запричитала: утонули! Стали искать через милицию, окрестные больницы объездили, и все без толку. Азам-ферма, исподволь поверив, что жена ничего не знает, стал ее успокаивать: не прошлые века — всюду люди, милиция, телефоны, так сказать, служба связи, вполне совершенная, помимо родственников, а человек — не иголка, способная потеряться в стоге сена... Найдется Нафиса! Станный он — Азам-ферма. Может вздохнуть и пожалеть, а то ведь кажется совсем бесчеловечным!

Мы с тобой, дорогой читатель, можем согласиться с тетушкой Назирой и осудить Нафису за то, что она не пощадила мать, не сообщила ей о себе, не известила хотя бы об одном: я жива и здорова. Но попробуем понять и молодую женщину, у которой так началась жизнь и которая отважилась изменить ее, выправить—

сама, одна. И дело совсем не в том, что где-то в глубине души она ожесточилась против всех людей, не только против Азиза. А в том, что боялась не устоять, уступить слезам матери, боялась, что ее разыщет Карим, узнает адрес у тещи или Азама-фермы, который если не выведает этого адреса у жены, так выбьет... А придет в Янгир Карим? Тогда что? Все начнется сначала... Все зря... Нет, уж лучше молчать. Рвать так рвать...

Между тем, до Фируза дошли новые слухи, что Карим снят с работы и даже исключен из партии. И опять взревел, забушевал, как бык, приутихший было Азам-ферма.

— Твоя несчастная доченька всех сделала несчастными!

Будто это не его доченька и будто не с него началось несчастье Нафисы. «Бедная наша Нафисой!» — думала мать днем и ночью и таяла, как свеча.

А на пороге Фируза в ту пору уже стояла весна.

Здесь, в горах, она бывает тревожной. Нынешняя весна грозила быть такой — лили дожди, блистали молнии. По всему чувствовалось, что где-то в горах, подсебно пороху в бочке, накапливается сель — страшный поток с камнями, который вдруг срывается с высоты и катит вниз, разрушая и сметая все на своем пути.

Вот уже три дня, как весь Фируз, подятыи правлением колхоза, пытался предупредить опасность. Рыли отводной канал для селевой воды, экскаваторы кивали длинными шеями, бульдозеры подкатывали к запрудам земляные валы, мастера вязали сипай — трехногие опоры, а машины и подводы, нагруженные камнями, галькой, прутьями, подвозили их к месту работы.

Фируз опустел.

Азама тоже не было дома, он поднялся в горы и там организовывал временную ферму, где бы мог на время села укрыться колхозный скот.

Тетя Мехри, с одной стороны, отдыхала от мужа, с другой — не могла найти себе места в одиночестве. Большой дом мог сравниться только с тюрьмой. А сад с пустыней.

Ах, если бы жила рядом соседка Нигор!

Но перед самой свадьбой Нафисы соседка, с которой они девочками знали и дружили, росли вместе, ука-

тила с сыном в степные края, куда-то в Мирзачуль. Как вспомнишь Азиза, так встает перед глазами и Нафиса. Как они подходили друг к другу! Так нет же... Не судьба! За что ты пошел против них, аллах?

А ты, Мехри? Тетушка Мехри спрашивала себя об этом и не могла ответить. За что она пошла против детей, против дочери и Азиза? Она всегда желала им счастья и даже сейчас мысленно называла детьми. Мало только желать счастья, за него нужно уметь и постоять, если приходится. А ты? Восстала против Азама? Правда ты и подчинилась ему для счастья дочери, как тебе казалось, но видишь, какое вышло это счастье? Мехри осуждала себя, не боясь этих мыслей — диких мыслей о том, что она должна была восстать против воли мужа. И от того, что думала она об этом без страха, другая мысль отчетливо прояснилась и поселилась в мозгу: это все, жизнь моя подходит к концу.

С этой мыслью, как тень, бродила она по саду, обламывая сухие веточки на деревьях, потому что тетя Мехри принадлежала к женщинам, которые и конец жизни встречают за работой. Вдруг раскрылась калитка, и во двор вплыла еще больше расплывшаяся Ханифа, жена табунщика, известная в Фирузе сваха.

— Кто есть дома? — на весь свет спросила она звонким голосом, будто запела. — Тетушка Мехри! Где вы?

Мехри молча вышла из-за деревьев. Седые пряди упали ей на глаза, но она и не поднимала их. Она и так узнала Ханифу, к которой не имела почтения — ведь эта Ханифа сосватала Нафису за Карима.

— А ну, выкладывайте подарочек! — улыбаясь всю свою толстую физиономию, потребовала Ханифа.

— За что? — И Мехри схватила ее за руку. — Доченька нашлась?

— Сначала подарочек несите! Открывайте сундук!

Ханифа повернулась и, качаясь на пудовых ногах, пошла к веранде. Но тетюшка Мехри обогнала ее, зажгла свет на веранде и в комнате, свалила с сундука высокую стопу одеял и откинула крышку.

— Хоть она здорова? — спрашивала Мехри, роясь в сундуке.

Ханифа помалкивала.

— Вай, что вы там копаетесь? — крикнула наконец она.

И тетушка Мехри почти тут же приблизилась и положила на ее мягкое плечо кусок блестящего атласа.

— Вот тебе подарочек, дорогая Ханифабану, добрый атлас, достойный тебя, маргиланский. Говори!

Ханифа прижала атлас к груди.

— Живы и здоровы. И она, и Фируз. Так-то!

— Кто сказал? Кто принес тебе эту весть?

— Кто-кто! Конечно, ваш зять Карим! Хватит вам этого или хотите от него услышать сами?

— Хочу, хочу!— заторопилась Мехри.

— Идемте тогда,— ответила Ханифа, останавливаясь на ступеньках веранды.— Он вам тоже два словечка хочет сказать.

Мехри так и пошла за ней, как была, в старом платье, не потушив света ни в комнате, ни на веранде. Еле хватая воздух ртом, спотыкаясь о камни, спрашивая:

— Почему же Карим сразу не пришел к нам в дом?

— Потому что не хочет. Дочка ваша в райком написала. Дрянь!

— Сама написала?

— Еще хуже! Директор школы, где она работает, настроил донос! Вот как! Спелась, видать!

Мать только подумала: в школе работает, молодец, какая молодец... Но для вежливости спросила:

— А Карим как себя чувствует?

— Как?— возмутилась Ханифа.— Довела она золотого, можно сказать, человека до белой горячки!

Когда вошли они во двор табунщика, Мехри увидела Карима. Он лежал во дворе на супе. Развалился, облокотившись о две пуховые подушки. На низком столике перед ним чего только не было! И конская колбаса — казы, и холодная баранина, и капуста, соленые огурцы и, конечно, бутылка коньяку, уже опустошенная до половины.

Тетушке Мехри на все это было наплевать, пусть спивается.

Она смело подошла к Кариму и спросила:

— Где мои дети?

Карим пьяно поморщился и гаркнул, не вставая:

— Изменница твоя дочь!

Бывает так, что самый терпеливый человек не выдерживает больше и взрывается. Одной капли достаточно, чтобы переполнить чашу. Чуть-чуть стоит дотянуть

струну, и она лопнет. Что-то похожее случилось и с тетусшкой Мехри.

— А ну-ка, встань с места, негодяй!— ответила она.— Встань, когда говоришь с человеком постарше тебя! Ублюдук!

Карим довольно живо поднялся, сел и заворчал, поправляя сползающую на лоб тубетейку:

— О-о, не слишком ли!

И Ханифа тут же елеиным голосом обратилась к тетусшке Мехри:

— Простите Каримджана, он выпивши. Совсем малость... Садитесь, тетусшка Мехри, вот на этот стул, мягкий. А вы рассказывайте, Каримджан! Посмотрите, какой хан-атлас подарила мне тетусшка Мехри на радостях... Она рада! Рассказывайте, джигит!

Тетусшка Мехри понимала, что этот бессердечный «джигит» был причиной всех несчастий ее Нафисы, да и ее самой, но за одно слово о дочери она и его была готова щедро отблагодарить. Поэтому она замолчала и села, ожидаяще уставившись на Карима, как бы требуя взглядом: «Ну, выкладывай!»

Чувствуя, что теща все еще не на шутку сердится, Карим спрятал от нее глаза и раза два глотнул холодного чая из пиалушки.

— Где она?— спросила Мехри.

— В Янгире... Оказывается, не захотелось ей жить в устроенном доме, потянуло в степь!

— А работает она кем?

— Учительницей... В первой школе,— выдал из себя Карим.

— Слава аллаху!— с облегчением вымолвила тетусшка Мехри, вздыхая, и попыталась встать.

— Сидите!— вскакивая, схватил ее за плечи Карим и так сильно придавил к стулу, что сейчас же сложил ладони козырьком и извинился.

— А чего мне сидеть? Только помешала вашей компании. Пойду...

— Нет!— Карим нервно забегал перед дверью.— Еще можно было помириться... Так ваша Нафиса попала под влияние какой-то язвы! Та письмо в райком наката... Я послал деньги для сына, а Нафиса вернула квитанцию! Вот! Квитанция, видите? А меня с работы, из партии выгнали! Ну? Если бы не эта язва, эта дирек-

торша, накрытый котел остался бы накрытым! А теперь? В грязь меня превратили! Видите, что натворила ваша дочь?

Он еще что-то кричал, разоряясь о том, что ему плохо, проклиная Нафису, но тетушке Мехри было все равно, что с ним, она не радовалась и не огорчалась, не волновало ее и то, что он проводит время у Ханифы, недаром, видно, считавшейся в Фирузе кокеткой. Дочь и внук были живы и здоровы. Есть ли большее счастье? Она встала и направилась к двери, отстранив Карима рукой. Оглянулась на миг и посоветовала:

— Языку своему воли не давайте! Свалились с коня, а вам кажется, что все еще сидите в седле! И у нас не показывайтесь. Я вас не пущу. У города бывают ворота, а у ворот замок. Знайте!

Мехри пересекла веранду и пошла к калитке.

— Я поеду в Янгьер! Отниму у нее сына! — кричал вслед ей Карим.

А она думала: если может, пусть хоть землю перевернет вверх дном, а мальчика не получит! Не такая Нафиса, чтоб отдать ему сына. Как отдал ее самою Кариму родной отец. Эх, Азам, Азам! Не зря тебе дали кличку: Азам-ферма! Нет у тебя сердца, какое может быть сердце у фермы? Отдал дочку жулику и плянице, у которого деньги завелись... Выбрал жениха! А она не хочет отдавать ему жизни.

Мехри шла и понимала — Нафиса сделала то, что она сама сделать не смогла. Выпрямилась! Избавилась от грязной скотины.

Впервые за эти дни Мехри заметила весну. Горный воздух уже нес в себе ароматы трав и цветов, пусть еще робкие, но ощутимые. Улица была залита светом звезд, рассыпанных и блестящих в близком небе. И не хотелось больше ни думать, ни рассуждать о Кариме и Азаме-ферме.

Мехри перенеслась мыслями в Янгьер. Знакомое название... О аллах! Это же о нем по радио часто сообщали, когда Мехри еще вслушивалась в слова, доносившиеся из репродуктора. А что говорили? Что туда едет народ, что там строят и строят. Янгьер стал казаться ей самым хорошим городом на земле...

Ослабевшее сердце вынудило ее раза три останавливаться, пока она добралась до дома. Едва переступив

порог, она сразу же включила радио. Сейчас скажут о Янгиере! Час и два сидела возле репродуктора тетушка Мехри, но о Янгиере ничего не говорили, ни слова. И ей стало ясно, что не вынесет она своей тоски, бескрайнее желание видеть своих детей наполнило ее сердце, и она встала и начала собираться. Со слезами на глазах рылась она в сундуках и шкафах... Она же должна была явиться в Янгиер с какими-то подарками...

Азам в горах. Вернется на днях, а ее нет. Конечно, скандал он устроит такой, каких еще не было, что жена уехала без спроса. Но для Мехри теперь и это не имело никакого значения.

Ехать, ехать! Есть автобусы, есть железная дорога... Довезут! Голодная степь? Ну и что? Живут же там люди! Если и неправду говорили по радио про Янгиер, если приукрасили, какая разница? Ехать!

Наутро Мехри пораньше вышла из дома. На голове она несла объемистый узел. Быстрыми шагами направилась она в сторону большой дороги и была рада, что ее никто не встретил в кишлаке. Зато на дороге появилась большая машина... Сначала Мехри услышала шум грузовика и, конечно, испугалась, что это Азам-ферма догоняет ее. Сердце ушло в пятки. Мехри сошла на обочину дороги. А грузовик, нагруженный до самого неба сеном, прокатился мимо нее, и незнакомый шофер, должен быть, из соседнего колхоза, не обратил на старую женщину с узлом на голове никакого внимания.

Мехри шла, обливаясь потом, несмотря на прохладу. Рассвело, звезды гасли одна за другой, будто какой-то рачительный хозяин выключал их в небе, как электрические лампочки. И когда потухла последняя звезда, мать уже сидела у автобусной остановки на скамейке, устало облокотившись о свой узел.

На дороге долго было тихо. Мехри оглядывалась. Клочки облаков бесшумно двигались в небе, задевая за снежные вершины. Далеко-далеко, из-за черных камней, выглядывал кончик луны. И звезды, оказывается, не все погасли. Вон там... над вершиной.. под голубеющим куполом неба, взлетев, сияла утренняя звезда Зухра...

Легкий шум катящихся колес коснулся чуткого уха матери. Обернувшись, она стала всматриваться в

дорогу. Но там ничего не было видно, кроме глыбы темных камней, омытых дождями, потом возле них, на повороте высокой дороги, возникла машина, которая слишком медленно катилась вниз, будто парила, как орел парит кругами... И все же мать заранее вышла на середину шоссе и подняла руку.

Легковая машина подкатила и остановилась. Шофер, сидевший в ней, был весь в кожаном, как летчик. И тетушку Мехри это нисколько не удивило и не смутило, потому что до сих пор и машина была похожа на летательный аппарат.

Русский парень опустил стекло своей машины-самолета и спросил:

— Куда вам, мамаша?

— В Янгиер, сынок... В Янгиер,— повторяла тетушка Мехри, а он сидел и думал.

— Это ведь такси, мамаша,— сказал наконец шофер.— Знаете, что такое такси?

Тетушка Мехри быстро покивала головой.

— Дорого будет,— предупредил шофер.— Хоть и по счетчику, а не близко.

— Пусть, пусть,— говорила Мехри, взмахивая рукой.— Пусть!

— Ну, садитесь.

Шофер помог ей открыть дверь, потом вылез и уложил узел в багажник.

— Дочка у меня больна, ездил к другу в горы, за яблоками,— сказал шофер и тронул.

— Вы добрый человек,— сказала тетушка Мехри.— И аллах даст здоровья вашей дочке... А я дам яблоко,— и она протянула яблоко, которое приготовила для Фируза и держала поближе.— Самое горное, лучше нет...

Яблоко было крупное, багрово-алое, шофер взял его и поблагодарил.

— А моя дочь в Янгиере,— сказала Мехри.— И внук. Еду повидаться.

— Порадуетесь, мамаша.

— Откуда знаешь?

— Так я вот больную увидал, и то радостно. Всегда это радостно — увидеть свое чадо. Да еще внук... Жизнь такая быстрая, суетливая, крутишься, крутишься, а чтобы приехать, погостить, времени нет... Никак

не выберешься... Все планировал, планировал, откладывал, откладывал и дождался... И время нашлось.

Он улыбнулся и вздохнул одновременно.

То ли он хотел скрасить путешествие и все рассказывал о себе, своей работе и жизни, то ли просто давно не имел хорошего слушателя, которому некуда было торопиться, поскольку вместе ехали, а быстрее машины не побежишь, но дорогу Мехри перенесла без утомления. Думала, придет едва живая, а чувствовала себя помолодевшей. Большие дома поднялись в степи, по бокам от машины, и шофер сказал:

— Ну, вот и Янгиер.

— Это? Это Янгиер?

— Он самый...

Зеленые деревья, нарядные люди, весеннее солнце... А высоким домам не было конца...

Шофер остановился, опустил стекло, поговорил с прохожим. Поехали дальше.

— Найдешь, сынок? Не заблудишься?

— Не волнуйтесь, мамаша. Мы уже почти приехали.

Почти! Приехали! Мехри, казалось, услышала, как гулко застучало, заколотилось собственное сердце. Приехали!

А машина пересекла канал по мосту с ажурной белой оградой и замерла возле дома с табличкой: «Школа № 1».

Шофер сказал:

— Все.

Мехри полезла за деньгами, заковырялась, но шофер остановил ее:

— Потом, потом! Сейчас я помогу вам, все разужнаю и, может быть, еще подвезу. Сделали такой большой путь, одолеем и маленький.

Он вошел в школу и вскоре вернулся, жестом показав, что все в порядке. Дорога к дому Нафисы и впрямь оказалась маленькой, короткой...

...Перед дверью с номером, подсказанным шофером, Мехри замерла. Доносилась музыка: радио играло и пело. В эти звуки внезапно ворвался голос Нафисы:

— Мой руки, чертенок! И за стол! Сколько повторять?

И мать надавила на кнопку звонка.

Открыла дверь Нафиса, свет коридорной лампочки падал на нее сзади, и мать никак не могла рассмотреть лица. А может быть, от слез — они набежали сразу, и все затуманилось...

— Мама! — еле прошептала Нафиса и умолкла.

Ошеломленно стояли они — без слов, без движения. Мать вытерла глаза. Нафиса показалась ей непривычной, другой... Европейское платье обтягивало ее высокую и тонкую фигуру, две толстые косы были скручены на затылке. Как она повзрослела! Где девичье платье до пят, сорок косичек за плечами? Где они? Где амулет в косичках, который ей всегда вплетала материнская рука?

— Мама! — повторила Нафиса.

И Нафисе мать тоже показалась совсем другой. Белая, как лунь... Хотя волосы спрятаны под марлевый платок, но все равно видно, какие они... Лицо сложено из одних морщин... Сгорбленная старушка стояла перед ней. И она бросилась к этой старушке, обняла, прижала к себе.

Тетушка Мехри заплакала в голос, обнимая дочь.

— О аллах! Оказывается, можно с тобой увидеться, доченька! А ты-то... ты-то... Не хотела меня видеть? Забыла?

— Простите мамуля, — отвечала Нафиса, глядя костлявую спину матери. — Не было у меня другого выхода. Простите! Я так счастлива, что вы здесь!

На их плач и голоса из комнаты вышла немолодая полная женщина и остановилась в коридоре поодаль, чтобы не мешать им. Но Нафиса услышала ее шаги и повернулась к ней.

— Познакомьтесь, тетя Назира! Приехала моя мамуля! — Она глазами показала матери на тетю Назиру. — А это моя духовная мать. Ее зовут Назира Юнусовна! После тебя она — второй такой же дорогой мне человек!

Женщины подошли друг другу и обнялись.

— Омонмисиз?

— Эсонмисиз?

Они обнимались и спрашивали: «Как здоровье? Как поживаете?» точно так, как обнимаются и спрашивают друг друга о жите-бытие все добрые женщины на разных языках.

Из комнаты выскочил Фируз в рубашонке со скошенным воротником, потому что пуговицы были застегнуты через одну.

— Фирузджан! Бабушка приехала!

Он уже узнал ее и почему-то опустил голову, а Мехри чуть-чуть наклонилась к нему, поражаясь:

— Как вытянулся! Скоро мать догонит! Ой, ой, стал прямо совсем джигит!

Мехри переводила глаза с внука на дочь, снова расплакавшись. Фируз долго не знал, что сказать, и прошептал:

— У меня рубашка новая!

Мехри перестегнула ему все пуговицы, и он обхватил ее за морщинистую шею и повис на ней. Она притихла, задохнувшись или успокоившись оттого, что внук был не просто рядом, а у ее груди и, как прежде, любил ее, соскучился по ней. А Назира Юнусовна пригласила всех в гостиную, напомнила об обеде.

И все было бы прекрасно, если бы сердце матери умело не волноваться. Но за едой Мехри вспомнила о Кариме и сказала:

— Он угрожал тебе, доченька! Ох, как я боюсь за тебя! Ох, проклятый!

Мехри опять завздохала.

— Не бойтесь,— успокоила ее Назира Юнусовна.— Найдем на него улраву, если позволит себе что-то!

И уверенный тон этот успокоил старую женщину.

Мехри смотрела на открытую дверь. Возле нее в коридоре стояли сапоги, которые она стяхнула с ног перед входом в комнату. Это были сапоги Азама, надетые ею в дорогу. И она смеялась и самым нелепым деревенским сапогам в этом красивом городском доме, и тому, что муж остался без любимых сапог.

Глава четырнадцатая

ХАНКЕЛЬДЫЕВА

Дорогой читатель, может быть, помнит, а может быть, и нет, но это имя уже однажды упоминалось в нашей повести. После грозовой весенней ночи именно она, Ханкельдыева, самый молодой бригадир совхоза

№ 33, простудилась и заболела опасно. И Дилдор, не слушая сердитых возражений закипевшего мужа, отвезла ее из палатки полевого стана на ахмаджановских «Жигулях» в поселок, а потом отправила в больницу.

За себя она не всегда могла постоять в стычках с мужем, а за других, да тем более если этого требовал врачебный долг, — уж позвольте, тут она ничего никому не уступит.

Итак, Ханкельдыева уехала лечиться в районную больницу.

Но это было весной. А сейчас уже осень, хлопок начали собирать, и Ханкельдыева давно на ногах.

Скорее всего она потому болела недолго, что Дилдор вовремя отправила ее, не дала простуде, что называется, угнездиться в костях. Но, наверно, еще и потому, что молодость взяла свое. Молодость и характер Ханкельдыевой. А характер у нее был нетерпеливый, быстрый, с огоньком, все в ней горело и стремилось вперед. И не по-глупому, а с мыслью, с надежным расчетом. Она была энергичной и разумной девушкой, недаром ее назначили бригадиром.

Ей всего-то двадцать второй год, юное существо, можно сказать, но поступки ее, успехи делают эту девушку взрослее. И должность бригадира тому способствует. Несмотря на звучное имя — Уктамхон, все называли шустрю темноголовую коротышку только по фамилии. Бывают такие случаи, когда фамилия служит кому-то и вместо имени, о котором словно забывают. Ханкельдыевой называли Уктамхон и дома, под Андижаном, и здесь, в Мирзачуле.

— Ханкельдыева! Зайди к председателю, он просил!

— Ханкельдыева! За тобой заметка в стенгазету, от других не дождешься!

— Ханкельдыева! Идешь сегодня на танцы?

Вероятно, по фамилии ее стали называть сначала для солидности, а потом — по привычке. Ханкельдыеву любили, гордились ею. И конечно же, любое событие в ее жизни не могло пройти незамеченным. По всему поселку несколько дней повторяли с удовольствием:

— Слыхали, Ханкельдыева получила «Москвич»?

— Какой?

— Четыреста двенадцатый. Синий.

— О-о!

На этот «Москвич» Ханкельдыева принялась откладывать деньги еще дома, под Андижаном. Урожай она снимала высокие, зарабатывала хорошо, водить комбайн умела и вот села за руль собственного авто. Молодцевато ездила, лихо. Редко кто не остановится, чтоб поглядеть ей вслед. Загляденье! Имя ее не сходило с уст. Но всех удивила толстуха Тамара:

— Ханкельдыева себе жениха привезла!

— Откуда?

— Из Янгиера.

В самом деле, Ханкельдыева была в Янгиере на коротком совещании бригадиров по поводу уборки, поехала, ворчала, что отрывают от дела, хорошо, что машина есть, не так рискованно, что времени много истратишь, туда-обратно раз-два, села, помчалась, как мальчишка, а вернулась не одна.

Вот говорят, нет никакой судьбы, а ведь никак иначе не объяснишь, не придумаешь, почему Ханкельдыева, которая так спешила, не придумавшись, почему Ханкельдыева, которая так спешила, что только скользнула глазом по новой киноафише, все же забежала к своей янгиерской подружке Маше, чертежнице одного проектного бюро. Девушки обрадовались, Маша выскочила из учреждения на пять минут, чтобы посидеть на скамейке в парке и обменяться новостями, чуточку поболтать в обеденный перерыв, и вот...

На той скамейке, куда они сели с разбега, читал газету симпатичный молодой человек. Все другие скамейки были заняты — матери или бабушки, состоявшие при колясках с младенцами, оккупировали янгиерский парк. Молодой человек посмотрел на подружек, улыбнулся им и снова зашелестел газетой. Он читал, а подружки, шепчась о чем-то своем, нет-нет да косились на него. Был он ладно скроен, а может быть, казался таким благодаря отлично сшитому костюму, к тому же такого весеннего, дымчато-голубого цвета, что глаз не оторвешь! Бежевые замшевые туфли, тонко и богато расшитая белыми узорами чувская тубетейка...

Глаза выразительные, мягкие, глубокие... Брови густые... Можно спеть: «чернобровый, черноглазый...» Волосы тоже густые, блестящие... Ну, все по высшему классу!

Вот только сидит молча. Но по всему видно — вежливый, воспитанный...

И вдруг молчание было нарушено.

— Девушки, извините, пожалуйста, — звучным и приятным, как горный мед, голосом обратился к ним сосед по скамейке, — узнать хочу...

Он слегка улыбался, застенчиво, даже виновато.

— Да?

— Если в этот город приехал строитель и мечтает поступить на работу, куда должен он пойти, кому заявление написать? А?

— Кто строитель? Вы, что ли? — как можно небрежней спросила Маша.

— Да, я, — просто ответил молодой человек.

Маша стала перечислять янгнерские стройки, рассказывая, как там хорошо. Он слушал с улыбкой, перебил:

— Ну, раз там все хорошо, зачем я им?

— А вам не надо, где хорошо? — весело поинтересовалась Маша.

— Лучше, где плохо, — смеясь, ответил он. — Совсем плохо!

— Почему?

— Чтобы себя показать. Чем хуже идет строительство, тем мне лучше!

— Вы смеетесь?

— Да нет же! Правда! Честное слово, нет!

И тут Ханкельдыева, которая напряженно молчала, стиснув губы, открыла рот.

— Если вам нужно, где плохо, поезжайте к нам. Хуже не найдете. Строительство, можно сказать, в развале.

— Где это?

— Поселок тридцать третьего совхоза.

— Та-ак... — протянул молодой человек. — Это уже что-то интересное...

— Приезжайте, увидите.

Он подвинулся поближе к Ханкельдыевой и спросил:

— А далеко?

— У меня машина, — ответила Ханкельдыева сдавленным голосом и прокашлялась.

— Казенная?

— Своя.

Молодой человек придвинулся к ней еще.

— Та-ак... И вы сможете подхватить меня?

— Ну,— неестественно громко рассмеялась Ханкельдыева,— раз нужно для дела! Постараюсь для родного совхоза!

Маша вздохнула и шутливо пожаловалась:

— У меня машины нет.

А Ханкельдыева вдруг свела брови и спросила молодого человека строго:

— Нет, вы серьезно?

Тот показал глазами на чемодан, который стоял год скамейкой — просто удивительно, что они его раньше не заметили.

— Вот.

— Я еду через пятнадцать минут,— решительно заявила Ханкельдыева, заранее отменяя всевозможные споры и упрашивания, ведь ее, действительно, ждала бригада, ждало поле. Но ни споров, ни упрашиваний не последовало.

— Я готов,— сказал молодой строитель.— Мне очень повезло!

— Это совхозу повезло,— улыбаясь, со вздохом сказала Маша.

— А как вас зовут?— спросила соседка Ханкельдыева.

— Карим. А вас?

В другой раз Ханкельдыева так просто и сказала бы «Ханкельдыева», она ведь тоже привыкла к этому, но сейчас задумалась, будто и сама забыла свое имя, и наконец обронила построжее:

— Уктамхон.

— О, как красиво!— не удержавшись, воскликнул новый знакомый.— Давно не слышал, не встречая таких красивых имен! Поздравляю вас.

— С чем?

— С прекрасным именем!

Ханкельдыева прыснула. Ей и в голову не приходило, что у нее, действительно, такое красивое имя, а все почему-то забыли. Теперь она втайне радовалась, что имя понравилось Кариму, что она приберегла свое имя для такого вот подходящего случая. Ну скажите, что не судьба?

Они прошли по Мосту любви через еще полноводный канал, мимо тополей, к автомобильной стоянке. Маша оглянулась и покачала головой:

— Он называется у нас Мостом любви.

— Как?

— Ну разве можно городу, где столько молодых, существовать без Моста любви?

— Очаровательно! — всплеснул руками Карим. — Я как в сказке!

И Маша попрощалась с ними, грустно помахала им вслед рукой, а они покатили к выезду из Янгиера, а потом по шоссе, заполненному грузовиками и сцепами новых тарных тележек для хлопка, которые, как новобранцы в бой, шли с ташкентского завода прямо в Голодную степь, на молодые хлопковые поля. Трактора тянули за собой тележки, стреляя в небо комочками газа из высоких, как мачты, торчащих вверх выхлопных труб. Шоссе гудело, шумело.

Но в «Москвиче» было довольно тихо, нежно играла музыка, печальная, под стать рассказу Карима, а он был человек откровенный, и рассказал все, раскрыл, как говорят восточные летописцы, всю книгу своей жизни...

Был женат, имеет сына... Но в прошлом году жена ушла от него, потому что не дорожила мужем, семьей... Не любила его, вздыхала о другом... И, вероятно, они встречались, да-да, он только теперь понимает, что долго терпел изменницу! Что поделать. В жизни бывает всякое. Еще и не такое!

— А как зовут вашу жену?

— Нафиса.

— Такое красивое имя...

Карим молчал, ничего не отвечая. Вспоминал или думал о чем-то. Потом сказал, вздохнув:

— Но человек! Главное — не имя, а человек. Она оказалась дрянью, простите. Я, кажется, чересчур разоткровенничался...

И Ханкельдыева отвела глаза от шоссе, бегущего навстречу под колеса «Москвича», и улыбнулась приунывшему спутнику, чтобы поддержать и ободрить его. Бедный Карим! Она так его жалела!

Да, читатель, это был тот самый Карим, от которого бежала Нафиса, которого проклинала тетушка Мехри,

которого выгнали с работы в Шахристане, исключили из партии, а он... Вот где он объявился.

Он ехал с сердобольной Уктамхон, слушая музыку и вздыхая, в ее синем «Москвиче». Дорога вела в поселок тридцать третьего совхоза. И едва они добрались туда, как по всему поселку, с быстротой огня, бегущего по сухому хворосту, разнеслось:

— Ханкельдыева привезла жениха!

Видели, как она подъехала к новому дому, где недавно получила отдельную квартиру. Как с ней из сияющей машины вышел молодой человек, похожий на артиста, в таком костюме, каких в поселке еще ни у кого не было! Как Ханкельдыева сама несла в руке черный чемодан, не отдавая его жениху ни за что на свете, хотя тот, смеясь, пытался отобрать чемодан и кричал:

— Он же тяжелый!

Через четверть часа Ханкельдыева была в конторе и спрашивала у секретарши директора, может ли она поговорить с Ахмаджаном Умурзаковичем? Оказалось, нет. Ахмаджан Умурзакович уехал на кирпичный завод, потому что на стройку больницы и жилых домов второй день не поступало кирпича.

— Саттар-ака у нас такой поворотливый,— сказала секретарша,— что Ахмаджан Умурзакович носится сам, как экспедитор.

Когда секретарша оценивает так работу заместителя директора, то у нее, надо полагать, есть для этого основания. Вероятней всего, что-то слышала от самого директора.

Ханкельдыева вышла на улицу, потопталась и торопливо, вприпрыжку, направилась к больнице. Там она быстро отыскала Дилдор и заглянула к ней на минутку, воспользовавшись, если можно так сказать, любезностью очереди, которая пропустила девушку «не по поводу болезни».

Повод у Ханкельдыевой был совсем другой. Скорее всего, уже и больные знали какой, потому что улыбались...

А Ханкельдыева пригласила Дилдор с директором к себе, на вечернюю «пиалку чая». Отважная девушка! Если бы не была девушкой, можно было бы за этот смелый шаг назвать ее джигитом.

— Хорошо,— ответила Дилдор.— Спасибо. Вот

приедет Ахмаджан Умурзакович, я передам ему. Постараемся обязательно прийти.

— У меня важное дело,— добавила Ханкельдыева.

— Я так и думала,— сказала Дилдор и мило ей улыбнулась.

Ханкельдыева вспыхнула и кинулась из больничного кабинета к своему «Москвичу», а на нем умчалась в поле, откуда вернулась засветло.

Гость встретил ее в голубом спортивном костюме и, когда Ханкельдыева спросила его, как он себя чувствует, ответил:

— Как дома.

— Правда?— Ханкельдыева повернулась к нему, округлив сияющие глаза.

А он подошел и взял ее за плечи.

— Разреши мне называть тебя по имени, Уктамхон.

— Да.

— Уктамхон... Уктамхон...

— Что?

— Я люблю тебя, Уктамхон!— и замолчал, легко поглаживая ее плечи.

— Что вы молчите?— спросила она, сглотив комок, застрявший в горле.

— А что может быть важнее и выше моих слов? Я все сказал... Я могу прибавить, что если бы у меня была казна, не задумываясь, отдал бы ее за твою доброту!

— Мне не нужно никакой казны!

— Ну, вот...

— Для меня — лишь бы вы были здоровы и спокойны душой!

Карим притянул к себе девушку и поцеловал в полузакрытые глаза.

— Вы, действительно, любите меня? Это правда?— прошептала она.

— Мы с тобой будем счастливы, ангел мой,— ответил Карим.— Я чувствую это.

И хотел еще раз поцеловать Уктамхон, но она выскользнула и убежала в кухню. Оттуда донесся ее голос:

— У нас же гости будут! Надо скорее ставить плов!

— Какие гости?— Карим шел за ней.— Какие гости, Уктамхон?

— Директор совхоза с женой.

— Ай да умница, Уктамхон! — воскликнул Карим. — Ну и головка у тебя! Вот это да!

Он даже сделал круг по кухне, растопырив руки, вращая ладонями и щелкая пальцами, словно прошелся в танце. А потом потребовал:

— Пусти меня! Так, мясо есть, рис есть, морковь... где морковь?

— Вот!

— Лук? Вот и лук... Все есть. Острый нож? Острый нож тоже есть. Плов будет — ох! — Он втянул в себя предполагаемый аромат. — У меня получается! Я постараюсь!

Скоро в маленьком чугунном котле жарилось сало, кипело масло, свежее, привезенное прямо с маслобойки, горький и сладкий запах ел Кариму глаза. И когда переодевшаяся Уктамхон заглянула в кухню, спросив сначала:

— Эй, повар, можно к вам? — Она остановилась в растерянности: — Вы плачете?

— От счастья!

— Ну да! От лука! — засмеялась она, и Карим понял, что эта энергичная девушка не так-то проста, и сам засмеялся:

— Слезы одинаковые, что от счастья, что от лука! Чем я докажу!

Уктамхон хотела что-то сказать, но он притянул ее к себе, и в ответ на поцелуй она прошептала:

— Вот вы и доказали!

А он подумал: «О девушки! Все вы одинаково простодушны, как бы умны и энергичны не были!»

Карим мешал шумовкой мясо, потрескивающее в жарком котле, смотрел на Уктамхон и замечал, как она расцвела. А вдруг завтра станет еще лучше, так, глядишь, и превратится в красавицу, до которой ей еще было далеко... «А может, это и впрямь мое счастье? — думал Карим. — Она — дичок, поставил сети, как для дикой птички, хоп — и поймал! Никуда не денешься, не вырвешься! В Шахристан возврата нет, а тут можно жить припеваючи!»

Только одно не давало ему покоя — отомстить Нафисе. Он так и решил, что сначала испортит ей жизнь, а потом наладит свою, с этой единственной целью он и

появился здесь, в Голодной степи. Как скорпион, на которого не действовали ядохимикаты...

— О чем вы думаете, Карим-ака? — спросила Уктамхон.

— О тебе. — Он взял ее пухленькую руку и крепко сжал, а потом легонько хлопнул по ней. — Слышишь! Звук появляется только от удара двух рук. Поняла?

— Да, конечно...

— А что будем пить? — спросил он без всякого перехода.

Ханкельдыева затрясла головой — теперь она не понимала.

— Директор совхоза что-то пьет, наверно? — объяснил Карим, улыбаясь. — И хозяйка выпьет глоток, наверно? Ты же говорила, она современная женщина, врач... Ну, и ты — один глоток. Глоточек! Магазин еще открыт?

— Да.

— Какое вино там есть?

— Не знаю.

— Ну, засыпай рис, пора! А я сбегая!

Он снял сумку с вешалки и ушел прямо в своем спортивном костюме, а Ханкельдыева сначала смутилась, как это все будет воспринято соседями, односельчанами, а потом махнула рукой. Какой может быть тут секрет! Не сегодня, так завтра все равно он раскроется. Есть же поговорка: «Луну платком не прикроешь!» А что скажут директор и Дилдор? Она повела бровью — пусть говорят, что угодно, но хочется верить, что они сразу поймут все как надо. Поймут, что Каримджан честный человек. Они услышат о том, как его бросила жена, а он приехал в Мирзачуль устроить свою жизнь... Чего было нечестному рассказывать про себя такое, сочинять?

Уктамхон засыпала рис, убедилась, что плов кипит тихо и равномерно, и встала перед зеркалом поправить прическу. И замерла на миг с поднятыми руками, услышав за дверью шорох шагов. Карим! Когда тебе кто-то нравится, шаги его слышишь за версту.

Карим открыл дверь своим ключом, поставил сумку на стол и начал вынимать из нее водку, коньяк, шампанское и ташкентскую минеральную воду.

— Куда вы закупили столько? Зачем? — испугалась Уктамхон.

Она подумала, что он пьет от горя. Она слышала про такое. Но Карим успокоил:

— Я не для себя. Гости же будут у нас! И какие! Надо встретить!

— Смотрите, выпьете — и понесет вас перед глазами директора не в ту сторону...

— Только в одну! — засмеялся Карим. — Могу сказать, как люблю тебя! Сто раз могу сказать! Тысячу!

Девушка почувствовала вдруг необыкновенную легкость. Как прекрасна жизнь! Какой чудный у нее Карим! В нем все хорошо! Ей нравилось, как он улыбается, какой он веселый, как легко и чистосердечно он говорит, так говорят, была уверена Ханкельдыева, лишь люди, у которых совесть ничем не запятнана. Она сама приблизилась к нему и прижалась, снова спрашивая:

— Можно мне верить, что вы полюбите меня?

— Как самой себе!

Глава пятнадцатая

ЭКСПЕДИТОР

Часы пробили шесть, и Уктамхон забеспокоилась. Вся ее энергия закипела и забурлила, как горячий чай на раскаленной плите. Она раскинула белоснежную скатерть и разгладила ее ладонками, положила лепешки, фрукты. Карим помогал ей, расставил бутылки и тарелки, пока она резала на кухне салат... И только он успел для храбрости кинуть в себя пиалушку водки и закусить огурцом, как тихо вздрогнул электрический звонок над дверью. Уктамхон, наверно, не слышала, и Карим сам открыл дверь и встретил гостей.

Он увидел по-настоящему красивую женщину, от которой не надо было ждать, когда она станет лучше, и молодого щеголя в белой рубашке с цветастым галстуком и темном костюме... Это директор? Ну, тогда все в порядке, подумал Карим, такого мы приберем к рукам. И даже усмехнулся чуть заметно, про себя. Вероятно, некуда было надевать молодому директору и врачу наряды в Голодной степи, вот они и вырядились так

парадно в гости к Ханкельдыевой. А директор держал в руках букетик. Все это Карим успел заметить, а сам приглашал:

— Здравствуйте, проходите. Сейчас позову Уктамхон.

Дилдор оглядела стол и воскликнула:

— Кажется, мы попали на пир!

Ханкельдыева выскочила из кухни и взмахнула руками, как крыльями, будто собиралась взлететь:

— Тетя Дилдор! Ахмаджан Умурзакович! Спасибо, что пришли.

Ахмаджан протянул ей цветы.

— Ой, это мне? — смутилась она донельзя.

— Поздравляю.

— С чем?

— Ну, хотя бы с новосельем.

Ханкельдыева моргала счастливыми глазами.

— Спасибо.

Ахмаджан же думал, что вот как правильно он сделал, послушавшись Дилдор. Все-таки чувствовал где-то в глубине души вину, что так накричал, когда она болела. Ей, конечно, передали, как сердился и негодовал директор, а сейчас она видит, что и директор — человек. Все отлично. Молодец Дилдор..

Дилдор присматривалась к гостю Ханкельдыевой. Не хотелось торопиться с окончательным выводом, но ей не нравилось, как угодливо этот гость повел себя с Ахмаджаном. Вот отодвинул стул, пригласил:

— Садитесь, хозяин!

Вот спросил, наклонившись прямо-таки в профессиональном поклоне официанта:

— Как, хозяин, не желаете ли выпить до плова? Выпьем!

Это он уже сказал на равных.

Нет, в этом внешне видном, ладном, приятном молодом человеке что-то явно было ей не по душе. Она вообще не любила подхалимов. А может быть, все не так. И она зря осуждает человека, а он только что приехал, хотел понравиться, и желание его, и поступки были естественны...

Не надо придирааться. С этой мыслью она села за стол. В конце концов, и она может отдохнуть, повеселиться, когда и в гостях-то была в последний раз — не

вспомнишь! Каримджан налил ей бокал шампанского, которое она так любила, и сказал:

— Пожалуйста, хозяйка!

Ей стало весело.

— Ну, за что? — спросила Дилдор.

Все посмотрели на Ахмаджана, и шире всех открыла глаза Ханкельдыева. Он хотел назвать ее по имени, но никак не мог этого имени вспомнить, а похоже, и не знал, никогда не слышал, поэтому провозгласил торжественно:

— За успехи Ханкельдыевой! Я имею в виду, прежде всего, ее успехи на хлопковом поле, она у нас самый молодой бригадир, а год такой трудный... пересев... очень позднее и неравномерное созревание... Ох!

— Не расстраивайтесь, хозяин! — вовремя вставил Карим. — Все обойдется!

— Да! — спохватился Ахмаджан. — И, конечно, за успехи в личной жизни, что тоже немаловажно. Так ведь? За Ханкельдыеву!

И Дилдор протянула свой бокал.

— За твоё счастье, сестрица!

Уктамхон смущенно опустила глаза — про какое счастье они говорят? Карим же возмутился игриво:

— А сама виновница торжества почему бокал не берет?

— Ой! — сказала Уктамхон, взяв бокал. — Никогда не пила, умереть мне тут, если вру!

Ее детская простота вызвала легкий смех гостей. Выпили. Пир начался, все пошло хорошо... Женщины ели и разговаривали вполголоса о своем, мужчины коснулись главного. Из их разговора до Дилдор долетали фразы:

— Ну, какую работу сможете взять?

— Можно экспедитором, можно бригадиром, можно прорабом...

— Охо, как говорится, одному джигиту сорок профессий мало, если он настоящий джигит!

— Сами увидите, хозяин, настоящий или нет, чего заранее говорить...

— Заходите утром в контору.

— Хоп, хозяин.

Ахмаджан перехватил взгляд Дилдор и сам подумал о новом знакомом: «Хозяин, хозяин! Заладил!

Трясогузка какая-то... Но такой человек, возможно, находка на должность экспедитора. Если за чем пошлешь, на пустой машине не вернется... Такие без лестницы с неба снимают звезды!»

Яитарный плов, который принесла Ханкельдыева, быстро таял. Резвая, счастливая, непоседливая бригадирша включила радиолу, завела пластинку и, когда послышался «тановар», призналась честно:

— Самая любимая моя мелодия!

Легкий хмель лукаво играл в ее глазах. Откинув голову, она пошла танцевать. Пухлые руки ее изгибались, разлетевшись. Пальцы пластично двигались. Это была уже не бригадир-механизатор, а танцовщица из ансамбля «Бахор»! Звезда! Гости, улыбаясь, хлопали в такт...

Кончилась музыка, и Ханкельдыева, поклонившись, выбежала на балкон. Дилдор встала и вышла за ней. Девушка плакала, держась за перила.

— Что с тобой?— спросила Дилдор, положив руки на ее вздрагивающие плечи.

— Ничего не знаю, тетя Дилдор!— Она повернулась, прижалась к ней.— Может быть, это счастье, может быть, несчастье. Не понимаю!

И заплакала еще горше.

— А ты не торопись,— посоветовала Дилдор.— Сдерживай себя покуда...

— Я танцую, а он все пьет и пьет!— жаловалась Уктамхон.— Вытягивает шею, как гусь, и рюмку за рюмкой... Как я останусь дома ночевать? Я боюсь!

— А куда же ты? Как же?— растерялась Дилдор, понимая, что хорошо бы пригласить девушку к себе, и не решаясь сделать это без Ахмаджана, который мог устроить скандал.

— В бригаду... Полевого стана у нас еще так и нет, но ведь у меня машина есть! Сиденья раскидываются... Дверцы открою — свежий воздух и мягко. Красота! Идемте чай пить!

Ханкельдыева утянула ее за руку в комнату.

А еще спустя полчаса она пошла провожать гостей и не вернулась. Карим сидел в комнате один и курил сигарету. Потом лег, несколько раз просыпался, выходил на балкон.— Уктамхон не было. Он не знал уже, что и думать, проверял свое поведение, вроде бы все

было нормально, а... Проснулся он рано, и опять его встревожило: что же случилось?

В сущности, он привык к поздним гулянкам, привык много пить, оставаться в чужом доме, но никогда его не кидали вот так... Может быть, это в правилах нового поколения?

Солнце било в окно так, что, казалось, полопаются стекла. Неубранный стол, запах соленых огурцов и мяса напомнил о вчерашнем... В конце концов, Ханкельдыева познакомила его с директором у себя дома, тем самым поручилась за него... Что же еще? Чем ты недоволен, спросил себя Карим, вспомнил, что его ждет директор, и вскочил.

В маленькой чистой ванной все напоминало о хозяйке. Эх ты, дурочка, куда же ты убежала! Ну, сегодня убежала, завтра вернешься! Карим нашел розетку, включил электробритву «Харьков». Постепенно к нему возвращались уверенность и бодрость... Он пожевал мясо из вчерашнего плова, взялся за водку, но остановил себя и удовлетворился минеральной водой...

В приемной директора было много народа, но Карим, улыбаясь секретарше, открыл дверь без объяснений... В кабинете, у стола, сидели женщина и мужчина, дожидаясь, пока директор кончит кричать в телефонную трубку. Ахмаджан глазами показал Кариму на стул: садитесь. Но Карим только пожал плечами: как я могу сесть, когда вы стоите? Так они поговорили взглядами, и Ахмаджан положил трубку.

— Ступайте, — сказал он женщине и мужчине, — потом разберемся... — И спросил Карима, когда они ушли: — Начнем работать?

— Начнем, хозяин.

— Слушайте, — предупредил Ахмаджан, — если вы даже не в насмешку, все равно не надо, а? Хозяин, хозяин, еще задом начнете пятиться!

— Хорошо, хозяин, — ответил Карим, несколько не смущаясь. — Моему прежнему начальнику нравилось, а вам не подходит — учту.

Его откровенность приглянулась Ахмаджану. «Может, подружиться, — подумал Ахмаджан. — У меня ведь нет друга...»

Он вышел из-за стола, чтобы проводить Карима к

своему заместителю по строительству. Пусть узнает этот неповоротливый тюлень Саттар-ака, что директор сам находит нужных помощников, раз другие не способны заботиться о кадрах...

В приемной было полно народу. Какие-то молодые ребята о чем-то спорили и замолчали, увидев директора, затолкали друг друга и тут же кинулись к нему всей гурьбой и пересекли ему дорогу.

— Мы к вам.

— Мне некогда.

— А мы коротко.

— Но вы видите, что я занят?— Ахмаджан повернулся к секретарше:— В чем дело?

— Она не знает, сейчас объясню,— сказал высокий и плотный парень, раздвигая всех и выростая перед Ахмаджаном:— Мы — студенты из сельхозинститута. Нас очень интересует эксперимент, который вы проводите... И мы хотим все увидеть своими глазами и попробовать своими руками... Думаем, наша помощь вам пригодится, товарищ директор, а институт нас отпустит... Все равно — ехать на уборку. А так — двух зайцев уьем. И уборка, и практика!

— Какой эксперимент?— поморщился Ахмаджан.

— Так ведь у вас подсев?

— Вы подсеивали хлопок вместо пересева после грозы?

— У вас поля с рекордной густотой стояния хлопчатника?

Они загалдели так, что Ахмаджан зажал уши.

— Не у нас, слава аллаху!— сказал он наконец.— Не у нас.

— А где?

— Не знаю. Мы не занимаемся глупостями, и меня это не интересует.

— Как же так?

— Нам сказали, что это в тридцать третьем совхозе...

— Нет-нет!

— Кажется, в тридцать втором,— подсказала секретарша.

— Точно?

— Выпустите меня!— потребовал Ахмаджан, которого студенты все еще сжимали галдящим кольцом,

напоминая пчелиный рой.—Езжайте в тридцать второй и...

— Нам не на чем ехать-то!

— Ну, идите пешком! Возможно, там и занялись авантюрой, хотя я предупреждал...

— Ах, он предупреждал и он не знает!

— Похоже, он просто струсил...

— Ладно-ладно, повежливей, ребята...

— Таких вещей насильно не делают. Это риск!

— Вот я и говорю, он струсил.

— Молодой человек! Вас, кажется, просили повежливей!

— А я вежливо... Я не кричу.

— Пошли, ребята!

— Если кто желает засучить рукава и принять участие в нашей стройке, найдем работу. Тяжеленькую, правда. Но заплатим хорошо,— предложил Ахмаджан.— Как?

— Нет, нас это не интересует,— ответил плотный парень внушительным баском.

— А что вас интересует?

— Интересное дело!

И они ушли. Ахмаджан пожалел, что никто из этих крепких ребят не соблазнился заработком на стройке, но Карим успокоил, заметив, что на стройку негоже брать кого попало, это не эксперимент, строить надо надежно...

— Голова!— воскликнул Ахмаджан, ударил Карима по плечу и велел Саттару-ака срочно оформить его экспедитором.

Саттар-ака сидел в маленькой комнате, похоже, приспособленной под кабинет из ванной.

— Вы, конечно, понимаете, — уныло спросил он нового человека, — какая это ответственная должность?

— Я понимаю, что безответственных должностей у нас вообще нет,— с улыбкой ответил ему Карим.

— Материально ответственная!

— Ну, ведь это стройка! Здесь все материально ответственны... Давайте думать о расторопности... Я хочу немедленно ехать.

— Куда?

— Куда направите. Я ведь экспедитор.

— А жить где будете?

Карим посмотрел на человека, в котором все было так по-стариковски уныло: усы, глаза, — и снова улыбнулся.

— Будем живы — найдется где.

Саттар-ака протянул ему две бумажки.

— Это для общѣжития и на спецодежду, стоимость удержат из зарплаты.

— Хоп, не пожалуюсь...

Поговорили о деле, о заявках...

— Машина ждет во дворе, — сказал Саттар-ака, подписывая доверенность, — сразу узнаете — ЗИЛ с длинным прицепом.

— Чем длинней, тем лучше, — ответил Карим, а Саттар-ака улыбнулся.

В кабине ЗИЛа досыпал шофер, надвинув на глаза кепку. Каримджан растолкал его:

— Подъем, дружище! Сейчас поедem. Чего не спрашиваешь — куда?

— Мне все равно. — Шофер потянулся и зевнул.

— Смотри! — дружески предупредил Карим. — Наше дело — не зевать!

Он исчез раньше, чем поднялся шофер. В комнате Ханкельдыевой переоделся в спецовку, быстро съел весь плов до рисинки — впереди ждал трудный день, вырвал лист из экспедиторского блокнота и написал, не теряя времени. Строчил прозой, а вышло вроде рубайи:

Красавица моя Уктамхон,

Вы меня покинули на этот раз.

Что ж, зато меня не покинула надежда,

Клянусь, буду ждать и ждать вас!

Только ваш Каримджан.

Он подписался, положил лист на видное место, в центре стола, и запрыгал по лестнице вниз, через две-три ступеньки. Шофер курил возле ЗИЛа, топчась и оглядываясь. Был он низкорослым, но крепким парнем, таким богатырьком.

— Не вы ли разбудили меня давеча? — спросил он.

— Я, я... Познакомимся на ходу. Давай, трогай...

Я — новый экспедитор. Карим Ваккасов.

— Ренат... А это что у вас?

— Бутылка. Куда сунуть, чтоб не разбилась?

— Ну, с полосатыми палочками все свои! — Ренат спрятал коньяк в водительский багажник.

— Торопись, — распорядился Карим. — Жми. Сегодня три рейса делаем.

— Два, и баста.

— Три. Первый — зарплата, второй — авторитет, третий — премия. Давай!

— А что сегодня добываем? — с усмешкой спросил Ренат.

— Панели.

— Так ведь без подъемного крана не обойдешься, — еще шире усмехнулся Ренат, — а кран на комбинате в две смены не работает. Вот все у вас сразу встало и закрипело...

— Подмажем.

— Не получится... Там краковщик принципиальный... Андрей Дмитрич... Такой патриот!

— Значит, сагитируем.

— Трудно.

— Трудности для дураков, — сказал Карим. — А у нас с тобой есть головы. Верно?

— Ему удалось наговорить крановщику целую гору про разгоревшийся энтузиазм строителей поселка, и крановщик согласился прийти из дома, помочь энтузиастам погрузить панели, показал на окна, где живет... Ренат понял, что для нового экспедитора нет преград... Из третьего рейса они вернулись, когда в поселке почти всюду погас свет и, не разгружая машины, пошли в общежитие, правда не столько спать, сколько пить... Привезли с собой... Ренат поинтересовался, какие планы на завтра, то есть уже на сегодня, не встанут, гляди...

— Есть будильник, — ответил Карим, — и холодная вода.

Да, он сразу задал темп, этот новый экспедитор.

На пятый день Ахмаджан, обнимая, поднимал грязного и пыльного, но веселого Карима, отрывал его от земли возле грузовика, как делают при борьбе, и кричал:

— Молодец! Настоящий друг! Вам и Ренату будет премия — по сто рублей!

— Спасибо, хозяин.

Несговорчивая цыганочка Ханкельдыева отозвалась запиской позже: «Каримджан! Я на полевом стане. Уборка! Встретимся, как станем посвободнее».

Ну ладно... Он собрал в своей комнате, в общежитии, компанию из тех, кто был посвободнее сейчас. Однако не везло в любви! Милая толстуха Тамара, штукатурица, била по рукам, повторяя:

— Ты приехал с Ханкельдыевой?

— Ну и что?

— Ну и сиди!

На рассвете тронулись в новый рейс.

Глава шестнадцатая

ТОСКА

Еще в детстве, в школьные годы, память о которых так жива, потому что детство — это родной Фируз, это высокие горы, которые видны, кажется, отовсюду, это девчонка, прибегавшая через дорогу учить уроки, слушать объяснения по арифметике в те далекие годы, вдруг словно бы вернувшиеся или хотя бы приблизившиеся к нему, — Азиз прочитал рассказ одного русского писателя, и в его душе навсегда остался этот рассказ. Остались ночь, и река, и человек, плывущий в маленькой лодке по большой реке и не терявший надежды доплыть, пока впереди, отражаясь в темной воде, горел огонек...

Мы — путники в жизни. И лишь тогда можно дойти, когда у тебя есть огонек, который горит впереди, не гаснет. Он горит и тянет, зовет... Придает силы...

Не сразу понял он, что его огоньком была Нафиса.

Сколько лет прошло, а все искал этот огонек и жил без него, словно бы в темноте. Со стороны казалось, что все благополучно в его жизни. Он работал и учился, стал кандидатом наук и директором совхоза в Мирзачуле, многого достиг. А огонька не было ни в сердце, ни впереди... Чем больше было дано ему доброй жизнью, кипевшей вокруг, добрыми людьми, тем обиднее становилось, что не удались свои любовь и счастье. По чьей вине? Он обвинял и Нафису, и какого-то Карима из Шахристана, который отнял ее... Отнял счастье. Каждый день всходило солнце, а он и не замечал его, как радости, как чуда, каждую весну расцветали и деревья, и маленькие, спрятанные в траве, цветы, фиалки, но и

этих чудес, этих радостей он словно бы не видел, солнце и весны были не для него.

И вот он услышал от Дилдор, что Нафиса в Янгире, встретился с ней, и тогда-то и понял по-настоящему, кого винить. Себя! Да, он сам виноват во всем, сам!

Прошлые годы показались ему теперь действительно детством, только детством, когда он не понимал самых простых вещей... Да-да! Обиделся! На кого? На любимую, нуждавшуюся в его защите. Отдал ее в чужие руки! Как ты мог? Эх, джигит!

Поздно... Наверно, все поздно исправить. Ты — преступник. И, значит, должен получить наказание.

Но разве одинокая жизнь — не наказание?

Глупое себялюбие! Как же ты разыграло эту трагедию по своим котам, словно суфлер в театре! Как же ты сожгло столько лет, столько сил, словно спичка, крохотная спичка, способная сжечь огромный дом! Поистине беспредельна глупость, если только сейчас, когда на висках уже седина, он понял, что за счастье надо бороться, оно само не дается в руки так просто, его не найдешь без огонька...

Он судил себя жестоко и беспощадно и был мрачен, но в глубине этого мрака, в тайниках робкой души Азиза все ярче светился лучик солнца. И росла надежда, что он схватился за этот лучик, как за шелковую нить, и пойдет к своему огоньку, к своему счастью, своей Нафисе, чтобы постоять за них.

И что значит для человека даже такой вот маленький огонек, даже эта, пусть обманчивая, надежда!

Не будь их, вряд ли у Азиза хватило сил пережить нынешнюю весну и лето... После того, что случилось, когда разгулялась мирзачульская стихия, после майского града, трудно было рассчитывать даже на средний урожай, с которым смирились, например, в соседнем районе, смирился молодой и гонористый Ахмаджан... Доходили слухи, что он все страсти отдал строительству, и что дела у него в поселке идут хорошо. Азиз радовался за него и за Дилдор... И все же не понимал, отчего Ахмаджан отмахнулся от его предложения не пересевать, а подсевать хлопок на пострадавших полях. Неужели, кроме всего, ему было неинтересно провести этот эксперимент в условиях Голодной степи, где каждую весну берегись каких-нибудь неожиданно-

стей, будь готов к ним, жди, как говорится, не волка, так шакала...

Для чего же они учились?.. Не для того ведь, чтобы держать в столах свои дипломы и показывать их при случае дальним родственникам. Образование и мысль вышли на мирзачульские поля так же, как вышли тракторы и хлопкоуборочные машины. И Азиз верил, что давняя его убежденность в возможности более густых посевов, значит, более густых полей, которые способна вскормить мирзачульская земля, найдет свое подтверждение в этом эксперименте с подсеиванием...

Воду называют душой урожая, а мысль — это хлеб всякого дела. Сеять и просить у неба милости, чтобы не погубило урожая, каждый раз от этой милости зависеть? Нет. Ведь давно известно, что это куда рискованней пусть еще непробыванных, но хорошо продуманных действий. Просил у неба, а получил от хлеба!.. Так и в народе говорят.

На полях, носивших, казалось, непоправимые следы ночного разорения, после подсева скоро проклюнулись вторые строчки нежных растений. Многие сомневались, хватит ли у них пороха вырасти, иначе говоря, хватит ли у земли сил вспоить их, вскормить, чтобы они поднялись к солнцу не пустоцветами, подарили людям урожай. Людские руки дни и ночи ухаживали за ними, не уставая, не успокаиваясь. Не ленились провести «лишнюю» культивацию, еще раз полить, когда земля высыхала раньше срока и грозила им жаждой, умерщвляющей все живое, полной нормой внести в борозды удобрения, а то и сверх нормы: позднему ребенку не помешает усиленное питание, чтобы догнать старших братьев, ранние всходы...

Конечно, рук не хватало.

Но тут подкатили студенты, от которых почему-то отказался Ахмаджан. Они рассказали о встрече и разговоре с ним. Станный человек! Молодые ребята — это не только руки, это молодые заинтересованные головы. И увлеченность. Энергия, помноженная на темперамент! Как они помогли!

Сейчас поля обещали хоть и поздний, но очень надежный, высокий урожай, и все были счастливы, пожалуй, все, кроме матери Азиза, тети Нигор. У нее уже привычка появилась — смотреть на сына, качая

головой. Так он похудел, ну, просто отощал на глазах, материнское сердце разрывалось. Она начинала покачивать своей седой головой раньше, чем видела его, едва услышав голос, заранее боясь, что сейчас он появится с еще более заостренными скулами и ввалившимися глазами... Она старалась повкуснее готовить, почаще кормить его, но старания матери были напрасны, потому что очень часто Азиз не только опаздывал к столу, а вообще не приезжал с поля. И вот — удивительное дело! Был он весел и добр, а когда прокалывал новую дырочку на поясе, чтобы туже затянуться, смеялся.

— Что с тобой? — качая головой, спрашивала тетя Нигор.

— Молодею, мама!

Она думала — эта радость в глазах его оттого, что поля обещали урожай, что сын не обманул себя и других. И, конечно, была права. Но не ведала она и того, что, как далекий огонек на реке, вспыхнула для сына старая надежда. В его жизни снова появилась Нафиса. Пусть с той янгиерской встречи он до сих пор больше не видел ее, она была! Ей посвящал он все свои успехи на мирзачульских полях, а никто об этом не знал — ни мать, ни сама Нафиса. Азиз, как настоящий джигит, не хотел никому говорить об этом.

Нафиса ведь знает, что он рядом... И ладно... Успокоится, обдумает все... Время поможет... Может быть, она простит его? И так хотелось верить в это, и так пугала возможность нового разочарования и крушения, что он оттягивал их встречу...

Да и некогда было!

Вот снимут урожай, тогда поедет... Ну, хотя бы начнут уборку... Ну, когда страда наберет мощь... И белые конвейеры хлопка потекут к Янгиеру...

Там работало управление новых совхозов, там разместились базы их материального снабжения, было для чего и зачем Азизу сесть в машину и помчаться туда, но он посылал заместителей, бухгалтера, экспедиторов, а сам не ехал. Ему хорошо было думать о Нафисе издалека, быть уверенным, что все наладится в его и ее жизни, в их жизни...

День назад один из студентов сказал, что ездил в поселок тридцать третьего совхоза, у него там родите-

ли, но даже ему Ахмаджан не нашел и не дал работы на лето.

— Как там стройка?— спросил Азиз.

— Идет вовсю!

— Больницу закончили?

— Да! Покрасили в небесно-голубой цвет, а на площади соорудили фонтан.

— Перед больницей?

— Нет, перед конторой! Какой-то большой, нелепый!

— Чем?

— Ну, три бетонных птицы... По два метра каждая... Не поймешь, то ли лебеди, то ли гуси... Пока фонтан не включили, все спешат с утра запастись водой, мать рассказывала... Бывает нехватка. А включают каждый день, за пять минут до того, как директор приходит на работу. Он без фонтана уже не может руководить.

— Фонтан — символ процветания,— иронически заметил другой студент.— Еще бы!

— Хватит вам!— одернул их Азиз.— Фонтан — полезная штука. Украшает жизнь. А вы...

— Показуха это.

— Верно, верно, не фонтан ему нужен, а паблисити, сам он по характеру показушник, вот и все.

— Принял на работу какого-то жулика из Шахристана, экспедитором взял на стройку. Тот ему и двинул все дело!

— Значит, жулика ему и не хватало для процветания, вот и принял.

— Чего вы придираетесь к человеку?— шутили студенты, отлаживая комбайн и перебрасываясь не только фразами, но и гаечными ключами.

Азиз подумал, что у них острые языки и ничем не стесненное воображение, не приведи аллах таким на язык попасться, и вдруг до него дошло это слово и остановилось в нем. Одно это слово: Шахристан.

— Из Шахристана?— переспросил Азиз, закуривая.— Не слышали, как зовут его?

— Каримджан,— ответил тот студент, который ездил в поселок соседнего совхоза к родителям и видел новый фонтан.— Сам директор только так ласково и называет его — Каримджан...

Карим!

Это, конечно, бывший муж Нафисы. Не бывший, а настоящий, пока они не разведены, и он может помириться с ней и увезти ее из Мирзачуля в Шахристан. Да если и разведены, могут помириться ради Фируза, ради сына... Как на подъем в горах, шаг за шагом, поднимались думы Азиза, открывая новые опасности.

О Кариме ему рассказывала еще в родном Фирузе кишлячная сваха Ханифа. Когда Азам-ферма в третий раз повернул сватов Азиза от своих ворот, Ханифа, как победившая соперница, подошла к калитке Азиза и, пlying в улыбке, сказала, что он зря старается — у Нафисы уже есть жених...

— Не поднимай пыли раньше, чем пришло стадо, — мирно попросил он тогда Ханифу, зная, какой у нее язык и что ей лишнее сболтнуть — труда не стоит, наоборот, удовольствие.

Но Ханифа рассмеялась.

— Стадо уже пылит! Каримджан гонит сюда баранов в приданое и для свадебного пира!

— Кто он такой? Бай афганский? — засмеялся Азиз.

— Видный парень, не то что ты, — ответила Ханифа. — Сельпо заведует в Шахристане. Дом имеет там, полный богатства, да, как у бая! Не то что твоя хибарка!

Ханифа презрительно кивнула на дом, где вырос Азиз.

— Вы не врете, Ханифа? — спросил он в растерянности, за которой слышалась, однако, угроза, и она сказала, отступая на шаг:

— Подожди, сам увидишь. Глаз правдивее уха.

— Что же мне делать? — пробормотал он, не спрашивая, а невольно думая вслух.

— Кроить халат по росту! — посоветовала Ханифа, посмеиваясь.

В Фирузе всегда были в ходу народные присказки, а Ханифа как сваха знала их сколько угодно, на каждый случай у нее был ответ в запасе.

— Значит, Азама-ферму богатство прельщает? И Нафису, может быть, тоже прельщает богатство этого Карима?

— Конечно! Пустой мешок стоять не будет!

— А ну, катись отсюда! — закричал он тогда на Ханифу, приоткрыв калитку.

— Ух ты, ух ты! — попяtilась сваха. — Глаза вытаращил, а львом не стал!

Да, теперь-то он знал, что не стал львом, к своему стыду, но тогда эта Ханифа многое испортила, наговорила на бедную Нафису, замутила ему мозги... Ладно, споткнулся — нечего на камень пенять. Вот сейчас надо действовать. А может быть, это совсем другой Карим? Мало ли разных Каримов на земле, даже в одном Шахристание их, безусловно, несколько!

Наутро, однако, он сел в свой «газик» и покатил в поселок к соседям. Можно и даже нужно было проведать их, поздравить Ахмаджана с успехами на стройке, повидаться с Дилдор, узнать, как она живет...

Ахмаджана он увидел на стройплощадке. В клубах пыли сразу четыре самосвала сгружали кирпич.

— У-у, дела идут! — сказал Азиз, приближаясь. — Поздравляю!

— Не меня! — ответил Ахмаджан, даже не подавая руки. — Вот кого поздравь, Каримджана, это его успехи!

И показал на человека, который вышел из облака пыли и весь был в ней, как мельник в муке.

— Познакомьтесь... Наш экспедитор — Каримджан, а это директор тридцать второго совхоза.

Азиз не знал, как вести себя, что делать. Потом все же протянул руку и холодно сказал:

— Латипов.

Карим смотрел на него насмешливыми глазами.

— Вы из Фируза? — спросил он, облизывая губы.

— Да.

— Я вас видел.

— Где?

— Там, в Фирузе... Мне вас Ханифа показывала, когда я приезжал туда... как-то... по своим делам... Красивый кишлак!

Ахмаджан весело развел руками.

— Вот, оказывается, друзья встретились! Азизака — ученый человек, тот самый экспериментатор, о котором гоготали студенты, помните, Каримджан? А Каримджан — золото! Нам, руководителям, мечтать и

мечтать о таких помощниках... После его приезда в совхоз мне стало куда легче!

— Рад за тебя.

— Извините,— сказал Карим,— мне некогда. Я поехал, Ахмаджан Умурзакович.

Ахмаджан прищурил глаза и порадовался, что Карим никогда при посторонних не называет его «хозяином», умный человек, это обращение было в ходу только при своих, по-дружески.

— Куда?— спросил чужого экспедитора Азиз, глядя на него с каким-то странным, тревожным прищуром.

— В Янгиер.

— В Янгиер?— переспросил Азиз.

Чему он так удивился?

— Может, и вы хотите со мной?— насмешливо спросил Карим.

— У меня своя машина.

Что-то непонятное для Ахмаджана происходило между ними... Разговаривали они вежливо, но напряженно, как перед схваткой.

Карим вскочил на подножку ревущего самосвала и укатил, а вскоре в крутящейся завесе пыли исчезла и вся колонна самосвалов.

У Азиза не выходило из головы: в Янгиер!

Да, конечно, Карим часто ездил в Янгиер и мог там видеть Нафису. Он не случайно появился здесь.

— Прости,— сказал Азиз Ахмаджану, вспомнив о нем.— Я случайно заглянул, по пути... Пока!

— Будь здоров!

— Поклонись Дилдор.

— Непременно. Можешь заехать к ней, она в больнице.

— Спасибо, я здоров.

Азиз порадовался, что еще может шутить в этом волнении, охватившем его, и пожалел, что за пылью не разглядел фонтана то ли с лебедями, то ли с гусями из бетона...

Но колеса, шипя на асфальте, уже подвозили его к родному поселку, к родному дому... Да, все тут стало родное, в некогда пустой и далекой Голодной степи...

Мать сидела на корточках в огороде, у грядки зеленого лука, и рвала его, наверно, к обеду.

— Мама!— крикнул он.— Вставайте, одевайтесь нарядней.

— Зачем?

— Я повезу вас в гости!

— О аллах! К кому еще? Азизджан! К кому поедем?

— Увидите — узнаете,— сказал Азиз, а сам подумал: «Если увидим».

— Свататься будем?— вскинув голову, серьезно спросила тетя Нигор.— Отвечай!

— Все может быть. Не знаю...

Азиз не стал раньше времени посвящать мать в то, к кому собирался и зачем. Раньше откроешь — сильнее расстроишь. А зачем — он, и правда, сам не знал. Так... Не мог больше откладывать. И сказать не мог. А мать заторопилась.

— Сейчас, сейчас... О, дал бы аллах! Наконец-то!

Пока она переодевалась, Азиз нарвал полное эмалированное ведро круглых дынь хандаляк — не дынь, а маленьких дынек, пахучих, будто их духами насытили, эти тугие мячики.

В дороге подумалось, до чего странная штука — жизнь. Все дороги вели к одной станции... Опять сталкиваются он и Карим... И едва всплыли это имя и облик такого же обходительного, как и развязного, наглого Каримджана, как он прибавил скорость: вперед, вперед.

Но Карим опередил его.

Уже не первый раз он перехватывал Нафису у парка по дороге из школы к дому. Дождался и на этот раз, времени было достаточно, пока на самосвалы грузили кирпич. Нафиса увидела его и остановилась, не желая подходить, постояла и повернула, чтобы скорей уйти, однако не удалось, он догнал ее и властно схватил за руку.

Так они и пошли вместе по тротуару.

— Долго будешь молчать?— с улыбкой спросил Карим.

— А что мне говорить? Все сказано...

— Суд и развод?

— Да, я решила твердо.

— У нас сын растет!

— Перестань, не кощунствуй!— остановилась На-

фиса. — Очень тебе дорог сын! Был бы дорог, не пускал бы в ход кулаки против его матери!

— Клянусь, больше не будет этого. Не веришь?

— Кому верить? Разве ты меня одну обманывал? Всех людей вокруг, знакомых и незнакомых. Государство. Теперь тебя исключили из партии, с работы выгнали, вот ты и хочешь показать, будто исправился... Авось поверят, простят! Так я первая не прощу!

Карим слушал ее, встав перед нею, загородив ей путь, и она крикнула:

— Прочь с дороги! Я людей позову.

Прохожие уже начали посматривать на них, но Карим не спешил убираться.

— Надеешься на помощь?

— Чью?

— Я сегодня видел... твоего... этого...

— Кого?

— Рябого!

Нафиса оттолкнула его рукой и пошла, не оглядываясь.

— Берегись! — долетело до нее.

В это время Азиз с матерью подъезжали к Янгиеру. Вдали уже показались высокие дома и корпуса строительных заводов, их трубы... Тетушка Нигор, которая впервые попала сюда, глазела на дым из труб... Сердце ее, не привыкшее к городским очертаниям, к городскому небу, пугалось, но что поделаешь, если людям не хватает домов в садах?

— Нравится? — спросил Азиз.

— Нравится, — ответила мать и кивнула головой, она не лукавила, ей заранее нравился город, в котором сын нашел подходящую девушку.

При въезде в город, под деревьями, разместились чайхана, и Азиз остановил свой «газик» напротив.

— Выпьем чаю, — улыбнулся он в ответ на вопросительный взгляд матери. — Говорят, на свадьбу надо ехать сытым.

На самом деле его забеспокоило, как же он привезет мать к Нафисе, не сказав ей заранее, что это Нафиса, не подготовив к этому... Он усадил ее за столик, на который уже упали первые осенние листья, смахнул их рукой и побежал за чаем. Пока тетушка Нигор гадала, что же за девушка грозит разделаться с одиночеством

ее сына, он принес на подносе лепешки, сахар, конфеты и чайник чая. Разломал лепешки, налил чаю и, передавая пиалу матери, сказал:

— Вы не удивляйтесь, мамуля, тому, что сейчас услышите. Мы едем к Нафисе. Возможно, увидим ее.

Мать едва пиалу не выронила, поставила ее на стол, так и не донеся до рта.

— Нафису? Какую Нафису?

— Нашу, из Фируза.

— О аллах! Что за день! Она здесь? Давно?

— С прошлого года.

— Одна?

— С сыном, Фирузом.

— А Карим? Что же, она разошлась со своим Каримом?

— Ушла от него. А разошлась или нет — еще не знаю.

— О аллах! — снова воскликнула тетушка Нигор, свела руки, прижала их к груди и так посидела молча, а потом спросила: — Пожалеть решил?

— Кого?

— Нафису. На путь наставить?

— Да она сама таким, как я, десятерым даст наставления, — улыбнулся Азиз. — Она совсем другая...

— Нафиса и в кишлаке была как ястреб, — сказала тетушка Нигор, вспоминая девочку, которая бегала к ним через дорогу. — А ошиблась!

— Это я ошибся, мама. Это я во всем виноват. Нафиса обвинила меня в том, что я не защитил ее, предал нашу любовь. И она права.

— Пусть тоже не думает, что тебе было легко! — вскрикнула тетушка Нигор и сделала глоток чая, чтобы поддержать себя.

— Что было, то прошло... Одно могу сказать, мама... Если мне суждено жениться, ни на ком я не женюсь, кроме Нафисы. Я хочу, чтобы вы это знали. И помогли мне... — Азиз печальными глазами, полными детской боли, посмотрел на мать. — Она не хочет меня ни видеть, ни слышать.

Тетушка Нигор понимающе покачала головой.

— Что суждено, то сбудется, сынок, успокойся...

... Через двадцать минут совхозный «газик» остановился у дома Нафисы. Азиз донес ведро с дыньками до

подъезда и здесь остался, с надеждой посмотрев на мать. А тетушка Нигор пошла по лестнице вверх. Если нужно, и старая женщина во всем разберется: какая квартира, как звонить... Из-за двери ее спросил детский голос:

— Кто там?

— Я, твоя бабушка,— ответила тетушка Нигор.

Мальчик помолчал и сказал:

— Нет, у вас другой голос. Бабушка уехала и не приезжает!

— Позови маму.

— А мамы нету!

— А тебя звать Фируз?

— Да,— удивленно подтвердил мальчик.— Откуда вы меня знаете?

И тут же послышались шаги и голос женщины, совсем незнакомой тетушке Нигор.

— С кем это ты тут ведешь переговоры, Фируз?

— Не видно! Я говорю, надо дырку сделать!

Дверь открыла полная женщина, директор школы, о которой рассказал Азиз, конечно, это была она.

— Вам кого?

— Нафису.

— Входите, уважаемая. Она сейчас придет, в магазин пошла. Придется немножко подождать. Вы издалека?

— Нет, мы степные жители.

— Входите,— повторила тетушка Назира, потому что Нигор не двигалась.— Кажется, я знаю вашего сына... Директор совхоза, Азизджан, так?

— Так...— обрадовалась и растерялась тетушка Нигор.

— Очень хорошо, что вы приехали! А сам он куда пропал? Как был весной, так и не кажет глаз!

— В совхозе дел очень много, дорогая! А как Нафиса, как она поживает?

— Сегодня пришла заплаканная,— только и успела тихо ответить тетя Назира, как Фируз закричал:

— Мама!

Он ждал ее на лестничной площадке, свесив голову через перила, и увидел первый, а еще раньше, чем увидел, узнал мамины шаги — как их можно было не узнать!

Нафиса поднялась и ахнула:

— Вай, тетушка пришла!

И тетушке Нигор стало легче и радостней оттого, что Нафиса сразу узнала ее, и у самой Нафисы потеплело в душе. Сейчас, торопясь домой из магазина, в который не зашла после школы, потому что ей помешал Карим, она заметила около дома пыльную машину с кузовом, накрытым брезентом. Что-то было в ней вроде бы знакомое... Но мало ли машин в Янгиере! Внутри сидел какой-то мужчина с газетой в руках, не разглядишь на ходу, а присматриваться Нафиса себе не разрешала. Теперь она поняла, что в машине сидел Азиз, который не рискнул показаться. Ни во все эти месяцы, ни сейчас. Ну, правильно делает, подумала Нафиса, однако именно оттого, что он был там, души ее коснулось неожиданное, пусть мимолетное, тепло.

А тетушке Нигор она обрадовалась искренне и глубоко.

— Милая тетушка! Какой праздник! Просто солнце взошло! Спасибо, что не позабыли нас, приехали!

— Раз ты ко мне не являешься, я к тебе пожаловала,— с неподдельной суровостью по праву старшей ответила ей тетушка Нигор.— По одной дороге ходим, а ты...

Виноватый взгляд синих распахнувшихся глаз Нафисы молил о прощении, и тетушка Нигор, увидев их, подчинилась своему вздрогнувшему сердцу, обняла Нафису и сама сказала, как пожаловалась:

— Не захотела повидать тетушку, которая на руках носила тебя! Эх, ты!

И таким родным, дорогим повеяло от ее голоса и упрека, что Нафиса и бледнела и краснела, вспоминая в глубине души кишлачные тропинки, и маму, и луну, освещавшую вечерами старый ветвистый карагач так, что на нем были видны все птичьи гнезда.

— Хорошо,— продолжала тетушка Нигор за столом, пока хозяйка, ставшая, как видно, Нафисе второй матерью, кормила в кухне Фируза,— не прощаешь моего сына, черная кошка пробежала между вами, а я-то при чем? Фируз далеко, а мы рядом. Могли повидаться?

— Могли, могли, тетушка.

— Я одна целыми днями дома сижу, скучаю... Вот

что! — придумала и оживилась тетушка Нигор. — Соберай сына ко мне, хотя бы на пять — десять дней! На следующий год ему в школу?

— Да, уже...

— Ну, вот... Все будут заняты. И он будет занят, как большой. А сейчас, пока свобода, пусть молодой джигит поедет к бабушке и поживет у нее, побегаёт... Я за ним присмотрю, не волнуйся.

— Да я знаю, что вы присмотрите... Вот только...

— Отправляй без всяких «только», — сказала тетя Назира, входя в комнату. — Побегаёт по воздуху, станет красным, как твое горное яблоко. В Янгиере, как во всяком большом городе, уже и фабричный дым, и машины... Город и есть город... Не знаешь, что ли?

— Ах, — махнула рукой тетушка Нигор, — знаний у них много, а ума не хватает!

Нафиса рассмеялась тому, как ее атаквали сразу две немолодых женщины.

— Соберу, соберу!

А тетя Назира повернулась к тетушке Нигор.

— Хорошо придумали, подружка. Не зря говорят: что сделает старый человек, не сделает даже ангел. Это правда.

Она подошла к балкону, посмотрела на улицу.

— Там же ваш сын сидит! — И Нафису спросила: — Почему не пригласила его к нам?

— Не заметила.

И она встала, чтобы собрать вещи Фируза, и ушла.

— Вот так... — сказала тетя Назира. — Она на него сердита.

— Хорошо, хоть меня не выгнала, — вздохнула тетушка Нигор. — Я ведь здесь как посол.

— Неприкосновенная личность! — улыбнулась тетя Назира.

И обе женщины, разгоняя свою грусть, посмеялись немного.

Вернулась Нафиса с узелком в руке, удерживая второй рукой сына, который уже рвался на улицу, к машине.

Сквозь стекло балконных окон Нафиса видела, как тетушка Нигор и Назира Юнусовна подвели его к «газику», как из него выскочил Азиз и поднял Фируза

на руки, и вот «газик» уже тронулся, а Назира Юнусовна долго махала вслед ему рукой...

И то ли тоска, то ли сожаление о несбывшейся мечте бросили Нафису на диван, и она, уткнувшись в подушку, зарыдала, как еще не рыдала, кажется, никогда в жизни.

Глава семнадцатая

РАЗРЫВ

Какая мертвая тишина стояла в Голодной степи! Казалось, весь ее неоглядный простор был налит этой тишиной от века... Темнели окна домов, лишь в одну сторону откидывая отражение лунного света, возвращая его луне... Там поблескивали и провода на бетонных столбах, холодных и безмолвных. Из-за корпуса жилого дома тянул шею подъемный кран. Среди разбросанного кирпича спали в пыли совхозный ЗИЛ с прицепом и еще один грузовик...

Все это хорошо видела Дилдор со своего балкона. Окна по соседству давно погасли, и земля внизу погрузилась в темноту, поэтому казалось, что балкон не висит над землей, близко от нее, а парит в вышине, чуть ли не под звездами, которые разбросались по всему небосклону. Те, что были над головой, распускали свои острые лучи во все стороны, те, что рассыпались пониже, полулежали на боку, выстреливая лучами ввысь... Но все равно ни одна звезда не могла пробить темноты. Они были далеко...

Дилдор подняла руку и поднесла поближе к глазам часы. Светящиеся стрелки показывали половину второго. Хорошо, что женщины стали носить мужские часы — они намного удобнее, а деловой женщине дорога каждая минута...

Но сейчас деловая женщина не занята делами, никуда не спешит, не торопится... Что же она делает на балконе в половине второго ночи?..

Она ждет мужа.

Дилдор стояла, прислонясь спиной к холодеющей стене, и думала, сколько же это будет продолжаться, вернее, когда и как это кончится. Она не сомневалась,

что кончится, и конец должен быть добрым, хорошим. Все выяснится. Ведь не дурак же Ахмаджан. Не дурак же он набитый! Ну, он ребенок, которого легко обмануть. Он любит, чтобы его хвалили. Иногда это бывает смешно, но он любит, и она не раз смеялась над ним. Шутя и любя. Это она подсказала Ахмаджану, чтобы он попросил Карима не называть его «хозяином». Да мало ли!.. И еще бывало не раз, если вспомнить...

Она верила, что все кончится хорошо, потому что он хороший-хороший ее Ахмаджан.

А то, что он всю неделю приходит домой, когда хочет, а то и вовсе не приходит — это... это случайность!

К поздним возвращениям Ахмаджана с поля, к его ночевкам на полевых станах во время уборки хлопка она привыкла, ей и в голову не приходило упрекать его, корить за это. Труд, связанный с землей, неограничен. Даже у тех, кто живет в городских домах с ваннами, даже у конторских служащих... Все равно все они остаются земледельцами...

Но это другое было... Другое началось! А когда? С появлением в совхозе Карима Ваккасова, того самого, с которым они познакомились у Ханкельдыевой... Вот с кем надо было поговорить, с Ханкельдыевой, но она все время, сутками, на полевом стане, — хлопок! Пусть поля изодранные, урожай недружный — тем труднее.

А Карим, влюбивший в себя директора, просто спаивающий его?

В те первые вечера, когда Ахмаджан начал задерживаться где-то, исчезая из конторы, но не поднимаясь домой, Дилдор замечала, что он приходит слегка навеселе. Однажды она застала его дома, на диване, лицом к стене, он даже не повернулся к ней, когда она заглянула в комнату. На цыпочках прокралась она в кухню, чтобы не тревожить его, приготовила ужин, чай, вернулась с полным подносом в руках, поставила на стол и зажгла свет. Она улыбалась, но он не видел ее, не шевельнулся, не посмотрел на нее.

— Ты спишь? — спросила Дилдор.

— А? Что? — заворчался он. — Нет!

— Тогда вставай ужинать.

— Не хочу.

— А я приготовила твою любимую еду. Очень вкусно!

— Я сыт.

Она обиделась.

— Ну, хоть встань, посиди с женой. Я ведь тоже целый день работала.

Он долго лежал молча, обдумывал, наверно, стоит ли ему подниматься, потом закричал. Еще несколько минут молчание продолжалось за столом. Нет, оказывается, ничего более гнетущего, чем такое вот «семейное» молчание!

Она подняла глаза на мужа.

Вид у него был такой, точно он заболел. С некоторых пор она стала ловить себя на том, что всех людей хоть мимоходом как-то ощупывала профессиональным взглядом. У Ахмаджана побледнели щеки, зато покраснели глазные яблоки.

— Ну-ка, встань!— велела она, закончив чаевничать.— Как мы себя чувствуем?— И подошла к нему.— Э, да мы хорошенько выпили?

Ахмаджан усмехнулся и погладил ее по голове.

— Никуда не спрячешься от врача! Карим привез из Янгьера бутылочку коньяка. Лучшего, который редко бывает...

Он оправдывался. И его виноватый голос, и жест, которого давно уже не помнила она, отвыкла, забыла, когда путались ее волосы в ласковых его пальцах, все тогда заставило смягчиться, примириться... Ах, женщины, и правда, немного надо!

Вчера она спросила:

— Где же ты пропадаешь все эти дни? Вернее, вечера! Допоздна!

— Вблизи, а может быть, вдали...— ответил он поэтическим слогом, умывшись и вешая на крючок полотенце.

— Слушай!— взорвалась она.— Я тебя серьезно спрашиваю. Я жду! Накрываю чайник подушкой, вешаю чистое полотенце. Все для тебя, тебе! А ты шутишь!

Он улыбался:

— Тебе весело?

— А почему бы нет? Интересно, когда тебя жена ревнует и допытывается, где ты был? Растешь в собственных глазах как мужчина. Давай, спрашивай, спрашивай!

— Так где ты был?

— Я сказал: вблизи, а может быть, вдали!

— Ты боишься отвечать правду, поэтому крутишься, изворачиваешься... Дожили!

Лицо его окаменело.

— А меня совсем не интересуют женщины, — сказала она. — С кем ты был? С Каримом?

— Ну, с Каримом! — крикнул он. — Да, да, да, о Каримом! Что, я не имею права быть с человеком, который мне нравится?

— Потому что он привозит тебе коньяк, который ты любишь больше всего?

Он шагнул к ней и задышал ноздрями так, что было слышно на всю комнату. Как конь после хорошей скачки.

— Заткнись! — грубо крикнул он, не найдя других слов. — Я люблю не коньяк, а человека! Он меня выручает!

И ушел в свою комнату, хлопнув дверью.

А Дилдор присела на краешек стула и задумалась. Как-то не получалось разговора... Того, нужного... самого нужного... Ахмаджан — неуравновешенный человек, себялюбивый, а значит — легко ранимый. Как же она не может подобрать к нему ключ? Не может найти слова, простого и доброго, единственного, которое бы, словно ключ, открыло его душу. И ей сразу стало бы легче, и ему. Они поняли бы, что нужны друг другу, что нет для них никого дороже, чем он — ей, а она — ему. Это же и есть счастье! А его не было, потому что не было минуты такого понимания, такой близости, когда люди неразделимы и незаменимы...

Дважды и трижды начинала она разговор с Ахмаджаном сейчас, стоя на ночном балконе, она репетировала, перебирая слова и самые нежные и самые тревожные, стараясь их запомнить, потому что именно сейчас, когда она была одна, к ней являлись те неподдельные слова, которые терялись, исчезали в кламе ненужной перебранки, как крупинки золота исчезают в песке.

Но состоится ли разговор, для которого она приготовила золотые слова?

Светящиеся стрелки уже показывали три... уже склонились и к четырем... А мужа все не было.

Через весь поселок к дороге тянулась линия электропередачи. И вот что интересно — заметила Дилдор только сейчас — лампочки горели на столбах с разной силой. Может быть, лампочки были разные и по-разному отзывались на живой поток таинственной силы в проводах? А иные и вовсе не светились. Может быть, выдохлись, перегорели. А может быть, провода оборвало ветром... И ток уже не доходил до них, не касался их звонкой струнки... А вдруг так будет и с ней? Никогда уже не коснется ее ласковый голос, ласковая рука Ахмаджана, человека, из-за которого она уехала из дома, из столицы, вот сюда, в Мирзачуль, почти на край света, если подумать, что это необжитая земля... И она, Дилдор, веселая красавица, гордость курса, не насмеется, сердце ее не вспыхнет радостно! Неужели это возможно? Страшно!

Ей и в самом деле сделалось страшно... Страшно было даже думать об этом. А пережить?

Позвонить Кариму в новую квартиру? Стыдно. Директор дал ему новую квартиру — еще бы, строителю да не дать! Так сказал, сияя, Ахмаджан. Да еще такому строителю! Пойти туда? Это ведь в самом деле недалеко, если встать вот в этом углу балкона, подняться на цыпочки и наклониться — станет видно. Но она не пойдет... Ее не звали. И подглядывать не будет. Стыдно! Вот до чего доводишь ты меня, Ахмаджан, любимый, неужели самому тебе не мерзко оттого, как ты мучаешь, как терзаешь молодую супругу. Какое звучное и уважительное слово и как молчалива и неуважительна твоя жизнь, Дилдор, как беззвучна ночь!

Однако нет... К ней на балкон легко залетело короткое пенье «жигулевского» клаксона... Так бывает, когда зовут кого-то... Кто зовет? Кого? не слышно... Больше ничего не слышно... Может быть, показалось?

Как вышло, что она поехала с Ахмаджаном в степь? Очень просто это вышло. Она его полюбила. Да, так полюбила, что готова была пойти за ним куда глаза глядят. И даже с закрытыми глазами.

За ней ухаживали в институте, как же без этого? О ней мечтали многие ребята, и какие! Один сейчас стал врачом на корабле, плавает или, как говорят моряки, ходит по океанам, офицер торгового флота. Другой, над которым все смеялись, просто животики рвали, такой

он был уморительный, непременный участник самодеятельности, недоучившись, стал сниматься в кино, быстро выдвинулся там, известный, любимый у молодежи комик, как написала в недавнем письме подруга... Да она и сама видела его на киноэкране... Талантливый добряк... Третий...

Ах, да что вспоминать! Ни с одним из них она даже не поцеловалась! А вот за Ахмаджаном сразу пошла, поехала, полетела... Зачем? Чтобы теперь стоять вот так на балконе и ждать, ждать, ждать?

Скоро четыре... Нет, еще нет и половины... Дилдор, которой всегда недоставало времени, все бегом, бегом, все быстрее, быстрее, впервые почувствовала, как плетутся минуты... Скорей бы! Скорей бы красный рубец лег на горизонте, будто солнце прожгло его, и по всей неоглядной равнине Мирзачуля хлынул свет... Здесь, в степи, сразу становится далеко видно. Все открыто. И жизнь открытая... Вернее, никуда не скроешься, все видно... О чем ты, Дилдор? Ты же об этом совсем не хотела... Не поэтому ты стоишь на балконе и ждешь Ахмаджана, которому веришь. Ведь любовь и есть вера, прежде всего — вера, всегда — вера. Ну, конечно, я верю ему!

В самом конце рабочего дня к ней пришла простуженная каменщица Валя. Пришлось ее научить, как делается горчицная ванна для ног, чтобы унять насморк, дать несколько таблеток аспирина — и все, ничего страшного... Но Валя кашляла и не уходила...

— Что тебе непонятно?

— Вообще-то многое, — сказала Валя, — но как аспирин пить — я поняла, знаю...

— Еще спросить что-то хочешь?

— Сказать...

Дилдор села за врачебный столик, а Валя рассказала ей самое невероятное, неожиданное, чепуху какую-то!

Будто бы она живет в общежитии, в одной комнате с передовой штукатурщицей. Довольно симпатичная, между прочим...

— Но ведь ногтя вашего не стоит! — воскликнула Валя.

— А я-то тут при чем? — не поняла Дилдор.

И тогда... смешно подумать, но тогда Валя, у кото-

рой щеки стали пунцовыми, и Дилдор даже заподозрила, что у нее температура поднялась, Валя рассказала, что Карим пригласил или затащил, как хотите понимайте, Валя не хотела идти, к себе в гости ее и Тамару... а там, в его квартире, никого не было, кроме трех пьяных мужиков. Вале было страшно неудобно, потому что не ожидала она увидеть пьяного директора, А директор сразу усадил рядом с собой Тамару, и скоро...

— Что?

— Он с ней целовался! Хотите верьте, хотите — нет, а я из уважения к вам говорю...

— Он — целовался? Ахмаджан Умурзакович?

— Пьяный, правда...

Дилдор встала.

— Слушайте, Валя... Еще слово, и я опять буду мерить у вас температуру... Этого не может быть! Забудьте то, что вы мне сказали. И не повторяйте!

Валя ушла, ни слова не сказав, будто проглотила язык и голоса лишилась, а Дилдор подумала, что даже спрашивать не будет у Ахмаджана о том, что услышала, а если и спросит, то ради шутки, смеясь, но не у кого, оказалось, спрашивать...

Четыре... Нижний край горизонта начал постепенно светлеть. В городе не замечаешь, а здесь как-то особенно видно, что солнце действительно встает первым в начале дня, всплывает из-под земли... Млечный Путь, прорезавший свою дорогу через все темное небо, густо насыпавший ее звездными осколками, испарялся с конца, как дым, становился зеленоватым...

А если правда — все, что сказала малознакомая Валя?

Нет, лучше пусть день навсегда превратится в ночь.

Перестань прятаться, Дилдор. Солнце будет всходить, и дни будут сиять, а ты, что ты сделаешь, Дилдор, если все это правда?

Она уедет туда, где руки Ахмаджана будут бессильны достать ее. Уедет, убежит...

«А почему это я должна бежать? — тут же подумала Дилдор. — Это и моя степь. Мирзачуль стал частью и моей жизни, и мои радости и невзгоды вошли в эту землю, как солнечное тепло с неба и вода, стекающая с бетонных лотков. Пусть урожаи новых людских радо-

стей, более полных, возрастут на моих слезах. Почему это я должна бежать, а он остаться?»

Дедушка сказал ей после свадьбы: все теперь зависит от тебя, внученька, как ты будешь бороться. Она тогда не поняла, с кем, за что, почему. Наивный ребенок. Теперь она понимала, и хорошенькое дело придумала — бежать!

Ой, дедушка этого не одобрит.

Но дом уже показался ей чужим и холодным, и она решила сейчас же пойти в больницу. Там спокойней. Там лучше.

Стало слышно, когда она спустилась и вышла на улицу, как на большой дороге шумят машины. Новый день уже привел их в движение. Люди прокладывали сквозь время свои маршруты...

Она шла и успокаивала себя: чудачка, нагородила неизвестно чего, напридумывала, смех и грех!

За углом открылась площадь перед домом, где жил Карим. Из дверей подъезда вышел человек, и этот человек был ее мужем, Ахмаджаном. Качаясь, он добрался до «Жигулей», да, да, до своих, то есть директорских «Жигулей», и... дверца открылась ему навстречу. Как бы сама... Только потом Дилдор, которая замерла возле угла, догадалась, что, наверно, кто-то сткрыл дверцу изнутри, из машины. Кто?

Может быть, Карим. Может быть, с утра они ринулись куда-то по своим строительным делам. Пили, конечно, а потом Ахмаджан остался ночевать у Карима, чтобы с утра отдаться делам. Вдвоем. С Каримом.

Стекла автомобиля были запотелые, никого не видно внутри... Мотор загудел, и «Жигули» покатались, выбрались на асфальт, умчались...

Был час, когда утренний свет уже обнажал земные очертания, но фонари еще горели...

Дилдор дошла до больницы, села в своем кабинете за стол и придвинула стопку бумаг. Да, опять она — и эти бумаги, истории болезней... Так уже было, что она читала истории болезней ночами, коротая их... Ну и что ж? Нет, наверно, на свете более человеческих бумаг, чем истории болезней... Это все — людские страдания, эта все — люди, так она сама однажды говорила мужу, и мы перед людьми всегда в долгу.

Он уехал куда-то, с кем-то, а она будет читать и читать, это важно, это нужно...

С этими мыслями она встала и подошла к окну. На улице стало еще светлее, небо поголубело, свежее утро обнажало его голубизну все шире...

Из окна ее кабинета на втором этаже площадь, с которой уехали «Жигули», была еще виднее... Где она сейчас, директорская машина? Да вот она!

Светлые «Жигули» описали круг и остановились у подъезда, коснувшись колесами бетонных ступеней. На тротуар сначала выбрался Ахмаджан, а потом — женщина, добротная, крупноватая... Она обошла машину, приближаясь к Ахмаджану. И стало легче легкого узнать ее в профиль по маленькому носу, зажатому мячиками щек. Это была Тамара... Ну, та самая, о которой говорила Валя.

Ахмаджан ждал ее, протянул руки, прижал и начал целовать. Вот как все просто! Запустил пальцы в распущенные волосы Тамары, запрокинул ее голову и целовал в пышное лицо, в толстые губы... Да неважно, какие! Толстые, тонкие... Другое лицо, другие губы! Вот что важно...

Дилдор не помнила, как дождалась, пока они скрылись в подъезде, причем Тамара тянула его туда. Не помнила, как доплелась до дома, пугаясь, что ее кто-то может встретить, но поселок еще спал... Он просыпался быстро как по неслышному удару солнечного гонга. Как взрывался. К счастью, этот миг еще не настал...

Дома Дилдор открыла шкаф и начала бросать свои вещи, все, что попадало под руку, сначала на пол, а потом в чемодан. Она все же уедет... Да, еще не ясно куда, но одно ясно — не останется она в этом поселке. Невозможно! Простите и пожалейте, люди!

И тут с вороватой осторожностью повернулся ключ в двери,брякнули о пол ботинки — один, второй, он снимал их, чтобы незаметней прокрасться к себе, скрипнули в тиши квартиры доски пола, и, должно быть, увидев свет в ее комнате, он вошел.

— Не спишь? — спросил он, улыбаясь.

Брови его, выражая удивление, театрально поднялись вверх.

— Как видишь, — безразлично сказала она, и тут

же поняла, что не сможет ни ругаться с ним, ни прикрыться от него безразличием.

Он все еще улыбался — глуповато и боязливо.

— Сядь, Ахмаджан, — попросила она и сама присела к столу, потому что ноги не держали ее.

Сел и он.

— Ну?

— Когда-нибудь... Когда-нибудь тебе приходило в голову, как ты неправильно живешь? — спросила она так тихо и мирно, что сама себе поразилась, от усталости, что ли.

— Почему это неправильно? — сразу вытянулся он.

— Значит, не приходило...

— Хм!

— Тебе кажется, что ты родился, чтобы пользоваться успехом. Что все — хуже тебя, и ты можешь помылкать ими.

— Тобой?

— Нет, всеми. Кем угодно. Ты умнее других, удачливей других, талантливее других, что там еще, какие невероятные качества есть у тебя? На твой взгляд, конечно... Красивее других — это мелочь... Ты — лучшее всех, и для тебя прежде всего существуют и слава, и счастье, и награды, и деньги, наверно... Ты живешь и ждешь всего этого. А почему? Почему ждешь-то? За что?

— Смеешься? — процедил он.

— Смеюсь... Дети знают, что все это надо заслужить, а ты ждешь просто потому, что ты Ахмаджан Умурзаков, как будто этого достаточно.

— Что же мне делать? — издевательски заухмылялся он, закачавшись на стуле и захлопав в такт ладонями, чем как бы выражал свое высшее отчаяние.

— Попытаться стать другим, — серьезно ответила ему Дилдор. — Стать другим и начать с нуля.

Она поднялась, и он крикнул:

— Почему ты говоришь это мне вдруг, на рассвете? Другого времени не нашла?

— Потому что я хочу, чтобы ты был счастливым. По-настоящему.

— Ты?

— Да, я... Я любила тебя.

— Любила?

Его глаза проследили за ней и увидели чемодан. И какие-то ее вещи, не влезшие туда, оставшиеся на полу...

— Что все это значит? — закричал он, задохнувшись, подавившись первой же фразой и не сразу вернув себе голос. — Дилдор!

— Я уезжаю.

— Куда?!

— Не знаю.

— Как?

— Честное слово, пока не знаю.

Он сел, вернее, упал на стул, стоявший за ним, а она подняла довольно тяжелый чемодан и вышла в коридор квартиры, до минувшей ночи бывшей ее квартирой. Рука привычно отыскала внутренний ключ. Второй валялся где-то в кухонном шкафчике. Ахмаджан не сразу его найдет...

Она захлопнула входную дверь сначала на английский замок, а потом закрыла с площадки внутренним ключом, уверенная, что человек, бывший до минувшей ночи ее мужем, кинется за ней, он ведь — Ахмаджан, от него не может, не имеет права, не должна уходить жена.

А она уходила...

Со ступеней она услышала, как он ломится в дверь и кричит:

— От-крой! Гово-рю тебе — от-крой! — и колотит в дверь ногами.

Голос у него был хриплый.

Торопливо она дошла до большой дороги и остановилась первый же грузовик. Еще через полминуты он увозил ее, как в насмешку, навстречу встающему солнцу.

Глава восемнадцатая

У Ч - Т А М

По-узбекски это — три дома.

Но уже давно эти слова звучали как название места, которое вокруг все знали. Кто бы ни ехал мимо, на каком бы языке ни разговаривал, все либо уславливалось встретиться возле «Уч-там», либо договаривались:

«Перекусим и чаю выпьем в «Уч-там», «Отдохнём в «Уч-там», а то и «Переночуем в «Уч-там». Словом, географическое название, рожденное приметой, которую сразу определили зоркие взоры путников...

Над прохладой глубокой воды Южного магистрального канала, среди серебристой зелени красавец-тополей, под голубым мирзачульским небом, открытым во все концы нараспашку, здесь стояли только три белых дома. И была чайхана. И был перекресток, скрещение дорог, бегущих с разных сторон Голодной степи, с ее границ и в ее глубь.

Приметное место! Сама жизнь его сделала и сама сказала, как ему называться. Три дома... Но поскольку географические названия не переводятся, не меняют звучания — «Уч-там».

Эту чайхану облюбовал Карим, и Ренат, ставший прсданным водителем и денщиком, частенько останавливал тут свой ЗИЛ с прицепом. Ренат привык подчиняться новому экспедитору беспрекословно, ни о чем не спрашивать, а тем более — не расспрашивать, на все команды отвечать одним словом «Хоп»; то есть «Хорошо», и был очень доволен своей жизнью... С самого раннего утра они трудились на совесть, тут уж им упрекать себя было не в чем, а вечерами гуляли — почему после трудов праведных не погулять молодым людям, а?

К ним все чаще присоединялся сам директор совхоза, Ахмаджан Умурзакович, значит, все было в порядке. Работай и гуляй! Хоп? Хоп!

Славно жилось Ренату.

Сегодня снова гоняли на кирпичный завод, а сейчас вместительный кузов грузовика и прицеп были завалены кирпичом, свеженьким, красненьким. Несколько тысяч штук... Карим дремал в кабине, прикрыв глаза, вероятно, раздавил бутылочку с какими-то кирпичными снабженцами, а ему, Ренату, дремать нельзя, у него руль в руках, смотри и смотри, машин катит много — одни навстречу, другие стремятся обогнать, все спешат! Таков уж климат мирзачульский, если иметь в виду, конечно, не солнце, а климат деловой жизни: дави на газ!

Однако на подъезде к «Уч-там» Карим пришел в себя, встряхнулся и сказал ласково, позевывая:

— Здесь постоим.

— Хоп.

В это время дня машины здесь стояли строем, как на параде. Моторы стыли, а водители и экспедиторы баловались горячим чайком.

Вот и Карим с Ренатом тоже уселись в чайхане, и только налили ароматного чая в пиалки, разломали по лепешке, как к ним подсел какой-то старенький, коротенький дядя, очень похожий на паука, с кривыми ногами и руками... Да и руки казались кривыми, потому что он держал их враспор, отставив локти... На лице — клочок седенькой бородки и клочки усов, таких же седеньких...

— Ну, как? — сразу спросил он, не здороваясь, не знакомясь, из чего Ренат правильно заключил, что они с его начальником давно знакомы.

— Все в порядке, — сказал Карим.

— Где?

— Здесь. Моя фирма точно работает. Прогуляйся, посмотри.

— Грузовик с прицепом? Уже видел.

— Понравился товар?

— Хороший.

— Деньги вперед.

«Паук» заковырялся за пазухой, остановился.

— Может, сгрузим сначала?

— Деньги вперед, — решительно повторил Карим.

Тогда «паук» вынул пачку, тщательно завернутую в газету, обвязанную ленточкой, и передал Кариму, вцепившись в него глазами и спрашивая:

— Не обманешь?

— Я — честный человек! — ответил Карим, пряча деньги.

Вздыхая, «паук» поднялся, пожелал приятного аппетита, как будто лишь сейчас заметил, что они ели, и сказал:

— Меня найдете легко... Я дынями торгую... Вон там. Вечером тоже буду торговать и там же...

Он хотел уйти, уже заковылял, но Карим остановил его:

— Не беги. Брать надо сейчас.

— Как? — не столько удивился, сколько испугался «паук».

— Я тороплюсь.

— Все торопятся! — пожаловался «паук».

— Работа!

Дядька покряхтел, потоптался и спросил, кивая головой:

— Не боишься?

— А ты?

— Боюсь.

— Ладно, иди открывай ворота... Мы больше тебя рискуем.

И «паук» опять заковылял, ушел, а Ренат вопросительно посмотрел на Карима. Тот прихлебывал чай, не обращая внимания на своего водителя, и Ренат подумал, что начальник все время говорил: «Я тороплюсь... Моя фирма...», но вдруг сказал: «Мы больше рискуем», значит, объединил Рената с собой, как только дело дошло до риска. Все уже стало ясно: этому «пауку» он продал кирпич, не поинтересовавшись даже, хочет ли Ренат в таком деле участвовать. И позволено спросить...

— Что за дядька? — спросил Ренат.

— Хитрюга... Коммерсант! — рассмеялся Карим. — Ловкач! На голом месте деньги делает, и какие!

Оказалось, этот дядька уселся на скрещенье дорог, действительно, как паук. Мирзачульские дороги стали для него паутиной. По ним везли дыни, арбузы, фрукты... И дядька все это скупал, с каждой машины ему перепадало понемногу, по несколько штук от знакомых и незнакомых перевозчиков и водителей, по копеечным ценам, конечно, форменная дешевка, а продавал он здесь же, возле «учтамской» чайханы, те же дыни и арбузы втридорога. Большинство машин ехало без этих завидных даров осени, везло хлопок, цемент, кирпич и другие стройматериалы, а то и людей, полный кузов покупателей, всем хотелось отведать мирзачульской дыньки... Вот тебе и криворучка! Бизнесмен!

— Разглядел и впился в это место... Дом себе купил на выручку, уже оправдал первые расходы... Будет расширяться, расстраиваться, каменный забор ставить. Для этого и нужен ему кирпич, — рассказывал Карим.

Они подъехали к раскрытым воротам одного из трех домов и сгрузили весь кирпич с прицепа на выгоревшую траву, сивую, бурую от летнего солнца. Весь двор был в кочках, покрытых этой травой, а сейчас закрас-

нел от кирпича. «Паук» суетился и все время взглядывал на солнце, как будто ждал, что оно сейчас исчезнет, и призывал к этому аллаха. Темное дело требовало темноты... Карим, по его мнению, очень уж разошелся.

— Ладно тебе! — усмеялся Карим. — Наложил полные штаны. Кто знает, что я тебе привез кирпич? Кому какое дело до него? Всем некогда, все спешат! Э-э! Ты же бизнесмен, должен знать, что сейчас ночью не воруют, если попасться не хотят! Сейчас для полной безопасности днем воруют! Не дрейфь!

Закрывая за ними ворота, «паук» облегченно хмыльнулся, кажется, согласившись с Каримом.

— А как же мы оправдаем свою нехватку? — спросил в дороге Ренат.

— Ханкельдыева подпишет, что все, до последнего кирпичика, приняла, считать не будет! Держи свою долю!

Карим протянул ему десятку.

— Спасибо.

... Несколько дней назад они с Каримом заехали на полевой стан Ханкельдыевой. Давно она жаловалась директору, что у передовой бригады нет, по существу, полевого стана, и директор как-то велел Кариму подъехать и посмотреть, что там можно сделать...

Бригада была, казалось, из одних девчат. И одна лучше, веселей, озорней другой... А с Ханкельдыевой Карим встретился как с любимой, долго стояли, держась за руки и о чем-то шепчась... На полевом стане уместился вместо палатки какой-то сарайчик. Карим прежде всего забраковал место.

— У самой дороги! Что за полевой стан? Сплошная пыль!

Прогулялся вокруг и выбрал подходящее место, такое, что само криком кричало: «Вот оно я!» Большая лужайка находилась в конце хлопковой плантации, между лотком-арыком, в котором шумела бурная вода, и соседним полем. Девчатам место очень понравилось, а Карим вынул блокнот, шариковый карандаш, который сначала походил по рукам, потому что он был чешский, разноцветный, красивый, и все девочки хотели им полюбоваться, нарисовал план постройки, обозначил газон, кухню и душевую и спросил:

— Фонтан не хотите?

Видимо, поселковый фонтан с лебедями был тоже плодом его фантазии.

— Нет!— засмеялись девчонки.— Душа хватит!

— Самовар достаньте и приезжайте к нам чай пить. Хоть каждый день. У вас же машина есть!

— Мой «Москвич» можете взять себе,— предложила Ханкельдыева.— Он мне сейчас не нужен. Все равно без дела стоит!

— Давно уполномочили бы меня, все было бы!— самодовольно сказал Карим.

— Уполномачиваем, уполномачиваем!— завизжали девчонки.— А скоро будет?

— Доверьтесь мне и не беспокойтесь! Скоро!

И вот везли им кирпич, правда, оставив третью часть спекулянту на «Уч-там». Но Карим был прав: Ханкельдыева поставила в бумагах подпись, даже не посмотрев на цифры и не прикинув хоть на глазок, сколько кирпича ей доставили. И она, и ее девчонки были рады, что дело сдвинулось с мертвой точки. Они помогали отгружать кирпич, а потом усадили Карима и Рената за чай. Все успели!

Над Мирзачулем уже расстелилась ночь. Небо было огромное, и луна по нему катилась маленькая, как горошинка. Звезды заблестели... В Кариме заговорил поэт.

— Удивительно! Бескрайняя, безводная степь... А какая красотища! Какое небо! Этот простор, эта свобода!.. Нигде нет такого!

— У нас есть,— сказала Ханкельдыева.

— Ваш адрес во вселенной?— спросил Карим и наклонился к ней.

— Почему во вселенной? Он на земле.

— Нет, правда! Вы— ангелы, а мы с Ренатом — часовые у дверей рая!

Девушки расхохотались, а Ханкельдыева смеялась так, что, казалось, звездочка над ней дрожала. А может, и звезды смеялись над словами Карима?

— Какой же вы замечательный человек, Карим-ака!— воскликнула одна из девчат.— Веселый!

— Если так,— ухватился он,— на забудьте меня с Ренатом позвать на свою свадьбу.

— А вы придете с женами?

— Увы, нет...

— Почему?

— Потому что мы холостые!

— О!— слышалось с разных точек девичьего кольца, некоторые даже в ладони захлопали, а Ханкельдыева сказала:

— У вас же есть жена, Нафиса.

И сразу все замерло в такой глубокой тишине, как эта степь, эта ночь.

— Да,— тихо сказал Карим.— И я любил ее. Недавно предлагал восстановить семью ради сына... Но она отказалась наотрез!

Из девичьего круга где-то вырвалось удивленное восклицание. И словно пробило брешь в плотине тишины. Девчонки выдали свои реплики:

— Надо же!

— Вот глупая!

— Ай-яй-яй!

— Да-а,— вслед за ними протянул Карим.— Птица счастья слепая! На голову каких только людей иной раз она не садится! Я встречал «джигитов» в кавычках... Для работы — любой — негодны, в разговорах по-людски двух слов сказать не могут, а жены у них — красавицы, и счастья — хоть отбавляй!

— Вы и теперь любите свою жену?— спросила Ханкельдыева.

— Нет. Если любовь не берегут, не ценят годами, какое сердце не остынет, скажите? Вчера меня вызывали в суд.

— Развели?

— Я дал согласие. Я молодой. Жениться хочу. Авось повезет! А привязанная собака для охоты не годится!

— Правильно, развязывайтесь, мы вас женим!— подхватили девушки.

— Найдём невесту!

— Есть одна на примете!

А Ренат вдруг поднялся.

— Пора нам в путь. Я спать хочу. Завтра рано вставать.

— Верно, верно,— поддержал его и Карим.— Мы завтра заглянем.

В самом деле, хотелось спать, но в эту ночь не

спалось Ренату. Раньше засыпал, как убитый, только голову на подушку, и готово, и так крепко спалось, что утром не мог ни одного сна вспомнить... А в эту ночь до утра ворочался с боку на бок. Ну, пили много... Нельзя сказать, чтобы это ему очень нравилось, но не скажешь, что и возмущало. Даже лестно было иногда... Экспедитор, директор... Компания! А вот история с кирпичом... Этот спекулянт на «Уч-там»! Тоже ведь— твоя компания, Ренат... Что же это такое? Да чего гадать? Обыкновенное воровство. Это уже не бутылка, да. Воровство!

Чуть свет Ренат поднялся и пошел к Саттару-ака домой. Раза два он останавливался по пути, но снова толкал себя вперед, как хороший боксер: если уж решил, так поступай, как решил, будь мужчиной до конца. Выбирайся из болота, Ренат, а то завязнешь... Надавил на кнопку звонка и стал слушать. Молчание. Позвонил еще раз и услышал, как шаркает Саттар-ака к двери.

— Что случилось?— спросил он, приоткрыв дверь, оставленную на цепочке.

— Рассказать хочу...

Саттар-ака впустил его и показал рукой в сторону кухни, дом еще спал. Шаркая по коридору вслед за Ренатом, он подтянул цепочку с гирькой на ходиках, тикавших со стены. Вероятно, у таких, как Саттар-ака, людей в возрасте оставалась любовь к старым вещам, например, к ходикам. Впрочем, сейчас и у молодежи на них разгорелась мода, вполне возможно, дочка купила и повесила...

— Вы извините, что так рано,— заговорил Ренат в кухне.— Вещь такая... важная!

— Да уж понимаю, что из-за чепухи в такую рань не явишься! Садись.

Саттар-ака сам сел первым и показал Ренату на маленький табурет, покрытый веселым цветным пластиком.

Выслушав водителя, он сказал:

— Та-ак...— Вскочил, шагнул и сел снова.— Молодец, что пришел! Та-ак...

И снова вскочил. Заместитель директора по строительству явно был возмущен и сбит с толку, никак не мог сообразить, с чего начать.

— Через полтора—два часа директор будет на месте. Мы с тобой сразу зайдем к нему...

Ренату не хотелось рассказывать, что Карим дружит с директором и пьет вместе с ним, и он сказал:

— Я в то время уже далеко буду, уеду...

— Куда?

— Снова за кирпичом.

Саттар-ака подумал.

— Езжай, езжай... А я зайду к директору... Для формы должен зайти... А вообще-то сам позвоню в прокуратуру... Директор ему ничего не сделает, даже по рукам как следует не стукнет... Они же собутыльники!

Вот так раз! Ренат не хотел говорить, боялся, а люди, оказывается, все знали. Еще бы! Большого пятна от людских глаз ладонью не закрыть...

— А если Карим опять прикажет остановиться на «Уч-там» и свалить кирпич с прицепа спекулянту?

— Тут они и попадутся на месте преступления! Вали!— обрадовался Саттар-ака.

Когда заехали во двор к «пауку», Ренат все поджидал, что сейчас в калитку, запертую этим раскорячкой на несколько поворотов ключа, постучат строгие люди, войдут с милицией, и тогда все, точка... Но ничего подобного! Никто не появился... Как въехали, так и уехали в тишине. На лужайке, где запланировали строительство полевого стана, выгрузили кирпич из кузова грузовика, и снова Карим выхвалялся перед девчонками, и снова они, как дурочки, восхищались им, и снова поили вкусным чаем. А потом Карим послал его на грузовике к большой дороге и велел там ждать, а сам позвал Ханкельдыеву, и она пошла провожать его... Сколько мог, Ренат видел их в боковом зеркальце, пока не повисли перед глазами темнота и пыль, которая угадывалась по запаху...

... Уктамхон позволила целовать и обнимать себя. Она тоже стосковалась по ласке, по его ласке... А он тискал ее крепенькие плечи и повторял:

— Я из-за тебя сюда приехал! В эту пустыню! В эту затерянную точку всей вселенной! Ты сама знаешь... Ты меня сюда привезла... Как увидел тебя тогда в Янгиере, понял — я твой пленник! Прикажи — луну достану!

— Не надо, ничего не надо, Каримджан,— повторяла она,— не надо!

И не сразу заметила, что отступает перед ним, шаг за шагом, пятится назад... Пока чуть не упала в канаву и не остановилась. Вдруг она испугалась, сердце сдавило до боли.

— Отпустите меня, Карим-ака!

— Сколько я могу ждать? Уктамхон, дорогая!

Мерцали звезды, и под ногами была трава, а за спиной, в канаве, таинственно тихо, перебирая травинками, текла вода...

— Отпустите меня, или я закричу!

Она не знала, закричала бы она на самом деле или нет, но он остановился. Мать, которая вдруг вспомнилась Уктамхон, наверно, сказала бы по этому поводу, что ангел пролетел мимо и спас ее от беды.

— Я вас по-настоящему люблю,— сказал Карим.— Видите, как слушаюсь. Клянусь!

— Встаньте подальше!

Теперь он нашел, как вести себя, а она почувствовала свою власть и продолжала эту линию.

— Никогда бы не подумала, что вы можете быть таким!

— Простите меня. Ну, простите, я пошутил... Вы простили?

— Простила,— ответила она хмуро, и говорить вдруг стало не о чем.— Ну, как там директор? Как его жена, наша милая Дилдор? Мы все ее любим.

Уктамхон спросила об этом просто так, чтобы переменить тему разговора, для Карима же это было совсем некстати.

— Почему вы задумались?— настаивала она.— Как Дилдор?

— А, нехорошая весть!— Он махнул рукой.— Неужели еще не слышали?

— Что?

— Значит, я первый должен сказать?— спросил он, размышляя, что ничего плохого не сделает для Ахмаджана, а Ханкельдыевой еще раз докажет свою верность, и это может пригодиться.— Она ушла от него.

— Как ушла? От кого?

— Дилдор от нашего директора, такого человека! Без всякой причины!

— Без всякой причины?

— То есть!— воскликнул Карим.— Так, конечно, не бывает. Вы знаете Азиза, директора соседнего совхоза?

— Незнакома, но видела и слышала... Он выступал на межрайонном активе, больше тысячи человек слушали его, открыв рот!

— Если бы они узнали, что я вам сейчас скажу, то еще шире бы свои рты открыли! В девичьи годы Дилдор, оказывается, встречалась с ним. Но хозяин взял верх и женился на ней. Во-от... Выйти-то она вышла, но забыть Азиза не могла. Ездила к нему в совхоз не раз... А теперь собрала вещи и совсем ушла... Хозяин полагает, что к нему!

Чему угодно Уктамхон поверила бы, только не этому, и она сказала сухо:

— Уже поздно, Каримджан, поезжайте.

— Еще одна деталь!— заторопился Карим.— Хозяин хочет иметь ребенка, а Дилдор не хочет, так что он не особенно убивается и никогда не кинется за ней вдогонку!

— Уезжайте!— почти выкрикнула Уктамхон.— Вы, конечно, защищаете директора, и я знаю, почему.

— Почему?— усмехнулся Карим.

— Пьете вместе.

— Мы?

— Люди-то видят!

— Ох, люди... Я бы этих людей!.. Всюду — люди, люди!..

Но Ханкельдыева уже уходила, повернувшись...

Он дошел до грузовика на большой дороге, сел в кабину и хлопнул дверцей.

— Поехали, орел, гони в поселок!— А в поселке сразу попрощался:— До утра! Спать!

— Спокойной ночи,— сказал Ренат.

... Но возле общежития Рената встретил Саттар-ака и спросил:

— Ну как? Я заждался!

— Так же...— усмехнулся Ренат.— Привезли кирпич, скинули у этого паука...

— И что?

— И уехали... Вот, держите, я получил еще десятку... Заберите сразу,— и сегодняшнюю и вчерашнюю...

Я думал, официально властям отдать, да не видно что-то властей... А мне в кармане носить противно.

Он протянул руку с десятками Саттару-ака, и тот крепко схватил его за руку.

— А ну, пойдем к директору! Живо!

— Зачем?

— Он просил меня никуда не звонить, никуда не сообщать, сказал, что все сам сделает. А тебя просил зайти, как вернешься. Пошли вместе. Он ждет.

В кабинете директора было сильно накурено, хотя сидел там один Ахмаджан. А дыму плавало вокруг потолочной лампы, как будто большое совещание только что кончилось. Директор горбился, как старая птица. Черный, оттого что не побрился утром. Детскими, незащищенными глазами посмотрел он на Рената и сказал:

— Я прошу вас, Ренат... Утром, пораньше, поедете в «Уч-там» и возьмете у этого спекулянта весь кирпич, до последней половинки...

— Как?— закричал Саттар-ака.— Вы хотите заметить следы, покрыть Карима, вместо того чтобы... Значит, вы не звонили в прокуратуру? Нет!

Он замотал вытянутым пальцем из стороны в сторону, собираясь еще что-то сказать, но Ахмаджан перебил его:

— Если всех людей в совхозе — сразу в прокуратуру, начнем сажать, с кем будем работать?!

Саттар-ака вытаращил глаза, и Ренат испугался, что его инфаркт хватит от директорских слов.

— Во-первых... это не люди... а... а... преступники!— продохнул наконец Саттар-ака.— Во-вторых, всех — в прокуратуру... Зачем вы так говорите, почему? Только преступников! Не всех!

Ахмаджан выслушал его, закрыв глаза.

— Ладно... Положите ваши документы на стол... Я разберусь!

Глава девятнадцатая

ДОБРЫЕ ЛЮДИ

А Дилдор, и впрямь, остановилась и устроилась в тридцать втором совхозе. И в то время, когда Ахмаджан, скрипя зубами, ломал голову над тем, где она, и

не сомневался про себя, что ее переманил и приютил Азиз, она уже принимала там больных. Поистине, неисповедимы пути, по которым жизнь ведет человека, но все было совсем не так просто, как это представлял себе Ахмаджан.

Все было совсем не так!

Едва Дилдор оказалась в кабине грузовика, за рулем которого сидел пожилой человек с рыжими, насквозь прокуренными усами, как у нее закружилась голова... Она даже глаза прикрыла и наклонилась, а потом откинулась, чтобы унять легкий, показавшийся случайным позыв к тошноте...

Шофер выбросил изо рта сигарету, не докуренную даже до половины, опустил стекло пониже, чтобы больше свежего воздуха попадало в кабину, и нет-нет да поглядывал на пассажирку, подаренную ему дорогой...

Ах, дорога! Каждый день она полна новыми событиями и людьми. Не соскучишься...

А Дилдор думала: как же так, почему она раньше не почувствовала? Ну, хотя бы вчера, хотя бы сегодня, в эту бессонную ночь? Почему она до сих пор оставалась в неведении о новой жизни, уже зародившейся в ней?

Как они ждали ее, она и Ахмаджан! Может быть, знай он это, иначе вел бы себя, иначе относился к ней, и не было бы этой ночи, не было бы никакой Тамары! А теперь...

От горькой обиды у нее слезы пскатились по лицу.

Нет, сна не могла вернуться и обрадовать Ахмаджана. Некуда было возвращаться, не к кому. А как все могло бы быть! Она плакала и думала о том Ахмаджане, которого любила когда-то...

Шофер держался обеими руками за руль, стараясь осторожней вести тяжелую машину, не прозевать трещины на асфальте или камня... Словом, мобилизовался.

Когда Дилдор вытерла слезы и взялась за горло, он спросил:

— Соленького хочется? А я непьющий! У меня с собой даже огурчика нет!

Дилдор улыбнулась:

— Потерплю.

— Терпи, терпи, — поощрительно ответил он. — Теперь для тебя это главное...

Он старался говорить с ней поласковой и ехать потише, тоже поласковой. Пожилой человек быстро понял, в чем дело...

В посветлевшем небе неистово кричали ласточки. Их стало слышно, едва грузовик остановился у арки с надписью «Совхоз имени Султана Джуры». Возле арки появилась автобусная остановка. Да, жизнь, пробившаяся в Мирзачуль, крепко пускала в нее свои корни. Дилдор поблагодарила его и сказала:

— Я здесь останусь.

— В «Джуре» пойдешь, что ли? — поинтересовался он.

— Да.

— Сиди! Еще целых три километра! — сказал он так, как будто было не три, а триста, и стал заворачивать на дорогу, бегущую в совхозный поселок.

Ну что ж, подумала Дилдор. День начинается не так уж плохо, первый человек, встретившийся ей, оказался добрым. Надо взять себя в руки и успокоиться.

Рыжеусый от табачного дыма шофер довез ее до больницы и смущенно закашлялся:

— А тебе не рано сюда, милая?

— Я здесь работаю.

— По медицинской части?

— Я — врач.

— Хм! — удивился шофер. — А с виду — совсем девочка. Я так и принял... Ты да ты! Вы уж меня простите, пожалуйста. Не обижайтесь, я так, попросту...

— Обижаться? На что? — удивилась Дилдор. — Добрый путь вам!

— Я от чистого сердца, — смущенно договорил шофер. — Вижу, что-то не так! А вы помните... Вы — наш доктор, а ваш доктор — время. Обойдется!

И он уехал, может быть, чтобы больше никогда не встретиться в ее жизни, оставив глубокий след, а она огляделась... Поселок просыпался, отдельные люди торопливо проходили по дальним улицам, проглядывающим сквозь зелень, но для больничного начальства этот час, конечно, был еще очень ранним... Лучше подождать немного... Можно сесть вот на эту скамейку под топодем, посидеть и послушать птиц...

Но птичий пересвист быстро утих, будто его и вовсе не было... Дилдор опять заняли ее мысли...

И хотя солнце лезло в глаза, перед ними снова встала ночь, маленькая автомашина прорезала ее фарами, из нее вышли мужчина и женщина и бесстыдно, и беззастенчиво, будто никого и никогда не было и не могло быть вокруг, принялись обниматься и целоваться... Кадр, достойный западного фильма, честное слово! Любовь на рассвете...

Дилдор даже покачала головой и вздохнула. Не об этом надо думать, это зачеркнуто. Она уехала из больницы, которую, можно сказать, строила, надевая комбинезон вместо врачебного халата, у нее были больные, которых она оставила, предала... Конечно, не было таких, которые немедленно требовали ее присутствия и помощи, но все же она нарушила врачебный долг, врачебный завет. Вот на что толкнул ее Ахмаджан! А вернуться она не могла, потому что там, где осталась ее больница, был он. Там был, как любил повторять он, его совхоз. Его!

Значит, надо связаться с райздравотделом.

Но сначала нужно выяснить, возьмут ли ее на работу в этом, тридцать втором совхозе. Врачи, конечно, им нужны, как они нужны во всех районах Мирзачуля, но Азиз... Как он отнесется к ее неожиданному шагу, к ее решению, к ее нужде? Поймет ли молча? Начнет ли расспрашивать, каждым словом причиняя ей боль? Как у него с Нафисой? Вдруг он еще больше помрачнел и ожесточился? Азиз? Нет, это невозможно себе представить! А почему невозможно, Дилдор? Разве ты ждала от Ахмаджана того, что получила? Нет. Так не надо заранее настраиваться на добро. Учись жить! Окажется ли Азиз добрым? Неизвестно. Когда думаешь о жизни, лучше всего говорить — неизвестно.

Вот что старалась внушить себе Дилдор, сидя возле больницы на скамейке под тополем. А утро разгоралось... На крыльце показались три женщины в белом, похоже, дежурный врач, медсестра и старая санитарка с веником в руке... Закончила уборку палат и вышла подмести крыльцо перед сдачей смены... О женщины в белых халатах! Поэты уже написали о вас свои строки, но еще не сложили заслуженных вами стихов и поэм. Сколько вас каждое утро, по всей стране, встает на защиту самого главного, самого дорогого, что есть в жизни, человеческого здоровья. Можно проще и точнее

сказать — человека... Не сосчитать — ни вас самих, ни ваших, иногда невидимых и незнаемых, скромных и великих подвигов.

Санитарка показала кончиком веника в сторону Дилдор. Говорила о ней, похоже... Сейчас она подойдет к ним, познакомится с ними, всегда, всюду, навечно своими коллегами, оставит у них свой чемодан и отправится к Азизу.

Жить в одном поселке можно просто и разговаривать скупно. Она сейчас ни с кем не хочет много разговаривать.

— Здравствуйте...

— До свидания...

Но сначала надо устроиться.

В приемной директора хлопотала новенькая секретарша, не та татарочка, которую, кажется, звали Зулейха... Это была такая же молоденькая и такая же... да-да... с пигментными пятнами на щеках и круглым животиком... Еще «коллега» Дилдор, по другой, правда, линии.

— Доброе утро... Азиз Латипович еще не пришел?

— Сейчас будет... Посидите.— Секретарша, раскладывая почту и бумаги, показала глазами на диван.— А хотите, пройдите в кабинет. Азиз Латипович разрешает...

— Я подожду здесь,— присаживаясь, ответила Дилдор.— А где Зулейха?

— На комбайне, в поле... Она ведь механизатор... Директор взял ее сюда, когда она... А теперь вот я...

— Так, понятно,— улыбнулась Дилдор и подумала: смешной Азиз, меняет секретарш, предоставляет им работу почище и полегче, помогает будущим молодым мамам.— Ну, а кто у Зулейхи? Сын или дочь?

— Вы ее знаете?

— Видела один раз.

— Сын! Ой, она такая счастливая!

— Как назвали?

— Фархадом. Есть такая поэма, где Фархад провел воду в степь... ради любимой...

— Знаю.

— Ну вот... И Зулейха счастлива, и ее муж Анвар... Радости полон дом!

Ей приятно было слышать, что есть дома, полные радости. Не так было одиноко и страшно жить дальше.

В это время открылась дверь, и в приемную вошел Азиз. Был он в полосатой рубашке, красной с белым, молодечески яркой, поздоровался с секретаршей и пошел к кабинету, даже не взглянув в ту сторону, где сидела притихшая, как мышка, Дилдор. Секретарша повела на нее глазами, и Азиз повернулся.

— О, здравствуйте!

Пока он быстро подходил к ней, она встала и протянула руку, а он спросил:

— Какими ветрами?

Это был его обычный вопрос, особенно в минуту растерянности. Вспомнилось, как с теми же словами он подошел к ней год назад, к машине, где сидела она, ожидая мужа, на гулистанской площади, у здания обкома партии. Тогда она ответила: «Степными», сейчас сказала:

— Житейскими.

Разными были ее улыбки в тот день и сегодня, и он спросил иначе, с беспокойством в глазах:

— Все в порядке?— Она промолчала, и Азиз понятиливо показал на дверь кабинета:— Прощу.

Окна в кабинете были открыты, на столе, рядом с пепельницей, стояла ваза с цветами — секретарша постаралась. Удивительно, как всегда, пах райхан... Дилдор присела перед столом и молчала, опустив голову, боялась, что голос задрожит, ждала. Старый друг не торопил ее.

— Азиз-ака,— наконец спросила она,— мы с вами друзья, так?

— Так.

— Если бы не так, я сюда, конечно, не приехала бы,— сказала она и облегченно вздохнула.— Я приехала к вам как к другу.

— Что случилось?

— Беда. Но не спрашивайте, какая. Все равно не скажу.

— Дедушка жив?

— Дед, отец, мать, сестры, братья — все живы-здоровы.

Он кивнул головой, черные кудри его, пробитые се-

диной, рассыпались, и почему-то именно эта ранняя седина вызвала в ней особенное доверие.

— Я приехала к вам жить и работать.

— Как?

— Как все.

— Добро пожаловать, — сказал Азиз, улыбаясь так, будто не замечал ни слез в ее опухших глазах, ни того, как она ломала пальцы. — С открытыми объятиями примут вас в больнице... А жить... Хотите у моей мамы? Я все время в поле, думаю, что...

— Мне достаточно уголка в общежитии.

Он еще раз кивнул. Казалось, он чувствовал, как натянуты все струны ее души, и боялся хоть одну задеть и порвать неосторожным словом.

— Еще одна просьба к вам, Азиз-ака. Не ходите со мной вместе по поселку.

— Хорошо... Но и у меня к вам есть одна просьба.

— Какая?

— Жуткая! — сказал он и свел брови, соединившиеся в черный жгут.

— Ну? — и Дилдор тоже невольно свела брови.

— Если будет моя помощь нужна, обращайтесь сразу же, хорошо?

Она улыбнулась, а он только и хотел этого.

— Как Нафиса? — спросила она.

— У нас с мамой живет ее сын Фируз.

— Красивый мальчик!

— Да.

Она поднялась.

— Значит, договорились, Дилдор? — спросил он, поднимаясь тоже. — Обращайтесь!

Едва она вышла из кабинета, он сейчас же позвал к себе звонком секретаршу, и Дилдор стало неудобно, что она отняла время у директора — своих же дел у него по горло, но секретарша уже выбежала из кабинета, попросила ее подождать минуточку, вынула из ящика и протянула ей какой-то ярлычок.

— Вот и жильем обеспечены.

В больнице Дилдор быстро отыскала дверь с табличкой «Главный врач». Немолодая, да просто старенькая, аккуратно одетая русская женщина в очках с толстыми стеклами, усадила ее, словно ждала. Она, и правда, сказала:

— Азиз Латипович уже звонил о вас мне. Вас Дилдор зовут?

— Да.

— Можно, я буду называть вас Диля? У меня была в Ташкенте молоденькая ассистентка, Диля. А я — Наталья Петровна.

— Пожалуйста, Наталья Петровна.

— Врачи нам позарез нужны. И главный, и дежурный, и хирург, и терапевт — все сама! А ведь уже за шестьдесят. Ужас! Азиз Латипович сказал мне, что вам помочь надо. Я свяжусь с райздравом и попрошу, чтобы в тридцать третий направили одного врача из тех, кого подбирают нам по нашей заявке, а вас перевели сюда...

— Вот за это самое большое спасибо, Наталья Петровна. Груз мне с сердца снимаете.

— Всякое бывает,— сказала Наталья Петровна,— всякое.... Надо помогать друг другу... Я хорошо знаю заведующего райздравом, он добрый человек... А вы завтра же выходите на работу, сможете?

— Смогу... Только...

— Что, девочка?

— Наталья Петровна! Вам могут позвонить из тридцать третьего и узнать, нет ли меня здесь... Не выдавайте!

— Хорошо, девочка.

В общежитии такой кишлачный по виду дед с узенькой белой бородкой вынул ключ, отдал в обмен на ярлычок, а потом постучал в дверь и принес чайничек и узелок с едой. Да еще извинился:

— Прости, дочка! Народный обычай!

Беда не беда, а есть хотелось, и оставалось только поблагодарить народный обычай, обязывающий угощать новоселов. И доброго деда, который поделился с ней домашними пирожками и чай заварил свежий, крепкий. Он и окно ей открыл, приговаривая:

— Комната у тебя на теневой стороне, хороша для лета, живи — не горюй! И чай пей, пока не остыл. Выпьешь — порозовеешь. Вон какая бледненькая! Еще раз прости... Говорят, нет вины в том, что человек спрашивает... Кем у нас будешь работать?

— Врачом.

— Тогда я к тебе первый приду! Записывай. У меня

ревматизм в руках... А как без рук? Даже чая людям не заварить!

— Приходите, бабушка.

У нее кружилась голова, опять тошнило, и она подумала со страхом: «Неужели буду так тяжело переносить?» Однако после первых же глотков чая стало лучше...

Жизнь протянула сегодня навстречу ее несчастью множество добрых рук, стараясь прикрыть, отгородить ее, помочь ей. Никому не пожелаешь беды, но стоит, наверно, испытать ее однажды, чтобы убедиться в том, в чем сегодня убедилась она. На свете много добрых людей. Без них она просто пропала бы. Пишут, говорят, что добрых людей больше, чем плохих, а мы живем и не замечаем их. Зато бывает, что один негодяй весь белый свет сразу сделает черным!

Но что делать, если негодяем оказался твой любимый?

«Только бы он не приехал сюда! — думала Дилдор, лежа на узкой койке и вперив взгляд в потолок. — Только бы не приехал! Дал бы мне собраться с силами, успокоиться, если это возможно! Только бы не приехал сюда!»

Наверно, не зря она повторяла это заклинание...

Ахмаджан прикатил на третий день...

Был час здешней «сиесты», когда даже рабочие со стройки сидели в тени, и очередь у ларька, закрытого на перерыв, тоже уселась на скамейке сбоку, в квадрате тени, ожидая, пока вернется продавщица.

Дилдор прилегла на полчаса в своей комнатке, когда раздались его шаги — она узнала их, сердце вздрогнуло и сдавилось, и он дернул дверь, сорвав ее с крючка.

— Вот ты где!

Она присела на койке и закрыла ноги белой простыней. А он плюхнулся на ее единственный стул...

— Не обманули меня предчувствия!

У него было осунувшееся лицо, глубоко запавшие от бессонницы глаза.

— Как ты нашел меня?

— Спросил в больнице доктора Рахимову. Сказали — у себя. А куда мне за тобой ехать — и так догадался, без вопросов. Он к тебе в Ташкент ездил с пред-

ложением, отказала, а теперь у него дела лучше, перспективный директор, ученый... И ты — сюда! Нашел!.. Куда проще!

— Замолчи!

— Давно договорились... держали связь, а я — дурак!.. Ты же бывала здесь!

— Замолчи! — снова потребовала Дилдор, закричав так визгливо, как с детских лет не кричала, это был не крик, а вопль, полный обиды.

— Боишься? — усмехнулся Ахмаджан, подумав, что кричать, пожалуй, не стоит, может услышать старик у входа в общежитие... Да и совсем не так, как хотелось, пошла беседа, если это можно назвать беседой... Пока мчался сюда, проскакивая повороты и визгливо тормозя, пока бежал по коридору общежития, казалось, сердце остановится, задохнется, не дожидаясь, когда появится перед глазами Дилдор, его Дилдор, его... И будет только нежность, только радость... А вот увидел и... Ее крик напомнил скрип тормозов на дороге, с воем, и стало страшно. Однако он уже не мог удержаться, насмешливо договорил:

— Работа, общежитие... Мастерски у вас получилось!

— Ты — подлец! — тихо сказала Дилдор, но в отчетливости этого тихого слова, в каждой его букве звучала пощечина.

— Я? — Ахмаджан вскочил.

— Не разыгрывай ни удивления, — попросила Дилдор, — ни ярости. Смешно. После того, как ты целовался с другой?..

— С кем? — растерянно спросил Ахмаджан, снова опускаясь на стул, точно у него начали отниматься ноги.

— С Тамарой.

— Наврала! — закричал он. — Ложь! Клевета! Мерзкая и низкая ложь! Кто тебе сказал?

— Никто, — ответила Дилдор, дав ему откричаться и не испытывая при этом никаких мстительных чувств, ничего, кроме жалости к нему и к себе. Как она могла не разглядеть грязных пятен на его лице? Как она могла полюбить?

— Скрываешь клеветника? — разъярялся Ахмаджан. — Ну кто, говори! Кто это видел?

— Я... Я сама видела... Своими глазами. Ты приехал с ней в своих прекрасных «Жигулях» и... А я стояла у окна своего кабинета в больнице... Я случайно увидела это, но дальше... Все дальнейшее не случайно...

Он сидел и слушал, ниже и ниже наклоняя голову, и одно веко дергалось у него, как в конвульсии. Он потер его кулаком и улыбнулся...

— Нервный стал...

— Лечиться нужно.

— Мой доктор — ты.

— Нет уже. Больше это не так... Я была доктором, ты предпочел знахарку... Я понимаю, что все слова для нас сейчас бессмысленны... И если говорю, то лишь для тебя... Мы должны или прекратить беседу или, по выражению мудрых наших стариков, до конца пройтись по улице правды. Для тебя, потому что вместе нам не быть больше... Ты не любишь правды, Ахмаджан... Ты любишь только то, что нравится тебе... Те слова, которые тебя украшают, тех людей, которые тебя хвалят... Карима, например, который, называет тебя хозяином.

Ахмаджан улыбнулся:

— Называл... Он жуликом оказался... И удрал, тысячу рублей в бухгалтерию не вернул... Обкрутил меня!

— Вот это правда.

— Я в прокуратуру позвонил! Я!

— А вот в этом сомневаюсь что-то... Боюсь, что тебя заставили...

— Не веришь?

— Уж очень я хорошо изучила тебя... Потому что...

— Ну!

— Потому что любила. Из-за тебя оставила Ташкент, уехала в маленький кишлак. За тобой поехала в Мирзачуль. Я была твоей тенью. Когда ты бодрствовал, я тоже не спала, ждала... И дождалась!

Они посидели молча, и Дилдор вздохнула, нарушив небывалую тишину.

— Счастья хотела... Тебе, себе... Без любви нет счастья... Но любовь, оказывается, еще не само счастье, это — экзамен. И ты его не выдержал.

— Согласен, — подтвердил Ахмаджан и поднял голову. — Собирай вещи, поехали!

— Куда?

— Домой.

- У нас нет дома. Ты предал его, предал меня...
 - Один раз! И сразу же...
 - Предательство не бывает первое, второе, третье...
- Это не бухгалтерия. Это просто предательство.

Ахмаджан слушал ее и опять улыбался. Он часто улыбался во время этой встречи — скорее всего от нервной нагрузки, от беспомощности.

- Хочешь сказать мне: «уйди»?
- Сам должен понять, если умный. А ты ведь умный!

Таким она и запомнила его — ушел с улыбкой.

Глава двадцатая

Ф И Р У З

Азиз приближался к дому, когда до ушей долетел взволнованный крик матери:

— А ну, слезай, кому говорю! Слезай сейчас же! О аллах, никакого слада с ним нет! Ну, что делать!

Открыв калитку, он увидел, как мать отрывает Фируза от ствола молодого тополя, за который он уцепился обеими руками в обхват. Он смеялся и отбрыкивался, как жеребенок, пока не увидел Азиза. А увидев, кинулся к нему опрометью.

— Папа! — радостно кричал он. — Папочка!

Азиз подхватил его и приподнял над собой высоко. Показалось, и его когда-то поднимал и подбрасывал так отец в родном Фирузе, давным-давно. Но этого не было... Он не подлетал с отцовских рук ввысь, под самое небо, до замирания сердца. А казалось, что тот же голос кричал тогда:

— Эй, уронишь! Уронишь! Опустит! Опустит на землю!

А он смеялся, как смеется сейчас Фируз, потому что был счастлив без всякой меры, как бывают счастливы, наверно, только в детстве...

Наконец он прислушался к матери и опустил Фируза на землю, ту самую, на которой все ищут счастья, хотя все называют ее грешной.

- Папа! Подсади меня на ветку!
- Зачем?

— Это будет мой конь. Я поеду на нем. Чу-чу!

— Я тебе поеду,— в шутку замахнулась на него бабушка немощной и всевластной рукой.— Такой баловник! Такой резвый, непоседа! Умывайся, сейчас обедать будем... Фируз!

Фируз, бежавший к тополю, затормозил, подняв бо-сьми ногами пыль, и повернул к умывальнику, а мать жаловалась, ничего не получая от этих жалоб, кроме удовольствия.

— Замучил он меня! То спрячется, никак не найдешь, а он требует: ищи, ищи! То на дерево заберется— душа уходит в пятки!

Она тоже была счастливым ребенком.

— Что на обед?— спросил Азиз.

— Халвайтар... Приготовила...— Мать немного растерянно, даже виновато взглянула на Азиза.— Сын твой любит сладкое.

Сын? Вырвалось это у нее, само собой сказалось, так, что она и не заметила, или специально? Мать могла и хитрить, конечно, по-своему, по-матерински...

Так или иначе, хорошо, что Нафиса ничего не слышит и не видит, еще обиделась бы...

— Ну что ж... Я давно не ел халвайтар, забыл уже, какой вкус у этой еды...

Да, жизнь не баловала его халвой, а мать старалась побаловать, мать, не заметив никакой реакции на «сына», спросила без обиняков, вынеся свежее полотенце, пока он умывался:

— Ехать мне сватать Нафису?

— Святая простота вы, мама.

— Да уж, конечно... Где мне сложности понять!— заворчала мать, выдернув из его рук полотенце.— Ты... постарайся запомнить, Азиз, что я тебе скажу по простоте душевной. Человек, которого укусила змея, куска каната боится. Ему кажется, что это тоже змея. Женщине, натерпевшейся от мужа, все мужчины кажутся зверями!

— В том-то и беда, мама, Нафиса уверена, что я не зверь, не змея, а даже очень хороший человек, но все равно не подпускает меня к своему сердцу.

— Потому что ты ее обидел.

— Да. И я ее не корю,— сказал Азиз, садясь за стол на веранде.— Она права.

Мать тоже села.

— Черствый человек — не черствая лепешка. Отойдет, отогреется... на огне любви. Это самый волшебный огонь, сынок, он чудеса творит!

— Дал бы аллах, как вы любите говорить, мама.

— Не об этом думай... Не назад смотри, а вперед. Никогда в жизни не вспоминай о прошлом, не упрекай Нафису. Она сейчас этого боится... Несознательно... Одним словом можешь все испортить. Ей сейчас помочь нужно.

— Чем?

— Словом. Словом великие дела вершатся...— Мать помолчала и добавила: — Благородным, конечно... Фируз! Куда-то удрал, пострел!

— Эй, наездник! — позвал Азиз и посмотрел на тополь, — окрепшие за лето ветки его были пустыми.

— Вон как, — сказала мать, оглядывая стол, — тарелку халвайтара уволок!

— Куда?

— За дом! Воробьев кормить... Их там — туча! Фирузджан!

Азизу вспомнились слова Нормата-ака о том, что первым добрым знаком укоренившейся жизни на целине, за окнами степных поселков, служит воркованье горлинок... «А потом уж и воробьи!»

— Пусть покормит воробьев! Спасибо, мама, что учите меня жить.

— Есть люди, которые все быстро забывают. Нафиса не из тех людей, как видно. Живи надеждой.

— Да... — ей и самому себе кивнул головой Азиз.

— Ты с ней будешь счастливым, сынок.

— Спасибо, мама, — повторил Азиз.

— За что?

— За доброе слово.

Прибежал Фируз, плюхнулся на свою табуретку и начал уписывать мягкую, желтую, сахарную кашу, быстро наложив ее в пустую тарелку. Мать радовалась, как охотно накладывал мальчик халвайтар из круглого фарфорового блюда. Азиз улыбался ему, они иногда пересматривались, как заговорщики. Мать поела и пошла за чаем, свернув, однако, по дороге к звонившему телефону.

— Иди, Нормат-ака тебя спрашивает.

Он поговорил по телефону и, вернувшись на веранду, сказал, что завтра поедет на слет молодых хлопководов в Гулистан. Вместе с Якутай и Тургунали, который расскажет о двухрядном способе посева хлопка, обещающем большое будущее. Пусть их вынудила стихия на это, но у Тургунали уже есть опыт...

— А ты не будешь выступать? — спросила тетушка Нигор.

— Хватит и Тургунали от нашего совхоза.

— Ну и ладно! — с одобрением сказала мать.

И подумала, что сын и в этом похож на отца. Тот никогда не говорил о себе. Не хочет и Азиз. А ведь он был пионером этого самого двухрядного способа... Да как рисковал, не спал ночами, щеки ввалились... Пусть Тургунали скажет о нем, своему директоре, если захочет, молодой бригадир...

— Чего загрустил? — спросила она сына.

— Бсюсь, как бы Нафиса не приехала без меня за Фирузом, — признался сын. — Могу так и не увидеть ее!

— Я не поеду, не поеду! — закричал Фируз, уловив, что речь пошла о нем.

Нафиса приехала через два дня после возвращения Азиза со слета. Она позвонила сначала и спросила, как чувствует себя Фируз.

— Я очень соскучилась по нему! — звучал в невыносимом отдалении ее голос, от которого сердце вздрагивало и замирало, а сам он все время улыбался. — Что он делает?

— Резвится... Кормит птиц...

— Ну, хватит уже!

— Что?

— Хватит!

В трубке щелкало, булькало, трещало, а потом понастоящему засвистело, будто степь залилась соловьем-разбойником. О черт! И всего-то было несколько десятков километров, а такая слышимость! Иной раз с Москвой говоришь — куда лучше!

— Нафиса! Нафисой! — кричал он.

— Я говорю — хватит! Нарезвился уже и накормил всех птиц!

Голос у нее был веселый, ласковый или казался таким, было хорошо себя обманывать. Голос ее звучал

весенней капелью. Бился в трубке первой ласточкой перед зарей. Хотелось слушать и слушать, но щелкало и свистело громче, все время перебивая Нафису или заливая ее голос разным шумом и треском, как водой в половодье.

— Я скоро приеду!

— Когда? Когда вы приедете?

Трубка не ответила. Вернее, вместо Нафисы ответили сердитые гудки: ту-ту-ту...

То ли связь оборвалась сама, то ли телефонистка выключила, потому что показались чересчур легкомысленными и неуместными слова о птицах среди заказов на транспорт, на горючее, рапортов, деловых просьб и ругани.

Азиз положил трубку на рычаг и ждал, не повторится ли вызов. Не повторился. Дома он сказал матери:

— Надо нам собирать Фируза. Скоро приедет Нафиса.

— Пусть еще поживет, — взмолилась мать, — я сама отвезу его!

Азиз ушел в дальний угол двора, бродил по нему, раздумывал. Мать медленно подошла и сказала сразу:

— Одним ты не похож на отца. Он никогда не отпустил бы меня. Как приехала, так и осталась бы!

— Вы сами сказали, мама: живи надеждой.

— Сначала поговори — сказала я!

Он ушел, пожав плечами, будто сомневался — захочет ли она слушать, и тетушка Нигор, положив одну руку на грудь, а другой подперев подбородок, провожала его взглядом и вздыхала: «Эх, молодежь, молодежь...»

У людей бывают разные недостатки, от которых они страдают порою тяжело. Один не умеет петь, другой плясать. Один плохо говорит, другой плохо ест. Азиз плохо говорил, причем в самые важные минуты своей жизни он не мог найти самых нужных слов.

И вот — сколько он ни терзался, а слов не было. Он предупредил секретаршу, что приедет мать Фируза, описал, какая она, наказал пропустить ее сейчас же, без очереди, а потом думал, зачем сказал это, разболтает без злого умысла, просто так, переполненная инте-

ресом, а любопытных немало, соберутся посмотреть, поселок городского типа, как писали о мирзачульских поселках, все равно в чем-то остается кишлаком... Потянутся глаза из-за заборов...

И он думал об этом, вместо того чтобы думать о словах, которыми встретит Нафису, и когда она вошла — совсем потерял дар речи. Она вошла в алом, закатного цвета, атласном платье, бледно-розовой тюбетейке... Лицо светлое, будто умытое утренней росой... Когда-то, еще в институте, один шутник учил ребят: «Если увидите красивую девушку, говорите: «Я как во сне». Азиз стоял и смотрел на Нафису, как онемевший, а потом тихо сказал:

— Я как во сне...

— Это наяву, — ответила она. — Можно, я сяду?

— Да, конечно! — спохватился он, а сам все стоял. — Нет, это сон... Сон, который длится для меня семь лет... Вы не сердитесь, что я сразу заговорил. Семь лет молчанья.

— Чем продолжительней молчанье, тем удивительнее речь... — сказала она, глядя куда-то мимо него. — Это из стихов... Не надо сейчас, Азиз, — закончила она, повернув к нему лицо.

— Я хочу спросить...

— Не надо!

— Только одно... Карим... он... не угрожает?

— Он исчез, — сказала Нафиса. — Ко мне приходили из милиции... Он работал где-то в совхозе... Проворовался и бежал... Исчез...

А Азиз сразу успокоился, схлынуло напряжение, и запросились на волю слова о том, что он понял свою вину, пусть она поверит ему, он больше никогда и никому не отдаст ее, спросил о Кариме, потому что все эти месяцы его сопровождает тревога, тревога за нее, а видит он ее — и счастлив, ему достаточно ее видеть, тем более, что она для него все такая же, как будто и не было никаких семи лет...

— Все, — сказал он и сел, точно бы произнес эту речь, хотя из нее не было сказано ни слова.

В приоткрывшуюся дверь всунулась вихрастая голова парня.

— Азиз Латипович! Вас в клубе ждут!

Он прикрыл глаза и схватился за край стола, слов-

но мог удержаться, не уходить никуда. Как же он забыл, что сегодня сдает программу самодеятельность, совхозный ансамбль «Гунча»? Уже полчаса его там ждут! Ну, что делать? Принимай решение Азиз!

— Сейчас мы вместе идем в клуб,— сказал он. На концерт! Я надеюсь, вам будет интересно. Посмотрите, что умеют наши парни и девчата. Оцените. Помогите

Он обращался к ней как к городскому ценителю искусства и еще долго говорил что-то, пока она не согласилась растерянно:

— Ну, ладно...

В приемной шептались молодая секретарша, очередная будущая мама, и Зулейха.

— Азиз Латипович!— вскочила она.— Я тоже в клуб!

— Можно и мне?— спросила секретарша.

— Конечно...

Ее пятнистое лицо зарумянилось.

Так и пошли по улице со свитой. Случайные встречи здоровались. За заборами любопытных не было. Азиз отпустил Нафису с Зулейхой вперед, а сам пошел с секретаршей.

— Откуда появилась Зулейха?

— Я позвала.

— Зачем?

— Зулейха сказала — как приедет она. сразу зови меня... Я и позвала...

— Кто она?

— Мать Фируза.

— Кхм, кхм...

— Вы меня не выдавайте, Азиз Латипович, Зулейха будет сердиться... А я не виновата... Я не умею вам врать...

Разговор у первой пары, разговор двух женщин, двух матерей, был еще откровеннее.

— Вы друг другу так подходите!— сказала Зулейха, искренними и восторженными глазами оглядывая Нафису.

— Кто?

— Вы и Азиз Латипович.

— Это он поручил вам сказать?

— Ну, зачем вы так? Вы же умная и не злая, а добрая женщина...

— Откуда вы знаете?

— Иначе вас не выбрал бы Азиз Латипович.

— Кто это вам сказал?

— Никто. Я сама догадалась... Никто,— повторила Зулейха.— Я хочу вам помочь, потому что у вас что-то произошло... Не знаю, что. Знаю только, что вы его жена, а Фируз — ваш сын.

— Зулейха! — вытаращив глаза, попыталась осадить ее Нафиса, но это было невозможно, Зулейха сияла, на нее нельзя было даже сердиться.— Ох, придумали... Почему Азиз Латипович не женится?

— Зачем же ему жениться, когда у него есть вы? — Зулейха хихикнула, а Нафиса стала строгой.

— Вы очень хлопочете за него...

— Да!

— Жалуете?

— Мы его любим,— обиделась Зулейха и замолчала.

Их догнал Азиз, смущенный и обеспокоенный тем, что Зулейха вдруг чем-то рассердила, а может быть, даже обидела Нафису.

— Зулейха! Что вы тут такое говорите? Кажется, ваши слова не по душе Нафисе-ханум.

— Я сама женщина и знаю, что ей по душе,— гордо ответила Зулейха и прибавила шагу.

В клубе молодежь действительно заждалась директора, и концерт начался быстро. Певцы и танцоры, среди которых были и Якутай с Тургунали, пели о воде, о садах и ветрах, о своей молодости и о том, что здесь все молодое — поля, дороги, дома. И сама работа. Она тоже молодая, сильная, новая.

Зулейха увлеклась концертом. Нафиса тоже.

— Какая музыка! Я не слышала...

— Ее специально для нас написал композитор... — Зулейха назвала знаменитую фамилию.

— А наряды какие!

— В нашем Доме быта шили. Вот! Тоже там,— Зулейха тронула себя за воротник своего милого модного платья, Нафиса его похвалила.

А на сцене менялись люди и песни, звучали ферганская ялла, русские и татарские частушки, туркменские напевы...

— У нас двадцать национальностей! — сказала Зулейха.

— А какие?—спросила Нафиса.

— Вас это интересует?

— Да, как учительницу...

— Ах-ха! —что-то отметила про себя Зулейха, и Нафиса посмотрела на нее, но увидела сгорбленную фигурку вдалеке, в одном из рядов, с краю...

— Кто это?—спросила она, повернувшись к Азизу.

— Дилдор.

— Врач?

— Да... Вы же знакомы!— Он вспомнил Мост любви, их случайную встречу, которой был обязан тем, что он сидел сейчас здесь вместе с Нафисой.— Подойдите к ней. Ей тяжело...

— Как свечка, растаяла! Что с ней?

— Не знаю, но... Похоже, муж ее обидел. Пока она у нас работает.

Нафиса поднялась и на цыпочках подошла к Дилдору, не спуская с нее глаз. По тому, как улыбнулась ей Дилдор, как схватила ее за руку, как обрадовалась, Азиз понял, что не зря посоветовал подойти, сказать два слова... Одиночество Дилдор угнетало и его.

К нему подсела между тем Зулейха и зашептала:

— Азиз Латипович! Она уже интересовалась, какие у нас национальности... Насчет школы... Как учительница...

— Тихо, тихо,— остановил он.— Концерт!

— А потом... Сейчас она вернется, я боюсь, что не успею сказать, а это важно... Она за сыном приехала, а еще не видела его, не побежала туда, а тут, с вами... Ну?

— У вас страсть улаживать чужие дела,— усмехнулся он.

— У меня страсть к хорошим людям,— ответила Зулейха.— Извините...

И отсела.

А он подумал, что ему, пожалуй, надо было извиниться перед простодушной Зулейхой, которая была и наивна, и права в чем-то... Ведь Нафиса, правда, не побежала к мальчику... А чего ей бежать? Сейчас заберет его и уедет. А внимание, которое она оказала Азизу, это так, в знак благодарности за сына...

Домой шли вместе, проводили Дилдор до больницы, и она сказала:

— До свиданья! Вас сюда не приглашаю. Пусть никто из вас не знает этой дороги. Будьте здоровы.

— Приезжайте, Нафиса-ханум,— попрощалась Зулейха.

Во дворе Нафиса остановилась перед верандой, глядя на раскиданные по ней игрушки. Сын рос, и игрушки были уже солидные: самолеты, пароходы, ракеты... Даже луноход...

— Фируз!

Вышла тетушка Нигор, обняла Нафису, похлопала ее по плечам и шепнула:

— Он спрятался, не хочет ехать. Про игрушки вот сказал: их здесь оставлю...

— Балуете его! Сколько накупили...— Нафиса присела на корточки и принялась собирать игрушки.

Тетушка Нигор вернулась в комнату, вывела мальчишку за руку. Фируз плелся, упрямо нагнув голову, но как только исподлобья увидел мать, так и кинулся ей на шею...

А потом — автобус... Так быстро подъехал, зажег огни, началась посадка...

— Приезжай, доченька,— попросила мать и отошла, оставив сына с Нафисой одних, потому что Фируз уже успел забраться в автобус и звал мать, торопил.

— Я все же хочу спросить, Нафиса,— начал Азиз. Но она остановила его, улыбаясь:

— Я знаю, о чем... Не надо... Дайте мне думы свои додумать.

И когда автобус покатился, большой и освещенный, отчего почему-то стало особенно грустно, как будто он не катился, а уплывал в океан темноты, Азиз смотрел ему вслед, а мать смотрела на сына и вздыхала по-прежнему: «Эх, молодежь, молодежь...»

Глава двадцать первая

АВАРИЯ

Нафиса ошиблась — Карим никуда не исчез.

В те минуты, когда шла о нем речь у Азиза, он сидел в деревянной сараюшке уч-тамского спекулянта, называемой дружками «паука» по-свойски «казной»,

потому что там прятались ворованные товары. Сейчас в «казне» укрывался Карим...

«Паук» по этому поводу очень нервничал, не находил себе места.

— Свалился на мою голову, как черт! — проклинал он Карима, иногда заползал в «казну» и умолял его уехать, убраться, пока не поздно.

Кирпич у «паука» забрали, увезли, акт составили, но самого почему-то пока не трогали, и он догадывался почему. Держали как приманку для Карима. Должен же тот где-то искать убежища... Вот и ждут, когда он придет в «Уч-там». А он уже здесь третий день... Сидит в «казне», пахнувшей луком, которым завален пол. Накрывается с головой старыми мешками, когда отходит скрипучая дверь...

«Паук» плакал, а Карим смеялся:

— Ты радуйся, что я у тебя... Пока я в бегах, ты им тоже нужен на свободе. А как меня найдут, так и тебя сграбастают! Прячь лучше!

— Что делать? Что делать?! — метался «паук».

— Ищи покупателя, загоняй свой дом — и тю-тю! Только они и видели! Махнем куда-нибудь вместе. У тебя много денег? Должно быть, много?

— Э-э, что ты городишь! — еще больше расстраивался «паук». — Я за этот дом все деньги отдал... Куда бежать? Пусть грабастают! Я не так виноват, как ты! Все, что мне продают, я покупаю... Если выгодно... И кирпич... Ты продал, а я... в голове не держал, что кирпич ворованный!

— Ну да! — смеялся Карим. — У меня же свой кирпичный завод!

— Скажу, что ты меня обманул. Расчищал строительную площадку, увозил мусор... Благоустройство! Твои слова! Это был не кирпич, был мусор... Да! А я купил по дешевке... Шофер твой — надежный парень? Не выдаст?

— Не бойся, он надежный... Не о нем думай, обо мне. Оторвут тебе голову, оторвут, если я попадусь! Молчи!

И «паук» носил ему еду и чай в «казну» два дня. А на это, на третье утро, сказал, что, похоже, в чайхане появилось два человека... Тех, оттуда... Сидят, пьют чай, наблюдают, и все больше за его домом... Одеты в

гражданское, как все, но чем-то неуловимо ото всех отличаются... У одного из-под куртки, если приемотреться внимательней, кобура выпирает...

Кариму показалось сначала, что старик пугает его, но тот клялся и божился, как мог. А самому — не посмотреть, не проверить!

— Ладно,— сказал он,— ты следи за ними, не спускай глаз. А вечером я уеду...

— Как?

— Остановишь машину, договоришься с шофером... Аллах захочет — поможет! Ступай к своим дыням!

Машины на «Уч-там» толпятся у чайханы дотемна, словно у них тоже здесь свои сборища и заботы, одной — долить воды в радиатор, другой — вздремнуть полчасика, третьей — на шофера пожаловаться соседке... Но падает ночь, и пустеет площадь перед чайханой. У шоферов есть свои дома, кроме дорог. Разъезжаются... Кто куда...

Когда Карим вышел за калитку, мягкое одеяло ночи уже накрыло широкую степь. Все еще светящаяся чайхана была пуста... Карим прибавил шагу, заспешил к машине, темневшей на шоссе, подошел и узнал свой ЗИЛ.

— Ренат!

— А!

— Это ты?

— Я. А это вы? Хм! Вот старик! Подошел, узнал меня, обрадовался... Говорит: «Есть пассажир». Я спрашиваю: «Самец или самка?» А он: «Сам увидишь». И побежал...

— Поздороваться надо сначала,— сказал Карим.

— Здравствуйте, садитесь.

— Ты не рад?— спросил Карим уже в кабине, когда ЗИЛ взревел и они тронулись.

Ренат успел освоиться немного, ответил:

— Почему? Свой человек... Где пропадали?

— Об этом не спрашивай!

— Курите!

Карим взял папироску из пачки, протянутой Ренатом, с удовольствием затянулся, ведь даже этого маленького счастья он был лишен три дня! Что за жизнь!

— Очень хотелось, похоже?— спросил Ренат.

— Догадался, дружище!

Ренат улыбался, а голову сверлила мысль: «Что же теперь? Как быть? И как вести себя дальше?» Ренат опять принимал решение и понял, что раз судьба играла с ним так, как получилось, надо было доводить свою роль до конца без мудростей, не вилять... Привезти Карима в поселок и сдать Саттару-ака с рук на руки. Будет сопротивляться, скрутят... Сильных ребят в поселке хватит...

А Карим докуривал папиросу, развалившись на мягком сиденье, и спрашивал:

— Хозяин как?

— Лег в больницу.

— А что такое? — Карим напрягся, переменив позу.

— На сердце жалуется...

Карим усмехнулся и покрутил головой.

— Начальство в больницу ложится от неприятностей, — сказал Карим, опустив стекло и выбрасывая окурок. — Не в сердце дело... у нашего хозяина оказалась кишка тонка!

Ренат деланно хохотал, думая, кого можно позвать к машине, как только подъедут, и где лучше остановиться... И в это время Карим скомандовал:

— Стой!

«Сойдет, и поминай, как звали!» — подумал Ренат, тормозя, а сам спросил:

— Куда?

— На полевой стан. К Ханкельдыевой Уктамхон... Солнышку моему ненаглядному...

Этот человек еще мог улыбаться и шутить, однако. Герой! Ну, и ты не дрейфь, Ренат...

— Мне надо сначала в поселок заехать, и так задержался. Хватятся, искать начнут... Сейчас все бдительные стали! А у меня был левый рейс... Доложусь Саттару-ака и...

— Саттар-ака вместо хозяина? — перебил Карим.

— Временно.

— Этому вояке давно уже на пенсию пора, а он все еще воюет. С басмачами воевал, с фашистами воевал, теперь с нами воюет... Вверх лезет! Чтобы повыше и послаще!

— Я же говорю — временно.

Карим покряхтел, усеялся удобнее, привалившись к углу кабины, будто собирался уснуть.

— Все мы временные... Постоянное место бывает только на том свете... Где зароят, там и лежишь... Вечно! Оттуда не убежать.

Слушая его философские размышления, Ренат тронул свой ЗИЛ тихонько, словно надеялся, что Карим не заметит. Даже пустой прицеп, который обычно громыхал и стучал бортами при малейшем рывке, сейчас притаился и следовал за грузовиком беззвучно. Ренат уже думал: «Привезу, сдам, скажу: «Вот вам материально ответственная личность!» Так хотелось поскорей от него отделаться!

— Направо! — приказал Карим.

Доехали как раз до поворота в ханкельдыевскую бригаду, и ничего не оставалось Ренату, как повернуть, чтобы не спугнуть хитрую птичку...

— С друзьями не считаетесь! — упрекнул он Карима.

— Оставишь меня в бригаде, а сам — сразу в поселок, — великодушно разрешил Карим.

— Ясно.

Дорога на стройплощадку нового полевого стана была засыпана гравием, он гремел под колесами и щелкал по днищу. В металлическом звоне подъехали к двухэтажному корпусу, поднимавшемуся на лужайке, освещенной несколькими лампами, горевшими на бетонных столбах, изгибавших свои лебединые шеи. Их установили первыми... Девушки, работающие и на полях, где поздно созрел пересейанный хлопок, и на стройке, ютились в двух палатках. Карим взял Рената за руку, сигналив, чтобы он не подъезжал близко, но шум грузовика, конечно, все равно был слышен, и какая-то девичья голова выглянула из палатки. Эх, были бы тут парни!

Пока Ренат разворачивался в отдалении, от палатки крикнули:

— Кто это?

Не отвечая, Карим выскочил из кабины и пошел в сторону, за стройку. Там стоял «Москвич» Ханкельдыевой... Вот он! Тот, ради которого он сделал эту небезопасную дорогу. Дверцы открыты... Стекла опущены... И ключ зажигания в замке... Карим вынул его и бросил в свой карман. Хорошо... Пока аллах помогает. Как-то Уктамхон щедро позволила: «Берите мою ма-

шину!» Вот мы и возьмем... Укатит Ренат, и мы... Не будем здесь задерживаться...

— Кто там? — повторился вопрос от палатки — спрашивала Ханкельдыева. — Кто приехал?

— Я, моя радость...

Ренат решил про себя: «Ну так, он прилип», — и рванул в поселок.

А наша добрая Ханкельдыева побежала навстречу Кариму, схватила его за руки:

— Карим-ака! Вы?

— Что ты на меня так смотришь? Не узнаешь?

— Вас ищут! Из милиции приезжали, меня спрашивали...

— Что ты сказала?

— Что у вас жена в Янгиере... Нафиса... Что она в школе работает... Больше ничего.

— Я в кишлак ездил, к матери... Проведал больную мать...

— Что с ней?

— На сердце жалуется, — повторил Карим фразу, бывшую на памяти — он только что слышал ее от Рената, когда спрашивал о хозяине.

— Как она сейчас?

— Сейчас лучше... А когда получил телеграмму, испугался, помчался сразу... ночью... никому сказать не успел...

— Ой, а тут! — Уктамхон всплеснула руками. — Уехал без расчета! Удрал! Тысячу рублей взял! Я мучилась... Хотела зайти в бухгалтерию, рассчитаться за вас, ведь это я вас в совхоз привезла...

— Деньги — грязь, — сказал Карим. — Спасибо, что верила.

— Как я могла иначе?

— Тысячу рублей твоих мне не надо... А вот в поселке надо бы появиться, доложиться, что я здесь, кончить вымыслы...

— Ой, говорят, говорят...

— А что?

— Повторять страшно!

— Дай мне свой «Москвич»! Разреши на нем сгонять в поселок. Покажусь и вернусь. А то я сразу сюда... К тебе. Больше всего не хотелось, чтобы ты обо мне плохо думала... И уездеть... Тебя увидеть спе-

шил... Вот увидел и успокоился... Ты слышишь, Уктам-хон?

— Да...

— Ук-там-хон... Я все время повторял твое имя в разлуке... Знаешь, она и мучит, и учит... За эти несколько дней я понял, что ты мне дороже всех!

— Это был Ренат?

— Нет, попутный грузовик... Ну, как?

— Что?

— «Москвич»...

— Ну, конечно, берите... О чем речь!

— Я скоро!

Карим почти побежал к машине. Завелась она сразу, при первом повороте ключа. «Хорошие машины делают», — с благодарностью подумал Карим об автомобильчиках, выдернул чужок рукоятку ручного газа, чтобы не заглох ровно шумящий мотор. Разогреть его было некогда. Он помахал рукой Ханкельдыевой и выехал на дорогу, провожаемый ее ответными взмахами.

Здесь прибавил скорость и глянул на стрелку бензобака. Заправлена машина под горлышко! Куда ей ездить-то, Ханкельдыевой?

И тут он увидел, что со стороны поселка появились две пары горящих автомобильных глаз. Судя по всему, они надрывались, торопились к полевому стану... «Ренат продал!»

Хорошо, что он ехал, пока не зажигая фар. Доберется до шоссе без света. А там... Он оглянулся и посмотрел назад. Фары скрылись... Ну, конечно, свернули к полевому стану... Жми, Карим! А куда? Думай, думай!.. Так, асфальт... Можно включать фары... По шоссе еще мчались машины, туда-сюда, сейчас все перемещаются... Да здравствует развитие автотранспорта! Фары из поселка? Их все еще нет... «Где им меня догнать?» — не без гордости подумал Карим, и тут в просвежающую от ветра голову пришла мысль, что ехать надо в Фируз, к Ханифе. Жирная сваха всегда косила глаза на него, может укрыть, на худой конец хоть накормить-напоить... У Ханкельдыевой поесть не удалось, зато вот руль в руках...

Да, конечно, приютит Ханифа! Поживем спокойно, сыто-пьяно, в стороне от дорог. А там тихонько в Таш-

кент... В ближайшие дни на этой машинке двигаться опасно, могут сообщить постам номер, будут останавливать, проверять документы...

Вперед, вперед!

Придется проскочить «Уч-там», но тут уж ничего не сделаешь. Кто это стоит на перекрестке? Инспектор ГАИ? Нет, инспектор вон ходит у своего мотоцикла, как привязанный, а этот просто голосует... Голосуй, голосуй за расширение сети автодорог в Мирзачуле. А то пишут, пишут — много дорог, а вот была бы хоть одна в объезд «Уч-там», так нет! Схема! Много дорог и мало...

Фу-ты!.. Проскочили. Прощай, автоинспектор... Прощай, голосующий...

Через час запахло горами... Их холодные тела уже где-то выросли в ночной тьме, замаячили вдалеке, еще невидимо, но осязательно... Еще через час дорога пошла вверх, вверх... Так, горы...

Перед рассветом он остановился у ворот свахи Ханифы. Калитка была закрыта на засов, и он подумал, что, видимо, мужа нет дома, а трусливая Ханифа закрылась получше, бережет свою честь! Сейчас откроет... Карим заколотил в калитку кулаком. Не открывали. Тогда он подошел к «Москвичу», стоявшему мордой к калитке, и включил фары. И сейчас же разда-

— Кто там?

— Я, Карим.

— Ты что, с ума сошел? Потуши свет. Разбудишь Салима, а он, знаешь, какой, может ножом пырнуть.

— Не пугай! Что, он дома, твой вонючий старик?

— Карим-ака! — остепенилась Ханифа после того, как ее одернули. — Тише, пожалуйста!

— Ладно... Принеси мне поесть. Я голодный. И выпить... Бутылку.

— Да ведь вы за рулем.

— Не жадничай! Нашла причину. Давай, давай. Бегом.

Он сел в машину и так крепко сжал руль, что почувствовал дрожь в руках. Ну вот... Приехал... А под крышу не пускают! Надо развернуться, пока Ханифа собирает жрать, а то, правда, проснется этот Салим, поднимет шум на весь Фируз. Разворачиваясь, Карим

ударил машину о высокий камень у мостика. Она дрогнула вся. «Несчастливая железка!» — мелькнула мысль, остановился, но даже не подумал вылезть и посмотреть.

— Карим-ака! Карим-ака!— Это вышла Ханифа и приблизилась к «Москвичу» осторожно и пугливо, как будто он мог взорваться.— Я хочу вам сказать... О вас говорят в Фирузе...

— Что? Кто?

— Плохо... Нафиса письмо прислала матери.

— Она?

— Да.

— Паскуда!— сказал Карим и вцепился зубами в кусок мяса, вытащив его из узелка, принесенного Ханифой.

Он зубами открыл бутылку, слегка порезав о железную нащепку на горлышке губу, и, выругавшись, отыскал в узле пиалушку. Водка была холодная. В доме Ханифы был холодильник. Культура достигла кишлаков.

— Пойду,—взмолилась Ханифа, поеживаясь.

— Ладно, душа моя... Тряпку свою возьмешь?

— Не надо!— Ханифа махнула рукой и скрылась за калиткой.

А он не спеша выпил еще пиалушку водки и съел все, что было в узелке, до крошки. Поискал глазами, где бы устроить бутылку с остатком водки, не нашел. «Делают машины!» И опрокинул все в себя, глоток за глотком, прямо из горлышка.

А потом он поехал.

Руль не слушался. Машину швыряло то вправо, то влево. На дороге камней набросали, на обочине пней наставили... То стукнет, то звякнет, то загрохочет... Голова кружилась, в глазах все плыло, но одна мысль была ясной: лезть все выше, в горы, где нет людей... Спасение только в горах...

Там звезды близко, воздух чист, живется легко...

Вот сейчас арчовая роцца... А за ней... Он куда-то свернул и не почувствовал, как машина сломала легкие перильца горного моста...

Утром пастухи, перегоняющие овец низиной, увидели в пропасти разбитый «Москвич», придавивший чей-то обезображенный труп.

- Ничего себе,— сказал молодой.
- Авария,— произнес старик.
- А куда он ехал, бедняга— заинтересовался молодой, запрокинув голову.— Там и дороги нет!
- Наверно, заблудился. Беги, сообщай...

Глава двадцать вторая

СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ

«Зачем, для кого я веду эти записки? Для самого себя. Мне интересно начать с начала, когда меня еще не было в Мирзачуле, включить себя в поток мирзачульской жизни, потому что теперь я сам тоже стал мирзачульцем и горжусь этим. Дневник не дневник, чаще всего меня просто не было при многих событиях, на историю освоения и расцвета Голодной степи это тоже не претендует. Да и чего мне писать историю, когда есть книги и архивы!

Я записываю в свою толстую тетрадь все, что мне кажется заслуживающим этого из прошлого и настоящего нашей мирзачульской жизни. Что-то из прочитанного. Что-то из рассказанного, о чем еще не писали и не слышали... Так, про один случай в первые месяцы строительства Фархадской ГЭС, случай, в котором столько же забавного, сколько и мужественного, мне рассказал Нормат-ака. Он участвовал в героическом строительстве знаменитой ГЭС на Сырдарье, начатом в годы войны, это он руководил там ферганцами.

А вот другой случай, о котором я услышал от него же, старого степного волка, когда мы недавно ехали вместе с ним, Якутай и Тургунали на слет молодых хлопкоробов.

Однажды, давно уж это было, без малого лет двадцать тому назад, целая эпоха прошла, улыбнулся Нормат-ака, его вызвал к себе начальник «Голодностеп-строя». А он там тогда и работал...

— Какой-то писатель едет!— сказал человек, пришедший за ним.

Полночь наступила... Но тогда в это время работали. За столами в управлении сидело больше людей, чем спало дома, в кроватях... Даже дни называли «уплотненными». И, рассказывая, Нормат-ака воскликнул:

«Ох, эти уплотненные дни!» Без жалобы, однако, скорее с восторгом... И с памятью о тяжести этих дней, которая восторга не уменьшала, может быть, даже увеличивала.

Действительно, писатель ехал. Московский. Должно быть, известный. Акоп Абрамович Саркисов — начальник «Голодностепестроя» — попросил встретить на дороге, — проводить.

Нормат-ака побежал в гараж, взял машину, выехал на большую дорогу из Хаваста, по которой должна была идти машина с самаркандского аэродрома, и стал ждать на обочине.

Минут через двадцать показалась «Победа», в ту пору наш автомобильный лидер, Нормат-ака выбежал под фары, замахал руками. Остановились. Писатель вышел, высокий, моложавый и — странно — весь седой, с застенчивыми и задумчивыми глазами. Посмотрел на встречающего и сказал:

— Зачем же! Мы бы сами нашли.

— Степь большая... — ответил Нормат-ака. — А скоро поворот... Без асфальта...

— Ну, спасибо... — Он протянул руку: — Симонов.

Для кого-то это имя, может быть, не значило столько, сколько для Нормата-ака. Фронт... «Жди меня»... Боевые корреспонденции с самых разных мест... И встреча — в ночной Голодной степи...

У первых землянок, среди которых затерялось два-три вагончика, Симонов попросил остановиться и долго смотрел на них.

— Напоминает настоящий фронт.

Ему-то можно было верить... Он знал фронт... Летал, ездил, ходил.. И ползал, если «пули свистели по степи»... На войне не знали слова — «бездорожье» и других слов — «нельзя добраться»... А иногда и дорога была, но она простреливалась противником, хорошая дорога была дорогой смерти, а нам надо было дойти до победы, до Берлина...

— В самом деле, как на фронте, — повторил писатель.

Вот его военные книги лежат у меня на полке. Про живых и мертвых, про солдат, которыми не рождаются... Тогда еще не было этих книг в природе, но Нормат-ака, сам фронтовик, легко мог понять собеседника,

сказавшего, что здесь, в Голодной степи, как на фронте...

В управлении не меньше часа беседовали с Саркисовым, а потом Симонов спросил, нельзя ли сейчас поехать в совхоз к Усману Юсупову? Вероятно, попав в Голодную степь, он и сам почувствовал себя как на фронте, не хотелось терять времени, ночь не замечалась...

— Очень хорошо, — ответил Акоп Абрамович. — Поезжайте, а я ему звякну...

На баяутской дороге их встретил большеголовый и широкий в плечах человек, а руки...

Рассказывая, Нормат-ака показал свои крестьянские руки:

— Больше, чем у меня!

Это и был Усман Юсупов.

Нормат-ака приготовился познакомить его с Симоновым, какие-то почтительные слова вспомнил для этого, а они уже обнялись. Они были старыми друзьями! Всю торжественность пришлось отменить...

Проехали немного по ухабам, которые назывались районной дорогой, и остановились.

— Посмотрите, — показал рукой Усман Юсупов. — Новый сад.

В темноте тянулись к звездам черные линии прутиков... А Усман Юсупович перечислял:

— Кубинские гранаты, асакинский виноград, маргиланские персики, бустонайский миндаль, исфаринские фисташки...

— Принимаются деревья на этой земле? — спросил гость.

— Больше двух третей принялось... Ты же видишь — растут! Это значит, что Голодная степь уже покорилась... хотя, конечно, большие дела в Мирзачуле только начались...

Дома, когда сели поесть, Усман Юсупович еще рассказывал, что на просторах Мирзачуля будут цвести и плодоносить сады для всей страны...

— Смотрю на них, а думаю о детях Сибири, Дальнего Востока, Ленинграда и Бреста... Пока это все, что ты увидишь, это... это... проба пера! Ты извини, но мы ведь тоже творческие работники! — улыбнулся Юсупов.

— Я согласен,— улыбнулся и Симонов, набивая трубку.— Зачем извиняешься?

— А теперь о главном...

И, хотя стрелки повернули к третьему часу ночи, Юсупов начал рассказывать о хлопковых полях, о широкорядном способе сева, который применял один его бригадир...

Вместе со мной рассказ Нормата-ака слушали Якутай и Тургунали, и тот закричал:

— Так это же! Они уже тогда начали наши сегодняшние дела?

— Да, сынок... Все имеет свои глубокие корни... На пустом месте и трава не растет... Ничего не растет!

Утром, видно, так и не ложась спать, они поехали на хлопковые поля, и Симонов попросил еще раз остановиться у нового сада.

Как ни странно, на рассвете прутьики будущих деревьев показались тоньше и беззащитней, чем ночью. Гибкие, робкие... вот-вот сломаются! Но сад был бескрайним.

Теперь, когда едешь мимо и видишь, как он цветет весной, дух замирает.

Вот что я сделаю... Как только последний комочек «белого золота» будет отправлен с хирмана, я приглашу, сам привезу Рахима-бобо, мы обойдем, объедем всю землю совхоза и заложим сады... Ни метра земли я не оставлю пустой. Везде, где можно, будут цвести и плодоносить деревья... На Голодную степь работает вся страна — бетонные лотки, керамические трубы, автоматизированные механизмы на водоразделах, хлопкоуборочные комбайны, металл, электроэнергия, ученые, изыскатели... И вся страна будет получать наши фрукты, как мечтал Усман Юсупов.

Вот о встрече каких людей рассказал нам Нормата-ака.

А третьим удивительным человеком был Акоп Абрамович Саркисов, которого и сейчас помнит и любит весь Узбекистан. Когда он спал, Саркисов? Один из его друзей, по словам Нормата-ака, сказал как-то в разговоре с ним: «В машине». — «Какой это сон!» — «Ему хватает. Вздремнет в дороге, и все!»

Это он, Акоп Саркисов, завещал, чтобы не меняли названия цветущей земли: «Голодная степь». Пусть

оно остается для истории и наводит мысль молодых на прошлое, на то, чтобы оставить и свой след на некогда голой и страшной мирзачульской земле...

Ну вот... Еще несколько страниц... Страницы тетрадки... Нет, страницы жизни... Нашей. Моей и твоей... Мы все — мирзачульцы. Старые и молодые. Мужчины и женщины, наши славные, такие необходимые, суровые и нежные степные фиалки...»

Азиз отложил ручку, закрыл тетрадь, закурил и вспомнил о Дилдор. О ее ташкентских фиалках... Здесь просторы были совсем другие...

Он упрекнул себя мысленно, что давно не видел Дилдор. Как она? Сегодня же выберет время, чтобы зайти к ней на работу... И только дал себе это слово, как она позвонила.

— Здравствуйте, Дилдор!— обрадовался он ей.— Как здоровье? Как себя чувствуете?

Но она не стала рассказывать о себе.

— Азиз-ака! Совсем глохо с Ахмаджаном...

С утренней почтой, оказывается, пришло от него письмо. Из Гулистанской больницы. Он писал, что каждый день у него такое ощущение, будто глядит в могилу и чувствует ее холод... А может быть, это и лучше — для нее, для него? Он просил, чтобы Дилдор приехала, если только сможет простить его и остаться с ним навсегда. Навещать его не надо. Пусть она хорошо подумает, над его словами... Навсегда. Только так.

И снова грозил, что умрет, и писал, что готов к этому, не пожалеет о своей жизни, она получилась не такой, чтобы жалеть и казниться... Нет так нет! Туда ему и дорога!

По этому поводу было написано так много красивых слов и поставлено столько восклицательных знаков, что Дилдор было стыдно читать, а ему неловко слушать.

— Простите его,— тем не менее сказал Азиз.— Мы-то с вами знаем: он ребенок.

— Совсем безобидный!— ответила Дилдор.— Ребенок, который думает только о себе. Эгоизм и у ребенка и у взрослого — все равно эгоизм!

Да, конечно... Он мог бесконечно говорить о себе, о своей беде, о здоровье, чтобы склонить ее к возвраще-

нию, а о ней не думал, не беспокоился, хотя ей сейчас совсем нельзя было волноваться. Больше чем ему нельзя! Но ведь, с другой стороны, он и не знал...

— Хотите, я съезжу к Ахмаджану?— предложил Азиз.— Навещу, посмотрю на него, поговорю с врачами и с ним...

— Ох, Азиз-ака! Ну, какой вы... догадливый! Я хотела вас попросить об этом... и не решалась... Время!

Назавтра пришлось встать пораньше, чтобы справиться с неотложными делами, и вот опять дорога, пусты, очищенные для новой битвы поля, современные улицы всегда молодого Гулистана, города, в котором не было и не будет той половины с кривыми улочками и базарами, которую обычно называют старым городом и где доживает свое прошлый век... Но прошлое — цепкое дело! Оно доживает свое и в душах...

Сестра дала белый халат... Сказала, что объективно больной чувствует себя прилично, однако — затянувшаяся бессонница... Много думает, нервничает... Вспыльчив до грубости... Поговорите...

Палата, где лежал Ахмаджан, была маленькой, с сиреневой занавеской на окне, в котором сияло хоть и озябшее, но все равно яркое солнце... Ахмаджана трудно было узнать — глаза ввалились, волосы отросли и спутались...

— Ты?— Он натянул на себя одеяло до подбородка.

— Я!— Азиз улыбнулся и протянул руку.

И Ахмаджан вдруг улыбнулся тоже, откинул одеяло, сел, подоткнув под себя подушку, и ответил на рукопожатие. Он обрадовался посещению...

— Ну, как?— спросил Азиз, присаживаясь на стул у постели.

— Как видишь... Пока живой... Больше ничего сказать не могу. Сомневаюсь, что выкарабкаюсь из этого состояния...

— Слушай,— и Азиз рассмеялся.— Брось ты это уныние! Эту позу обреченного! Это «пока»! Жить ты будешь... Но — как? Вот о чем надо думать. В этом — твое лекарство.

— Знаю. И думаю.

— Ну?

— Возьмешь меня к себе в совхоз? Поливальщи-

ком, простым рабочим... Я серьезно говорю. Это не поза.

— Я вам и бригаду доверить смогу, наверно, товарищ Умурзаков,— с мягкой полуусмешкой сказал Азиз.— Но погодите, вас еще не сняли.

— Снимут... Голову даю наотрез, что снимут!— Он пытался говорить весело, хотя в глазах заблестели слезы.

И Азиз понял, как тяжело дались ему эти слова, в какую схватку вступили в нем истина и самолюбие. Надо было заговорить о чем-то другом, и он спросил, оглядевшись:

— Книги у тебя тут есть?

— Не читаю. Не могу.

— Чем же ты занят?

— Кошки на душе скребут... А я слушаю, слушаю, вздыхаю...

— Как-то...

— Что?

— Не очень по-мужски.

— Да, ты прав.

Азиз вынул и протянул ему толстую тетрадь со своими записями.

— Вот... Почитай на досуге... Ехал — сунул в карман. Не потеряй, мне это дорого.

— Не волнуйся.

Взяв тетрадь, Ахмаджан начал листать ее, читать навыбор, прыгая взглядом со страницы на страницу. То хмыкал, то сводил брови и морщил лоб...

— Спасибо, интересно...— Он сунул тетрадь под подушку, порылся там и вытащил помятый, плотно сложенный бумажный лист.

— А вот мое творчество...

Азиз развернул лист и прочел: «Прошу освободить меня от работы, поскольку с доверенной мне обязанностью директора совхоза не справляюсь».

— Куда ты это послал?

— В Министерство совхозов... А в райком партии написал, чтобы поддержали мою просьбу, так сказать... И наказали по заслугам... в партийном порядке... Я понимаю, ты опять подумаешь, что это поза... Игра в раскаяние... Но это не так...

Азиз еще раз прочитал строки, в которых несколько

слов было зачеркнуто, понял, что это черновик, и сказал:

— Коротенько написано...

— Кому нужен барабанный бой после свадьбы? — спросил Ахмаджан. — Важно, что написано... Снимут, накажут... А вот как я оправдаюсь перед своей совестью?

— Старики учат: грехи смывают трудом. Прислушайся к ним.

— Я работы не боюсь... Боюсь другого... Самое трудное — работа над собой. Себя скоро не переделаешь.

— Не бойся. Важно, что ты понимаешь: надо. Пусть медленно, но — надо. Извини за прямое слово. У нас в Фирузе говорят: только верблюды хороши горбаты, а слово должно быть прямое.

Ах, как хорошо, что в этом разговоре была дружеская улыбка! Она помогала одному обходиться без ора-торства, другому — поддерживать в себе силу духа. Самы не заметили, как перебрались на другую тему, на поля, где они выращивали хлопок. Эти же поля по существу растили их самих. Ахмаджан интересовался успехом посева, завидовал Азизу, радовался, как тому пригодились знания и ученая голова, чтобы одолеть беду, а ведь когда завидуют вслух да еще при том, кому завидуют — это неплохой признак, обсуждали проблемы двухстрочного сева и густоты стояния хлопчатника, но этого мы с тобой, дорогой читатель, не поймем до конца, потому что выращивание хлопка — сложная наука. Помнишь, сам Ахмаджан вспоминал однажды слова стариков: «Хлопок, как ребенок, только не кричит!» Говорили о том, как меняются дали Мирзачуля...

И о том, что в любую даль человек приносит все сложности своей жизни, что жизнь его остается сложной, пока он человек, пока работает и любит, пока дышит...

Прощаясь, Азиз вернул Ахмаджану лист и спросил:

— Давно отправил?

— Несколько дней назад... Как и письмо Дилдор...

В тот же день. Она здорова?

— Да...

— Сейчас она не приедет?

— Нет. Но ты береги себя... Твоя жизнь нужна твоему ребенку... Вашему с Дилдор ребенку...

Ахмаджан смотрел на Азиза, не отрывая глаз, и приподнялся, будто хотел уйти вместе с ним.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

В апреле 197... года Дилдор родила дочку. На ступенях родильного дома встретил ее дед Рахим-бобо и отвез к себе, в свой сад, где уже осыпались последние лепестки цветов с яблонь и красным цветом наливались ягоды черешни. Под ними, на зеленой лужайке, цвели фиалки...

Каждый день в дом старика приезжали гости — то его знакомые, то друзья Дилдор, то из Ташкента, то из Голодной степи... В доме всегда народ, ведь дед жил по мудрейшему принципу, говорящему, что если дома многолюдно, то и на улице не страшно.

Приезжали и Азиз с Нафисой.

Об Ахмаджане доходили известия, что он работает бригадиром в самом дальнем совхозе, на краю Мирзачуля...

В тот вечер стало жарко, потому что солнце весь день грело по-летнему. Казалось, мирзачульские ветры долетали до кибрайских широт, где проводила свой отпуск Дилдор...

Скоро ей предстояло вернуться в тридцать второй совхоз, и довольно много народа собралось в саду у старика, чтобы попрощаться с ней. Обычно накрывали на веранде, а сегодня Дилдор кинула курпачу прямо на траву, в саду...

Там все и расселись, разговаривая о разном.

А в доме заплакала малышка.

— Инга, инга,— голосила она на весь сад.

Дилдор вскочила и побежала к ней, хотя даже дед сказал, что детское дело — плакать, и девочка хорошо с ним справляется. Поплачет — перестанет...

Малышка, которой по совету Рахима-бобо дали имя Бахор, в самом деле унялась, раньше чем Дилдор добе-

жала до дома. Она хотела уже остановиться и вернуться, но все же переступила через порог, чтобы взглянуть на дочь...

И увидела Ахмаджана.

Он стоял на коленях перед люлькой, шепотом напевая дочери колыбельную, которую, быть может, напевала ему мать. Дилдор замерла и смотрела на человека, который принес ей столько надежд и разочарований, радостей и горя... Как, когда он попал сюда, в эту комнату, где спала малышка? Смотрела на его согнутую спину, на опущенные плечи и понимала, что еще любит его. И верила ему, потому что без веры нельзя любить.

1975 г.